

ISSN 2543-5787

Komisja Emigrantologii Słowian
Międzynarodowego Komitetu Słowistów
Uniwersytet Opolski

Emigrantologia Słowian

Nr 1

Opole

REDAKTOR NACZELNY CZASOPISMA

prof. Bronisław Kodzis (Opole, Polska)

RADA NAUKOWA

prof. Nina Barszczewska (Warszawa, Polska), prof. Frank Göbler (Moguncja, Niemcy), prof. Hanna Kowalska-Stus (Kraków, Polska), prof. Tatiana Landa (Tel Awiw, Izrael), prof. Wanda Laszczak (Opole, Polska), prof. Nina Osipova (Moskwa, Rosja), prof. Anna Rażny, prof. Zdeněk Pechal (Olomuniec, Czechy), prof. Giovanna Spendel (Turyń, Włochy), prof. Tadeusz Sucharski (Słupsk, Polska), prof. Sevinç Üçgül (Kayseri, Turcja), prof. Anna Woźniak (Lublin, Polska), prof. Wiktoria Zakharova (Niżny Nowogród, Rosja)

REDAKTORZY TEMATYCZNI

prof. Izabella Kowalska-Paszt (Szczecin, Polska), dr hab. Michał Głuszkowski (Toruń, Polska)

REDAKCJA TECHNICZNA, JĘZYKOWA, SKŁAD I KOREKTA

prof. Izabella Kowalska-Paszt, dr hab. Michał Głuszkowski

ADMINISTRATOR STRONY INTERENTOWEJ CZASOPISMA

mgr Daniel Borysowski (Opole, Polska)

RECENZENCI NUMERU 1/2015

prof. Adam Bezwiński (Bydgoszcz, Polska), prof. Anna Brzozowska-Krajka (Lublin, Polska), dr hab. Jolanta Brzykcy (Toruń, Polska), prof. Marina Chatiamowa (Tomsk, Rosja), prof. Olga Demidowa (Petersburg, Rosja), prof. Andrzej Dudek (Kraków, Polska), dr Adam Kola (Toruń, Polska), prof. Anna Kościółek (Toruń, Polska), prof. Hanna Kowalska-Stus (Kraków, Polska), prof. Wanda Laszczak (Opole, Polska), prof. Joanna Mianowska (Bydgoszcz, Polska), prof. Iwona Anna Ndiaye (Olsztyn, Polska), prof. Galina Niefagina (Słupsk, Polska), prof. Anna Paszkiewicz (Wrocław, Polska), prof. Iwona Rzepnikowska (Toruń, Polska), prof. Anna Woźniak (Lublin, Polska), prof. Wiktoria Zakharova (Niżny Nowogród, Rosja), dr Piotr Zemszał (Toruń, Polska), prof. Lech Zieliński (Toruń, Polska)

© Copyright by Komisja Emigrantologii Słowian, Instytut Sławistyki Uniwersytetu Opolskiego & Autorzy

Komisja Emigrantologii Słowian
Międzynarodowego Komitetu Słowistów
Uniwersytet Opolski

Emigrantologia Słowian

ISSN 2543-5787

Nr 1 (2015)

Opole

SPIS TREŚCI

<i>Od redakcji</i>	5
Lucjan Suchanek – <i>Комиссия эмигрантологии славян Международного комитета славистов</i>	9
Анна Забияко, Андрей Забияко – <i>Фольклор как основа сохранения русской идентичности в китайской среде (по материалам Трехречья)</i>	13
Екатерина Ефимова – <i>Картина мира Русской Православной Церкви Заграницей (по материалам устной и письменной словесности)</i>	27
Виктория Захарова – <i>Повесть М. Осоргина «Из маленького домика» и рассказ Ив. Бунина. «Из записей неизвестного»: своеобразие жанрового синтеза</i>	39
Олег Федотов, Антонина Шелемова – <i>Окровавленная Россия с другого берега: двоemiрие в эпопее Ивана Шмелева «Солнце мёртвых»</i>	53
Grzegorz Ojcewicz – <i>Psalm «Pochwała pracy» św. matki Marii z Paryża (Jelizawie-ty Skobcowej) jako koncepcja duchowego rozwoju człowieka</i>	63
Татьяна Ланда – <i>К вопросу о политической драме в творчестве В. Набокова и И. Бродского. На материале пьес В. Набокова «Изобретение Вальса» и И. Бродского «Демократия!»</i>	77
Hanna Kowalska-Stus – <i>Историческая перспектива образа мира в творчестве Николая Ульянова</i>	85
Несиба Палибрк-Сукич – <i>Библиография изданий российского зарубежья в городе Панчево - проблема учета, описания, сохранения, использования и оцифровки</i>	97
Noty o autorach.....	113
Wymagania redakcyjne oraz zasady przyjmowania i recenzowania artykułów.....	115

Od redakcji

„Emigrantologia Słowian” to pismo naukowe afiliowane w Instytucie Sławistyki Uniwersytetu Opolskiego w 2015 roku. Jest recenzowanym rocznikiem o profilu interdyscyplinarnym, organem naukowym Komisji Emigrantologii Słowian Międzynarodowego Komitetu Sławistów. Ukazuje się w wersji elektronicznej, zamieszcza teksty w językach słowiańskich oraz w języku angielskim. Skupia najbardziej znanych sławistów – emigrantologów z wielu krajów, jest forum dla ich kontaktów naukowych, wymiany poglądów i doświadczeń badawczych. Podejmuje zagadnienia z zakresu różnych form aktywności intelektualno-twórczej Słowian na emigracji: omawia ośrodki i stowarzyszenia, organizacje społeczne i religijne, instytucje oświatowe i naukowo-badawcze, wydawnictwa, dorobek piśmiennictwa, lingwistyki, myśli filozoficzno-politycznej, sztuki teatralnej i filmowej, malarstwa i muzyki społeczności słowiańskich na obczyźnie. Prócz artykułów i recenzji naukowych zamieszcza również przeglądy, sprawozdania z konferencji i innych przedsięwzięć naukowych bądź popularyzatorskich poświęconych dorobkowi emigracyjnemu Słowian oraz krótkie noty o autorach.

Pismo adresowane jest w głównej mierze do specjalistów, badaczy dziejów i spuścizny narodów słowiańskich na obczyźnie. Mamy nadzieję, że zainteresuje ono również inne, szersze kręgi czytelników. Wzbogaci ich wiedzę z zakresu Słowiańszczyzny, pozwoli po nowemu spojrzeć na fakty i zjawiska dotąd mało znane, pomijane bądź ujmowane w sposób powierzchowny i stronniczy.

„Emigrantologia Słowian” przyjmuje do druku teksty przygotowane zgodnie z zasadami redakcyjnymi (najlepiej przy użyciu szablonów w plikach .doc na stronie czasopisma) pod adresem mailowym pisma: emigra@interia.eu

Opole, marzec 2016

От редакции

„Эмигрантология славян” – электронный ежегодник – является научно-информационным органом Комиссии эмигрантологии славян Международного комитета славистов. Журнал учрежден в 2015 г. при Институте славистики Опольского университета. Общей объединяющей темой этой научной платформы является рефлексия над интеллектуально-творческой деятельностью славян в эмиграции. Исследованию подлежат ее история, культурные центры и общества, социальные и религиозные институты, письменность, издательства и периодика, философская и политическая мысль, духовные ценности, все виды искусства и наука, которые создавались славянскими общинами на чужбине.

Основная цель журнала – способствование развитию новой научной перспективы в интер- и трансдисциплинарных исследованиях эмигрантского наследия славянских народов, распространение научных знаний, обмен информацией. На его страницах публикуются научные статьи, обзоры, рецензии и материалы, которые популяризируют все формы активности (конференции, семинары, «круглые столы») в области эмигрантологии.

Редакция при отборе материала ориентируется на высокий научный уровень и поэтому каждая присылаемая статья предоставляется на рецензирование двум независимым специалистам. „Эмигрантология славян” принимает к печати тексты, подготовленные согласно техническим требованиям. Материалы следует присылать по электронной почте: emigra@interia.eu

Приглашаем всех заинтересованных к сотрудничеству.

Ополе, март 2016

From the editors

Emigrantologia Słowian (Slavonic Emigration Studies) is an international double-blind, peer-reviewed interdisciplinary journal first published by the Institute of Slavonic Studies (University of Opole) in 2015. The journal is affiliated to the Committee of Slavonic Emigration Studies and the International Committee of Slavists. The e-journal *Emigrantologia Słowian* publishes papers both in Slavonic languages and in English. The most distinguished Slavists who specialise in the field of emigration studies are invited to submit their papers and reviews on this newly created forum. The journal is devoted to various aspects of life of Slavonic exile communities, e.g.: centres and organisations, religious and social institutions didactic and scientific centres, publishing houses, literacy, linguistics, socio-political thought, theatre and cinema, paintings and music. The journal publishes not only scientific papers and book reviews but also reports from conferences and other scientific events as well as articles which popularise knowledge on the cultural heritage of Slavs in exile.

The journal is addressed first of all to specialists in the history and culture of Slavs in exile. The editors hope that *Emigrantologia Słowian* will also arouse the interest of other scholars, thus extending their knowledge on some less known and so far superficially treated facts and phenomena.

The authors who consider submitting their texts should follow the guidelines and use the template available on our website. The submissions shall be sent to: emigra@interia.eu

Opole, March 2016

Lucjan Suchanek
Uniwersytet Jagielloński, Kraków

Комиссия эмигрантологии славян Международного комитета славистов

Термин эмигрантология и концепция исследований в этой области науки были представлены Люцианом Суханеком на XII Международном конгрессе славистов в Кракове в 1998 году. С этого времени термин эмигрантология стал постепенно входить в научный обиход, главным образом в польской и русской науках, а также в других славистских странах. Об эмигрантологии как науке шла речь на XIII Конгрессе славистов в Любляне в 2003 году (Suchanek 2000; Suchanek 2005) и на XIV Конгрессе в Македонии в 2008 году (Suchanek 2008). В 2000 году Юрий Боров написал: „рождается новая наука — эмигрантология.” (Боров 2000: 166).

Эмигрантология — это обширная область знаний, междисциплинарного характера. Объект ее исследований — эмиграция — это явление мирового масштаба. По историческим и политическим причинам она стала значащим явлением в славянских странах.

Изучение эмиграции началось давно, оно оставалось однако не упорядочено. Целесообразным было появление научной дисциплины, предметом которой стали бы все возможные аспекты этого явления, и которая должна иметь междисциплинарный, трансдисциплинарный характер. Такую функцию выполняет эмигрантология.

Эмигрантологические исследования ведутся с перспективы различных наук, таких как история, культурология, литературоведение, языкознание, история искусства, религиоведение, социология, политология, педагогика и другие. Методы исследования она разделяет с этими дисциплинами (Suchanek 2014).

Эмигрантология это прежде всего наука идиографическая, регистрирующе-описательная, однако такое ее понимание не исключает номотетического (теоретического, методологического) подхода, который сравнительно слабо еще развит.

Объектом исследований эмигрантологии является история эмиграции, судьбы и статус эмигрантов, ее институты (учебные заведения, вузы, издательское и печатное дело) и организационные формы (кружки, объединения, партии), духовная, религиозная и политическая жизнь, достижения в таких областях культуры, как: художественная литература, различные виды письменности (публицистическая, документальная, эссеистическая, научная, философская, религиозная), многочисленные формы искусства: театр, балет, опера, кино, изобразительное искусство, музыка, а также достижения в области науки. Специфической особенностью эмигрантологии, особенно в контексте русской эмиграции, является *тамиздат* — эмиграция текстов (Suchanek 2002: 440-441).

Наследие эмиграции дает возможность многоаспектного анализа, что показывают многочисленные работы по литературоведению. Существует огромное количество трудов, посвященных литературе в аспекте как идейно-мировоззренческом, тематологическом, так и формальном. Меньше имеется трудов о других формах культуры: о живописи, театре, музыке, балете, фильме. В последнее время появляется все больше трудов — исторических, источниковедческих и архивных — на тему политико-идеологической дифференциации эмиграции, расслоения многочисленных партий, идейно-философских движений, группировок, творческих и профессиональных ассоциаций. Описываются эмигрантские центры, институты и формы культурной жизни, ситуация Православной Церкви.

Одной из форм эмигрантологических исследований в области литературы, и шире письменности, является анализ истории текстов с точки зрения читательского рынка, как эмигрантского, так и отечественного, в эпоху коммунизма регламентировавшего посредством цензуры доступ к текстам эмигрантских авторов. Отдельную проблему составляют возвращения (и их формы) текстов на родину, как в эпоху коммунизма, так и после его падения. Важными являются исследования явления реэмиграции. Перспективы эмигрантологических исследований в этих областях и многих других очень широки.

Одной из основных теоретико-методологических проблем эмигрантологии является отношение эмиграции к метрополии. В зависимости от методологии, принятой исследователями, общекультурное, в том числе и литературное наследие эмигрантов, включается в процесс развития метрополии, и тогда обращаем внимание лишь на пространство ее существования, или утверждается, что эмиграция и метрополия, как две автономные сферы сосуществуют синхронически.

В эмигрантологических исследованиях особенную роль должна играть философская антропология — философия человека, которая отвечает на вопрос: Кто есть человек? (Suchanek 2012). Эмигрант — *homo emigrans* — это один из антропологических типов (аспектов человека), таких как *homo socialis*, *homo oeconomicus*, *homo religiosus*, *homo politicus*. (Suchanek 2013: 11-13; Suchanek 2012).

Эмигрантология как научная дисциплина стала темой многочисленных книг, статей и конференций (Suchanek 2004; Suchanek 2009). Их значение для развития науки, в особенности славистики, создали основы для создания Комиссии эмигрантологии славян.

Комиссия эмигрантологии славян была организована по инициативе Л. Суханека в декабре 2008 года при Комитете славяноведения Польской академии наук. Ее председателем стал Л. Суханек. 23 сентября 2009 года состоялось в Ополе первое — административное — заседание Комиссии, на котором был учрежден список ее членов и произошел выбор правления Комиссии: заместителем выла избрана Иоанна Мянговска (Университет в Быдгоще), а секретарем Бронислав Кодзис (Университет в Ополе). На первом научном заседании Комиссии, на котором с рефератом выступил Бронислав Кодзис (*Беллетризация и мифологизация действительности в воспоминаниях Ирины Одоевцевой*), была принята программа ее деятельности. Основные пункты программы были следующие: мониторинг и координирование польских исследований по эмигрантологии, организация

общепольских и международных научных конференций и публикация коллективных трудов по этой теме. Одной из самых важных задач Комиссии было признано приготовление эмигрантологической библиографии членов Комиссии, которая появилась в Славистской литературной и компаративистской библиографии (*Literacka i Komparatystyczna Bibliografia Slawistyczna*). Ее адрес biblioslav.eu

В течение 6 лет Комиссия эмигрантологии славян была польской. 29 мая 2013 года Л. Суханек от имени Комиссии обратился к куратору научных комиссий Международного комитета славистов с предложением включить Комиссию эмигрантологии славян в состав комиссий при МКС. В сентябре 2013 года на XV Конгрессе славистов в Минске Комиссия эмигрантологии славян (*The Comission Emigrantology of Slavs of the International Commitee of Slavists, Komisja Emigrantologii Słowian Międzynarodowego Kongresu Slawistów*) была включена в состав комиссий МКС, а ее председателем был назначен Люциан Суханек. Таким образом, после афiliationии Комиссия эмигрантологии славян перестала быть польской и стала международной. Начался процесс включения в ее состав кандидатов из других стран.

На первом административном заседании Комиссии, состоявшемся 22 сентября 2014 года в Ополе, было избрано правление Комиссии и была принята программа ее деятельности. Состав правления: председатель Люциан Суханек (Польша), заместители: Бронислав Кодзис (Польша), Йоанна Мянговска (Польша), Лола Звонарева (Россия). Президиум: Михаэля Бёмиг (Италия), Анджей Дудек (Польша), Олег Федотов — Россия, Франк Гёблер (Германия), Галина Нефагина — Беларусь, Здэнэк Пехаль (Чехия), Севинч Учгюль (Турция). В состав Комиссии входят представители десяти стран: Беларуси, Чехии, Израиля, Франции, Германии, Польши, России, Италии, Турции, США. Процесс набора членов Комиссии еще не закончился: поступают дальнейшие заявления из разных стран.

Основные пункты работы Комиссии это мониторинг и координирование исследований по эмигрантологии в странах, являющихся членами МКС, организация конференций в этих странах и публикация трудов по этой теме. Создан научный журнал «Эмигрантология славян» („Emigrantologia Słowian”), а его главным редактором является Бронислав Кодзис. Продолжается работа над библиографией членов Комиссии.

Литература:

- XII Międzynarodowy Kongres Slawistów. Kraków 27 sierpnia - 2 września 1998. Program*, Kraków 1998, с. 136.
- Борев Ю., *Эмигрантология*, [в:] *Феномен Юрия Дружникова*, *Slavica Orientale*, Варшава–Москва 2000.
- Suchanek L., *Emigrantologia i literaturoznawstwo*, [в:] *Studia z historii literatury i kultury Słowian*, pod red. B. Czapik-Lityńskiej, Z. Darasza, Wydawnictwo UŚ, Katowice 2000, с. 42–45.
- Suchanek L., *Tamizdat*, [в:] *Lexikon der russischen Kultur*, Herausgegeben von N. Franz unter Mitarbeit von S. Goncarov und A. Wiczorek, Primus Verlag GmbH, Darmstadt 2002, с. 440–441.

- Suchanek L., *Słowiańska emigrantologia*, [w:] *Współczesne literaturoznawstwo slawistyczne*, pod red. L. Suchanka, PAU, Kraków 2004, c. 73–88.
- Suchanek L., *Литературоведение и культурология*, „Sborník Prací Filozofické Fakulty Brněnské Univerzity, 2005, X 8, c. 127–130.
- Suchanek L., *Emigrantologia: osiągnięcia i nowe perspektywy. Między Kongresem w Krakowie a w Ochrydzie. 1998–2008*, [w:] *Z polskich studiów slawistycznych. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka*, pod red. L. Suchanka, K. Wrocławskiego, PAN, Warszawa 2008, c. 159–169.
- Suchanek L., *Człowiek w traumie. Emigrantologia na przykładzie emigracji rosyjskiej dwudziestego wieku*, „Ethos”, 2009, Nr 3–4 (87–88).
- Suchanek L., *Homo emigrans — z obserwacji nad antropologią rosyjską XX wieku*, [w:] *Z polskich studiów slawistycznych*, Seria 12. Literaturoznawstwo, PAN Warszawa 2012, c. 147–154.
- Suchanek L., *Место антропологии в эмигрантологических исследованиях*, [w:] *Руска дијаспора и словенски свет. Зборник радова*, Учредитељ Петар Бунџк. Београд 2013, c. 11–21.
- Suchanek L., *Emigracja. Emigrantologia. Komisja Emigrantologii Słowian*, „Slavia Orientalis”, т. LXIII, 2014, Nr 2, c. 173–189.

Анна Анатольевна Забияко
(Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия)

Андрей Павлович Забияко
(Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия)

Фольклор как основа сохранения русской идентичности в китайской среде (по материалам Трехречья)¹

Folklore as a base maintenance of the Russian identity in the Chinese environment (based on the materials of Trekhrech'ye)

Резюме: Статья посвящена этнокультурным стратегиям сохранения русской идентичности в китайской среде. В центре внимания авторов статьи — русские, проживающие в Трехречье, районе на Северо-Востоке Китая. На основе полевых исследований русскоязычного населения Трехречья авторы приходят к выводу о том, что для этой этнической группы одной из важнейших основ сохранения русской идентичности является язык и фольклорные жанры. В статье публикуются и анализируются ранее неизвестные фольклорные тексты, а также тексты, ранее бытующие на территории российского Забайкалья, Восточной Сибири, а в настоящее время популярные только среди русского населения Трехречья.

Ключевые слова: русские, миграции, эмиграция, Трехречье, Китай, культура, литература, язык, фольклор, историческая память, этнокультурная идентичность.

Summary: The article deals with ethno-cultural strategies of maintenance of the Russian identity in the Chinese environment. The authors focus on the descendants of Russian emigrants who live in Trekhrech'ye (Sanhe), the district in the north-east of China. Field studies of the Russian-speaking population of Sanhe led the authors to the conclusion that the language as well as folklore genres are one of the most important bases of maintenance of the Russian identity for this ethnic group. Previously unknown folklore texts and the texts earlier prevailing in the territory of the Russian Transbaikal and Eastern Siberia, now popular only among the Russian population of Sanhe, are published and analyzed in the given article.

Key words: Russians, migrations, emigration, Sanhe, China, culture, literature, language, folklore, historical memory, ethno-cultural identity.

Западная ветвь русской эмиграции, сосредоточенная, прежде всего, в крупных европейских центрах, отмечена известными политическими настроениями, углубленной религиозной деятельностью, выдающимися философскими и художественными произведениями. Литература западноевропейской и американской русской диаспоры явила широкий спектр произведений — как с точки зрения разнообразия жанров, так и с точки зрения художественных достоинств. Она хорошо изучена, хотя до сих пор в ней остаются малоизученные пласты, оставляющие возможность для обстоятельных исследований. При всех трагических обстоятельствах,

---

¹ Публикация подготовлена в рамках работы по гранту РФ «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

сопровождаящих русский исход на Запад в первой половине XIX в., встреча русской культуры с западной была вполне органичным и привычным взаимодействием двух соприродных духовных формаций (Агеносов 1998).

Восточная часть русской эмиграции долгое время оставалась в тени великого прошлого западноевропейской и американской диаспор русских эмигрантов. У этой ситуации были объективные и субъективные причины. Научных публикаций, посвящённых этой теме, практически не было. Однако в последние два десятилетия история и культура восточной и, прежде всего, дальневосточной ветви русской эмиграции стали предметом обстоятельных исследований и публикаций (Аблова 2003; Крадин 2001; Забияко, Эфендиева 2008; Забияко, Эфендиева 2009, Лешоко, Хисамутдинов, Забияко 2015).

В центре внимания исследователей оказался Харбин и отчасти другие поселения по линии КВЖД. Харбин заслуженно может претендовать на статус средоточия русской эмигрантской культуры Дальнего Востока. В Харбине и прилегающих станциях КВЖД в ходе нескольких волн заселения — добровольного или вынужденного — сложилась наиболее крупная русская диаспора, численностью которой достигала в 20–30 гг. XX в. более двухсот тысяч человек. Миграционные потоки принесли в Харбин из России представителей практических всех сословий и культурных страт — от «старорусских» крестьян–старообрядцев до рафинированной богемы, грезившей идеалами «серебряного века». Очень высоким был образовательный уровень населения, который опирался на традиции дореволюционного образования и поддерживался школами, гимназиями, институтами, научно–просветительскими обществами, музеями и т.д. Этому образовательному уровню соответствовал и уровень культурных запросов на музыку разных жанров, балет, театр и, конечно, в первую очередь литературу, словесность.

Словесное творчество на родном языке — неиссякаемый источник сохранения национальной исторической памяти, воспроизведения и развития языкового мышления, его комбинаторных возможностей — как в масштабах личности, одной семьи, так и целой диаспоры. Отсюда — тотальная власть литературы и «повальное увлечение» ею в харбинской образованной среде, а затем и шанхайской. Первым этапом стала «консервация» литературных моделей и образов предреволюционной поры — эпохи «серебряного века» (Забияко, Эфендиева 2008). А затем, на основе усвоенных и переработанных образцов, развилось свое, «региональное» направление литературы дальневосточной эмиграции, характеризующееся особой жанрово–стилистической, а главное — тематической спецификой (Забияко, Лешоко, Хисамутдинов, Забияко 2015: 141–360). В литературном творчестве дальневосточных эмигрантов сказалось их отношение к России и русскости, восприятие Китая и самих себя в инокультуре, стремление прояснить свои связи с культурой и литературой ушедшей России, западного зарубежья и новорожденной Советской России.

Как бы не сетовали впоследствии выехавшие из Китая писатели и поэты на свою изолированность от России, на отсутствие крупных талантов и порожденное этим «мелкотемье» литературных произведений (И.Ф. Русские записки 1937 № 1: 322–330; Крузенштерн–Петерек 1998: 65), они практически не были стеснены рамками идеологической цензуры в своем жанрово–тематическом поиске, не ограничены

в выборе литературных образцов и стилистической манеры. Молодые писатели и поэты развивались в атмосфере литературных объединений («Молодая Чураевка» в Харбине, «Понедельник» и «Пятница» — в Шанхае), в борьбе литературных поколений. В преемственности культурных и литературных традиций и стремлении к новому рождалось то уникальное самосознание дальневосточной эмиграции, что отличало ее уже в иных географических пределах — в Израиле, Канаде, России, Америке, Бразилии. Публикации, хоть и малотиражные, сочинений дальневосточных эмигрантов, издание огромного количества журналов и газет («Рубеж», «Рупор», «Заря», «Молодая Чураевка», «Луч Азии», «Гун-бао» и др.), в том числе — и для самых маленьких читателей («Ласточка», «Юный читатель „Рубежа”»), культурно-просветительская работа, осуществляемая различными организациями (ХСМЛ, театрами, кинематографом, например), наконец, образовательная среда русского Харбина (от первых ступеней начальных классов школ и гимназий до академических лекций университетских профессоров Политехникума, Коммерческого Колледжа и т.д.) позволили русским беженцам не только сохранить, но и развить весь тот культурный, литературный потенциал, что был накоплен до изгнания русским национальным сознанием.

Культура русского Харбина — впечатляющий образец культуры, сложившейся в дальневосточном порубежье на стыке русской и китайской культур. Харбинская культура демонстрирует отчётливо выраженную тенденцию к консервации русскости — так, как она была понята русской диаспорой. Важнейшим способом консервации и трансляции русскости, русской идентичности для харбинской диаспоры была литература и другие «высокие» формы культуры. Этнокультурная стратегия харбинской диаспоры не могла быть, однако, универсальным образцом для всех русских этнических сообществ, развивавшихся в китайской культурной среде.

Задолго до строительства Харбина и КВЖД в Северо-Восточном Китае, Маньчжурии, было положено начало формированию другого русского анклава. середине XVII в., когда значительная часть огромной территории современного Северо-Восточного Китая, Забайкалья и Приамурья ещё не имела закреплённого межгосударственными договорами статуса, на правобережье реки Аргунь, приток Амура, начали переселяться русские. Во второй половине века по условиям Нерчинского договора 1689 г. этот край официально отошёл к Китаю. Однако в силу удалённости от основной части Цинской империи и малочисленности населения правобережье Аргуни и, прежде всего, бассейн трёх её притоков — рек Ган, Дербул и Хаул оставались территорией, на которой временно или постоянно проживали русские. До середины XIX в. русское население было крайне небольшим. Оно состояло из промысловиков, казаков, уходивших из родных деревень российского левобережья Аргуни через границу в Китай с целью охоты и покоса сена, строивших там временное жильё — заимки, а также из беглых преступников, каторжан. Во второй половине XIX в. русское население начинает быстро расти и обустриваться, отстаивая традиционные русские избы и закладывая деревни. Китайские власти этому не препятствовали, поскольку благодаря труду русских земледельцев и предприимчивости купечества край начал экономически развиваться, принося через налоги деньги в казну разорённой войнами Цинской империи. Русские деревни

становились пунктами притяжения для китайских крестьян, оседавших рядом с русскими, и местного монгольского, бурятского, тунгусского населения, включавшегося в обмен товарами и культурными навыками. Начал формироваться полиэтничный — преимущественно русский — анклав, получавший название Трёхречье (кит. *саньхэ цюй*).

В 20-х годах XX в. в Трёхречье существовало более двадцати основанных и заселённых почти поголовно русскими деревень (русские — 2130 человек, 92 %; китайцы — 200 человек, 8 % населения). Трёхречье входило в состав более крупного территориального образования, который назывался Барга (Хулунбуир). В силу пограничного с Россией положения и присутствию КВЖД территория Барги тоже значительной мере была населена русскими (русские — 4619 человек, 46 %; китайцы — 22 %; другие этносы — 3110 человек, 32 %) (Кормазов 1928: 44—51).

События Гражданской войны и коллективизации были причиной роста в Трёхречье русского населения в 20–30-е годы за счёт беженцев и враждебных Советской власти, прежде всего, казачьих формирований. По разным данным, в 30-е годы здесь проживало около 20 тыс. людей, относившихся к группе русских. Увеличение миграционного потока за счет выходцев из России не привело, однако, в отличие от Харбина, к существенному изменению социокультурного состава населения: оно по-прежнему оставалось преимущественно казачьим и крестьянским, укоренённым в традиционной культуре русской забайкальской деревни.

Историческая судьба этого населения со времени конца гражданской войны представляет собой череду преодолений тяжелейших внешних испытаний. Жители Трёхречья страдали и от белогвардейцев атамана Семёнова, и от карательных набегов красных отрядов, совершавших рейды на китайскую территорию, и от японской военщины, захватившей Маньчжурию в 1931–1945 гг. Победа над Японией и образование КНР обернулись для русских Трёхречья вначале репрессиями по обвинению в пособничестве белым и японцам со стороны советской власти, арестами, насильной или полудобровольной высылкой в СССР; потом, в годы «культурной революции» и борьбы с «советским империализмом», — репрессиями со стороны китайских властей по обвинению в пособничестве СССР. Более 50-ти лет политический террор, демографические тиски, экономические тяготы, культурные и образовательные ограничения деструктивно воздействовали на русскую диаспору Трёхречья.

Удивительно, но она сохранилась. В настоящее время в Трёхречье существует несколько деревень, где живут потомки русских поселенцев, в основном — люди, родившиеся в смешанных браках («полукровцы», как они себя называют). По разным данным, к таким русским себя относит более тысячи человек (Тарасов 2014: 187–208.). Это люди в возрасте преимущественно старше 50-ти лет. Их образ жизни связан с деревенским укладом жизни и крестьянским трудом, в последние двадцать лет сочетающимися у некоторых с мелкой торговлей и обслуживанием туризма. Русских школ здесь нет уже более 50-ти лет. Многие жители старшего поколения не смогли из-за бедности многодетных семей, тягот послевоенных лет получить даже начальное или среднее образование в китайских школах, поэтому остались неграмотными или малограмотными. В условиях практически полной на протяжении сорока лет изоляции

от России, её языка, литературы, музыки и других сторон культуры потомки русских в Трёхречье, тем не менее, сохранили русское этническое самосознание и некоторые основы русской культуры.

В мае–июне 2015 г. авторами статьи (при участии Я.В. Зиненко, Чжан Жуаяна, Ван Цзяньлиня) были проведены полевые исследования в среде русских жителей деревень Трёхречья — Саньхэ (Драгоценка), Эньхэ (Караванная), Шивэй (Олочи), Лабдарин (ныне — город). Нами были опрошены десятки людей. Для осмысления проблемы основ сохранения русскости, русской идентичности наиболее информативными нам представляются материалы, собранные в процессе общения с некоторыми из них (15 человек): Иван Васильевич Самашедшев (92 г., 1923–2015 гг., Эньхэ), Владимир Самашедшев (59 л., 1956 г.р., Эньхэ), Тамара Васильевна Ерохина (76 л., 1939 г.р., Эньхэ), Екатерина Александровна Литвинцева (73 г., 1942 г.р., Эньхэ), Таисья Николаевна Петухова (84 г., 1931–2016 гг., Эньхэ), Василий Зоркальцев (71 г., 1944 г.р., Эньхэ), София Зоркальцева (70 л., 1945 г.р., Лабдарин), Галина Зоркальцева (68 л., 1947, Лабдарин), Андреева Мария Михайловна (73 г., 1942 г.р., Лабдарин), Елизавета Фомина (74 г., 1941 г.р., Лабдарин), Клавдия Ушакова (81 г., 1934 г.р., Лабдарин), Варвара Ушакова (70 л., 1945 г.р., Лабдарин), Галина Филюшина (58 л., 1958 г.р., Лабдарин), Павел Зоркальцев (Сунь) (ок. 35 л., Лабдарин), Лидия Коротникова (73 г., 1942 г.р., Шивей).

Для темы нашего исследования важно, что большинство из них, хорошо владея русским языком, являются носителями русского фольклора. Современное бытование русского фольклора в среде русскоязычных потомков Трёхречья позволяет сделать любопытные наблюдения о том, какие жанры оказались наиболее востребованными в наши дни, какие сохранили для них свою не просто эстетическую привлекательность, но и языковую, этнокультурную информативность и содержательность.

В настоящее время на посиделках исполняются наиболее актуальные для этих возрастных групп жанры — песни и частушки (которые также можно рассматривать как короткие песни). Очевидно, что в подобном жанровом предпочтении сказывается и прагматика песенных жанров, и их эмоциональное воздействие: «Сказка — враль; песня — быль» (Л. Коротникова). При этом песни могут быть как фольклорного, так и литературного происхождения, но это не фиксируется исполнителями — тексты песен усваивались и передавались в течение десятков лет устно, со многими искажениями и добавлениями. К таким песням, например, относятся «По диким степям Забайкалья», «Зачём же я вас, родненький узнала...», «Варяг», «Как родная меня мать провожала...», «Рябина кудрявая», «Ой, цветет калина»).

Особый интерес с точки зрения ее бытования в среде потомков русских эмигрантов представляет песня «Уходил я на фронт Жалайнора»:

*Уходил я на фронт Жалайнора,
На защиту советских границ,
Уходил я на фронт Жалайнора
На защиту советских границ.*

Уходил — мне жена говорила,

*Что «вернися обратно живым,
Я тебя никогда не забуду
И ты будешь навеки моим».*

*Много время прошло с расставанья,
Много писем писал я жене,
Я писал, что вернуса обратно,
Я не знал, что случиться беде.*

*Это дело был `о на рассвете,
Начинались [ниравны] бои.
Шел вперед я со своею тишихотай,
Рв`ались мины и слышен был бой.*

*Тут меня оглушило снарядом,
Я без памяти долго лежал.
Тут меня оглушило снарядом,
Я без памяти долго лежал.*

*Крикнул раз – поскорее товарищ,
Сильно болью свищало в ногах,
Крикнул раз — да поскорее, товарищ,
Сильно болью свищало в ногах.*

*Костылем тык я стучу Христа ради —
Пропустите калеку войны,
Дайте пару стаканов мне водки:
Порешился младой я жены!*

*С молодою женой любовался
Любовался ее красотой,
Наступило суровое время,
Нашу жисьь разлучило с тобой*

[К. Ушакова].

Очевидно, что песня была создана на советской территории и постепенно проникла в фольклор трехреченцев. Из реалий, зафиксированных в песне, следует, что речь идет о событиях августа-ноября 1929 г. — советско-китайском вооруженном конфликте на КВЖД (Чуйков 1983). Материалы архивной хроники свидетельствуют: 29.07.1929 на ст. Чжалайнон «разгрузился эшелон китайских войск. Всего на линии КВЖД китайцы сосредоточили до 5 полков пехоты» (<https://halhingol.ru/sovetsko-kitayskiy-vooruzhennyy-konflikt-na-kvzhd1929g>, 2015); 28.06.1929 был издан Приказ РВС СССР о создании Особой Дальневосточной армии (ОДВА). 28.08.1929 по данным советской разведки, в районе гг. Манчжурия — Чжалайнон было «сосредоточено 3 пехотные бригады китайских войск, 1 кавполк, 1 бронепоезд, 60 пулеметов, 60

бомбометов, 12 орудий». Постоянные вооруженные столкновения на советской и китайской территории, инспирируемые с обеих сторон, приводили к человеческим жертвам. При этом страдали, в первую очередь, мирные жители — достаточно вспомнить кровавые события в Трехречье 28.08. — 1.09. 1929 г. В эти дни безвинно уничтоженными войсками НКВД, переправившимися на территорию Китая, оказались целые казачьи поселки на территории Трехречья, жестокая расправа коснулась всех — от мала до велика.

В исполнении Клавдии Ушаковой это — «старинна-старинна» песня, ее сестра Варвара песню «не слыхала никогда». Исторический контекст песни вытеснен традиционной тематикой солдатской песни: муж приходит с фронта калекой, лишается любимой молодой жены. Чжалайнор (Жалайнор) становится той топонимической координатой, что ментально и эмоционально приближает содержание песни к переживаниям исполнительницы. А «защита советских границ» становится образом, отвечающим настроениям трехреченцев уже послевоенных лет — именно тогда и была усвоена песня нашей информанткой.

Приход советских войск на эти земли и освобождение от ненавистных японцев породили всплеск патриотических настроений в русской среде Трехречья. В 1945 году песенный запас трехреченских русских пополнился советскими песнями военной поры («Катюша», «На позиции девушка провожала бойца», «Вставай, страна огромная» и др.). В словоупотреблении знаменитой песельницы Трехречья Таисьи Николаевны Петуховой (Эньхэ) это — «ваши новые песни».

Сегодня некоторые новые песни приходят к трехреченским «русским» из Синьцзяна — от таких же полукровцев: «В Синьцзяне много русских. Они там разные метисы — с бурятами, с монголами» (В. Зоркальцев). Так пришла в Караванную «новая» песня «Шумит Байкал»:

*Шумит Байкал, шумит седой,
Волнуется, играет,
Мы рады встречать с тобой
Мой вольный край.
И там, где полно синих гор,
Я девушку видал.
У ней такой же синий взор,
Как у тебя, Байкал.
Хочу тебе я другом быть,
Всю правду рассказать,
Хочу я девушку любить —
Плечом к плечу стоять.
Вот едет поезд на восток,
На запад еду я,
Я знаю, будет жизнь стройна:
Не будешь жить одна.
Я буду девушку любить,
Как кончится война*

[В. Зоркальцев]

Исполнение и «старинных», и «новых» песен нашими информантами носит типологически сходный характер: часть реалий (топонимического, социокультурного, общеупотребительного характера) им абсолютно не знакома (например, название легендарного корабля «Варяг»), их «додумывание» сродни действию механизма «детской этимологии», например: «Врагу не сдается наш гордый *моряк*, / Пощады никто ни жилаит», «Гатовы к бою орудия в ряд / На *солнце злодейства* сверкают!» [К. Ушакова]. «Солнце злодейства» — образ далеко не случайный, это — символ знамени японской армии, в сознании трехреченских русских — злейшего врага, так как от японцев они много пострадали в период «войны с японцами» в 1931–1945 гг.: «Я их не простила. И детям сказала — ни прашшу, и вам запыршшаю. И гоню ихых туристов, када они ко мне приходют» [Т.Н. Петухова].

Как следует из интервью с нашими информантами из Эньхэ, Шивэй, Лабдарина, наряду с лирическими песнями во время праздников трехреченские русские исполняли и исполняют частушки (припевки):

*Мой миленок — виноград,
Идет по улочке — играт;
Он — играт, а я — пою,
Висило в нашем краю!*

[Т.Н. Петухова]

Частушки по традиции пелись девушками да парнями, затем, с течением времени — женщинами либо мужчинами средних лет, теперь — в основном, «старушками», по их самоопределению, — стариков осталось немного.

Исполнение осуществлялось под балалайку и под гармонь («Гармоника играт — водки выпьем, ночь гуляим, утром уснем — уже солнце взойдет» [В. Зоркальцев]. В настоящее время осталась гармонь, но балалайка жива в «памяти текста» частушки:

*Балалаечка
Без струн,
Кто играет,
Тот дрестун!*

[В. Зоркальцев]

*Ой, девки, беда:
Балалаечка худа!
Надо деньги копить —
Балалаечку купить!*

[В. Зоркальцев].

Частушка, по общему мнению, жанр «сиюминутный» — в нем отражаются личные чаяния и переживания сегодняшнего дня: любовные, социальные, политические и т.д. Ныне в Трехречье эта сиюминутность, злободневность частушки утрачена, современные реалии жизни не продуцируют массового рождения частушек, кроме следующих:

*Наша речка неглубока:
Видно камушки,
Наши девки не гуляют,*

Записались в бабушки.

[Т.Н. Петухова]

Как видно, сам механизм порождения частушечного текста сохраняется — в данном случае он построен на параллелизме и юмористическом уподоблении природных и антропологических реалий. Действительно, со временем река Хаул в Караганах (Караванной) обмелела, рыба из нее ушла; бывшие молодки постарели, «записались в бабушки».

Частушка может возникнуть в результате жанровой трансформации — например, из небылицы, совпадающей по ритмическим и синтаксическим параметрам с частушкой. Так, Таисья Николаевна Петухова в разговоре с нами вдруг спонтанно произносит речитативом:

Между небом и землю

Поросенок вился

И нечаянно хвостом

За небо зацепился!

И, смеясь, поясняет: — Так вот и я в Китае зацепилась!

Таисья Николаевна — известная по всему Трехречью «Таиска Петухова», единственная оставшаяся чистокровная русская (имеющая, к тому же, русский паспорт) — личность, не только хранила в памяти фольклорные тексты, но и была способна к импровизации по известным жанровым образцам. Обычно же при исполнении частушек в среде потомков русских эмигрантов Трехречья и исполнитель, и слушатель словно погружаются в атмосферу 50-х гг. прошлого века, когда сегодняшние «старушки» были еще молоды — с той поры корпус частушек пополнился мало. В целом жанрово-тематический репертуар популярных в настоящее время среди трехреченских русских частушек весьма разнообразен и репрезентативен с точки зрения их поэтики, региональной специфики, этнокультурной установки, отношения к *реалиям уже прошедшей эпохи* (военным событиям, работе в коммуне («совхозе»), обустройству личной жизни).

Самый большой корпус трехреченских частушек составляют любовные частушки, что вполне естественно для бытования частушечного жанра. В этих разнообразных по своей поэтике и композиционному строению текстах отражены переживания молодых девушек по поводу взаимоотношений с возлюбленным и замужества:

Хорошо ту травку косить,

Катора сама косица;

Хорошо тою любить,

Катора сама просица.

[Т.Н. Петухова].

Не ходи, подружка, замуж,

Под венцом не удержишь,

Руки под венцом распустишь,

И свечу не удержишь.

[Т.Н. Петухова]

*Старый мостик изломался —
Новенький построился.
Старый милый отказался —
Новенький настроился!*

[Л. Корытникова]

*Через речку две дощечки
Мне кричали: упадешь!
С малых лет кого полюбишь —
За того не попадешь!*

[Л. Корытникова]

Предпочитаемый цикл любовных частушек — «Подружка», носящий диалоговую форму и имеющий в основном сатирический характер. Его слова известны информантам всех поселков, где собирались полевые материалы. В них высмеиваются разные стороны взаимоотношений между полами: характеры двух подружек, неверная подружка, уводящая возлюбленного, непутевый возлюбленный:

*- Подружка моя,
Давай садики садить,
Чтобы нашим ухажерам
Было весело ходить.*

*- Подружка моя,
Я не буду их садить,
Чтобы наши ухажеры
Перестали к нам ходить.*

*- Подружка моя,
У нас Санечка один.
Ты ревнуешь — я ревную,
Давай лучше продадим?*

*- Подружка моя,
Я как мы будем продавать:
Нам не стыдно с тобой будет
На базаре с ним стоять?*

[Т.Н. Петухова]

Нами были записаны юмористические частушки о межнациональных браках китайских мужчин и русских девушек. При этом сами исполнительницы (Таисья Николаевна Петухова, Клавдия и Варвара Ушаковы) замужем за китайцами, сестры Ушаковы рождены в межнациональном браке. Решающую роль здесь играет этнокультурная идентичность исполнительниц — они считают себя русскими. В частушках нашла отражение непривычность китайской кухни для русских женщин. Например, отсутствие в рационе китайцев привычного хлеба:

*Ой, милочка моя,
Почему ты похудела?*

- *За китайцем я была,
С пару манты ела*

[Т.Н. Петухова].

Или способность китайцев употреблять в пищу самые невообразимые для русского желудка продукты (в том числе, приготовление в некоторых провинциях — Гуаньчжоу, Гуаньдун мяса кошки; видимо, речь идет о выходцах из этих мест):

*Ты китаец, ты китаец —
Ты не русский человек,
Кошку жарил, хвост оставил
Своей женке на обед*

[Т.Н. Петухова].

Стоит обратить внимание — в частушке китаец оставил своей жене «хвост от кошки» — лакомый кусочек, так как хрящи в китайской кухне — любимое лакомство. Как видно, ироническому осмыслению подвергается только «инаковость» китайца, необычность его гастрономических пристрастий.

Разные привычки в быту также становились объектом юмористического изображения в частушке. Русским чистоплотным женщинам (их дочери сегодня — той чистоплотности подтверждение), возможно, претила определенная неряшливость их мужей-рабочих и крестьян:

*Я не раз и не два
В этой баньке парилась;
На китайцеву тужурку
Это зря позарилась!*

[К. Ушакова]

Хотя, возможно, в этой частушке речь идет о специфическом запахе чеснока, исходящем от китайцев, добавляющих чеснок почти во все блюда. В повести А. Несмелова *Драгоценные камни* есть характерный фрагмент, когда два русских молодца спускаются в «тесный трюм, где нестерпимо пахло чесноком», («в отравленный чесночной вонью трюм старого парохода»), чтобы полюбоваться на красивую девушку, желающую быть похожей на китаянку («Моя боится ламоза») и быстрее оттуда ретируются («Да и вонько тут, с души воротит») (Несмелов А.И. 2006: 482–483). Девушку, красящую волосы в черный цвет и сурмящую брови под китаянку, этот запах отнюдь не смущает.

В целом, этническая установка по отношению к китайцам у русских трехреченцев была позитивна — так, Таисья Николаевна Петухова на вопрос: «А как жили с китайцами-то?» отвечает, не задумываясь: «Хорошо жили, дружно». Незлобивый и созерцательный национальный характер трудолюбивых китайцев отражен в частушке:

*Тирьда по воду поехал,
Тирьда за угол задел,
Тирьда бочку опрокинул,
Тирьда песенку запел!*

[Т.Н. Петухова]

В популярных трехреченских частушках нашли отражение и события военных лет. Учитывая, что Трехречье постоянно находилось в «боевой готовности» — вначале революция и гражданская война, затем — печально знаменитая трехреченская резня 1929 г., когда с советской стороны был совершен бандитский налет на казачьи села и уничтожено все население отдельных сел от мала до велика (Гун-Бао № 843 8 окт. 1929; Колосова 1929), наконец, четырнадцатилетнее напряжение на российско-китайской границе с момента образования Маньчжу-диго — трудно идентифицировать время создания или усвоения частушек. Скорее всего, данная частушка возникла еще в годы гражданской войны:

*Стрелю, стрелю из винтовочки
Под самы небеса:
Не шевельте мою шмарочку,
Не делайте греха!*

[Т.Н. Петухова]

Следующая частушка типологически совпадает с частушкой довоенной поры, в годы Великой отечественной войны известной на территории советской Сибири и Забайкалья (Махнева, 2011), а после прихода Советской Армии в Китай усвоенной благодарными трехреченцами:

*Девушки, зима — не лето,
Не посеешь в поле рожь
Девушки, военно время —
Не полюбишь кого хошь.*

[Т.Н. Петухова]

Пришедшие вслед за этим реалии колхозной жизни также нашли отклик в песенном творчестве:

*Моя милка — трактористка,
Не угонишься за ней:
Вечером в клубу артисткой,
Днем — ударницей полей!*

[Л. Корытникова]

От чуткого сознания трехреченцев, бойких на язык, не укрылись и тяжелые страницы жизни их советских собратьев:

*Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
Хлеб по пайке выдавай,
Мяса не показывай!*

[В. Ушакова]

Подведём итог. Исторические условия существования и социокультурные особенности русской диаспоры Трехречья обусловили то, что не литература и другие формы «высокой» культуры стали здесь основой сохранения русской традиции. Именно русский фольклор выполнял в Трехречье задачи фиксации, сохранения и трансляции исторической памяти, важнейших представлений о *своем* и *чужом*, *добре* и *зле*, *праведном* и *неправедном*, а также некоторых других компонентов этнического сознания. Укоренённость в фольклоре в немалой степени поддерживала

прежде и поддерживает сейчас языковую традицию русскоговорящего населения. Яркие фольклорные формы, четкость и выразительность смыслов фольклорных образов и сюжетов стимулировали в сообществе эмигрантов и их потомков стремление к сохранению важнейшего фундамента национальной идентичности — языка родной культуры. Свободно владея китайским языком как средством повседневного общения, билингвы Трёхречья в формах русского фольклора реализуют духовные потребности и выражают свою русскую идентичность.

Литература:

- Аблова Н.Е., 2003, *КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.)*, Москва.
- Агеносов В.В., 1998, *Литература русского зарубежья (1918-1996)*, Москва.
- Забяко А.А., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А., Забяко А.П., 2015, *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*, Благовещенск.
- Забяко А.А., Эфендиева Г.В., 2008, *«Четверть века беженской судьбы»: художественный мир лирики русского Харбина*, Благовещенск.
- Забяко А.А., Эфендиева Г.В., 2009, *Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии*, Благовещенск.
- И.Ф., 1937, *Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке*, «Русские записки», Париж, Шанхай. № 1, с. 322-330.
- Кормазов В.А., 1928, *Барга: Экономический очерк*, Харбин: КВЖД.
- Крадин Н.П., 2001, *Харбин — Русская Атлантида*, Хабаровск.
- Крузенштерн-Петерев Ю.В. 1998, *Воспоминания*, «Россияне в Азии», № 5, с. 25-83.
- Махнева А., 2011, *Так работали, так добивались победы*, «Сибирский энергетик». 6.05. 2011.
- Тарасов А.П., 2014, *Русская национальная волюнтаристская идеология в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае*, Общество и государство в Китае. Москва, Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), Т. XLIV, ч. 2, С. 187–208.
- Чуйков В.И. 1983, *Миссия в Китае*, Москва, с. 26.
<https://halhingol.ru/sovetsko-kitayskiy-vooruzhennyi-konflikt-na-kvzhd1929g>. [18.06.15]

Картина мира Русской Православной Церкви Заграницей (по материалам устной и письменной словесности)

World image of the Russian Orthodox Church outside of Russia (on the materials of oral and written literature)

Резюме: Материалом для настоящего исследования послужила устная и письменная словесность Русской Православной Церкви Заграницей — проповеди, письма, устные и письменные рассказы, а также материал, опубликованный в периодических изданиях РПЦЗ. Русская Православная Церковь Заграницей рассматривается в статье как целостная субкультура со своей системой ценностей и антиценностей, картиной мира, традициями и фольклором. Задача исследования — выявление центральных семиотических текстов данной субкультуры, раскрытие особенностей ее картины мира, символики пространства и времени.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь Заграницей, Русская Православная Церковь, катакомбная церковь, субкультура, картина мира, пространство, время, словесность, мотив, символ.

Summary: The present study material is based on the oral and written literature of the Russian Orthodox Church outside of Russia – sermons, letters, oral and written stories, as well as the material published in the periodicals of the Russian Orthodox Church outside of Russia. In the article the Russian Orthodox Church outside of Russia is considered as a coherent subculture with its own system of values and anti-values, worldview, traditions and folklore. The objective of the study is to bring out the Central semiotic texts of this subculture, reveal its worldview, symbols of space and time.

Key words: Russian Orthodox Church outside of Russia, the Russian Orthodox Church, the catacomb Church, subculture, image world, space, time, literature, motive, symbol.

Материалом для настоящего исследования послужила устная и письменная словесность Русской Православной Церкви Заграницей — проповеди, письма, устные и письменные рассказы, а также материал, опубликованный в периодических изданиях РПЦЗ, и интервью с представителями РПЦЗ в России. Русская Православная Церковь Заграницей рассматривается нами как целостная субкультура со своей системой ценностей и антиценностей, картиной мира (которая практически не менялась на протяжении всего XX века), своими традициями и фольклором. Задача исследования — выявление центральных семиотических текстов данной субкультуры, раскрытие особенностей ее картины мира, символики пространства и времени. Данная статья является продолжением исследования *Устная словесность Русской Православной Церкви Заграницей* (Ефимова 2015б). Мы рассматриваем не собственно религиозный, церковный и политический аспекты картины мира РПЦЗ, а главным образом ее фольклорно-мифологический аспект, понимая под этим единство смыслоносящих структур и полагая, что собственно жизненные события

по отношению к традиции вторичны — драматургия жизни определяется драматургией, заложенной в традиции, в том числе и драматургией повествований (см.: Неклюдов 1998), образ мира, данный в словесности, формирует саму «икону жизни».

Особенности пространства

Россия

Особое место в картине мира Русской Зарубежной Церкви занимает Россия. На мифе о царской России как ушедшем «золотом веке», времени, когда идеал совпадал с реальностью, и о Зарубежной Церкви как хранительнице ее традиций держалась субкультура РПЦЗ. Художественное пространство проповедей (причем не только специально посвященных России и русским святым, но часто и текстов на общецерковные темы: например, слов, берущих свое содержание из идеи церковного года, или омилий — изъяснительных бесед, ставящих своей задачей изъяснение Священного Писания) построено на тройной антитезе: Россия в эмиграции — Советская Россия, ушедшая Святая Русь — Советская Россия, идеальная Святая Русь — земная реальность. Советская Россия во власти богоборцев, земная реальность все дальше отходит от заветов христианства, идеал можно найти лишь в «распятой Святой Руси». В этой искомой Святой Руси есть свои духовные центры — это Киев с Киево-Печерской Лаврой и Москва с Троице-Сергиевой Лаврой, освященной, говоря языком проповедника, «осиянной» светом преподобного Сергия Радонежского (подробнее см.: Ефимова 2015а).

С другой стороны — именно на территории СССР существовала катакомбная церковь, которая оценивалась зарубежниками как подлинная продолжительница традиций „тихоновской” церкви (святейший Патриарх Тихон (1865-1925), чрезвычайно почитавшийся православными еще при жизни, был канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей в 1981, Русской Православной Церковью в 1989 году). Катакомбной церковью называли представителей духовенства и общин, которые отвергли подчинение юрисдикции Московского Патриархата и перешли на нелегальное положение. Возникло это движение в 1920-е годы и просуществовало на всем протяжении XX века, потеряв к 1970-м годам массовый характер. В докладе на первых Мневских чтениях историк А.Л. Беглов выделил следующий комплекс значений, который характеризует это понятие: церковно-политическая оппозиционность Московской Патриархии, нелегальность с точки зрения советского законодательства, последовательная «антисоветская» настроенность ее членов. Исследователь отмечает, что в таком виде выражение «катакомбы» стало орудием идеологической полемики РПЦЗ, так как «мощное подполье в СССР, оппозиционное Московской Патриархии, по мысли деятелей Зарубежной церкви, доказывало нелегитимность легальной иерархии и, тем самым, оправдывало претензии РПЦЗ на имя единственной преемницы „тихоновской” церкви» (Беглов 2007: 53). Мотив святости советских катакомб находим в проповедях, письмах, устных и письменных рассказах РПЦЗ.

Бесчисленный сонм новых мучеников засвидетельствовал свою верность Христу. (...) Несмотря на жесточайшие преследования, Церковь остается непобежденной. Хоть и разрушено множество храмов, так что в целом ряде городов, прежде красовавшихся величественными храмами, ныне не осталось ни одного из них, но тайно собираются верующие и молятся Господу Богу. Воскресли для России времена катакомб, которых она раньше не знала, ибо прежде никогда не испытывала гонения веры (Иоанн Шанхайский 1998: 212),

— свидетельствовал святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский в 1938 году.

Рухнуло в бездну Православное Русское Царство, бывшее оплотом истинно-христианской веры для всего мира, миллионы лучших русских людей были подвергнуты жесточайшему, беспощадному истреблению, Святая Русь вся была залита кровью и слезами и остатки ее, уцелевшие от страшного варварского погрома и избиения, ушли в подполье. (...) Но мы верим, что не до конца оставил Господь русский народ, безумно поддавшийся вражьему искушению и впадший чрез это в такое страшное кровавое испытание. Есть еще малый „остаток” сохранивших верность Господу и Спасителю нашему русских людей, скрывающихся в катакомбах (Аверкий 1976: 384–385),

— проповедовал архиепископ Аверкий Таушев в 1970-х.

В проповедях, как правило, речь шла об обобщенной катакомбной церкви, в рассказах конкретизировалось пространство, появлялись конкретные персонажи. Так, третий первоиерарх РПЦЗ митрополит Филарет Вознесенский в 1980 году в одном из писем описывает „случай” из жизни русской церкви XX века, а именно рассказ легендарного характера о монахинях, оказавшихся в соловецком концлагере, отведенных чекистами на «холм смерти», но выживших благодаря своей «верности до конца» (Филарет 2007: 198-199). Тюремное пространство в РПЦЗ всегда было маркировано как пространство, наделенное признаками святости. Фабульная схема данного рассказа вполне типична для житий, возникших в РПЦ в период канонизации новомучеников, но в нарративе РПЦЗ она обретает иное значение: нейтральные монахини характеризуются как катакомбные — в период подготовки к канонизации новомучеников российских Зарубежная Церковь тщательно проверяла их принадлежность именно к катакомбной, а не к патриархальной церкви: сама «гонимость» церкви являлась свидетельством ее подлинности. В словесности РПЦЗ катакомбники, с одной стороны, и чекисты как «слуги антихриста», с другой — воплощение высших метафизических сил, между которыми шла война на территории СССР. Драматургия проповедей, устных и письменных рассказов, в которых катакомбная церковь описывалась как единственная сила, противостоящая безбожному режиму, определялась драматургией раннехристианских житий и церковных преданий в новом апокалипсическом контексте.

Советская Россия описывалась как «антихристово царство». В РПЦЗ, как и в

катакомбной церкви в России, происходила мифологизация советской власти: интерпретация и описание ее как власти антихриста имели не риторический смысл, а являлись предметом религиозной веры. Катакомбная церковь и РПЦЗ не поминали за проскомидией Патриарха Московского и всея Руси и новую власть. В РПЦ существует предание о приходе ленинградских священников к Сергию Старогородскому, бывшему Патриархом Московским и всея Руси в 1943-1944 гг., с вопросом, может ли он поручиться, что нынешняя власть «не антихристова». Хотя предание характеризует картину мира РПЦ, тем не менее оно свидетельствует о значимости темы «антихристова царства» для русской церкви. Надо отметить, что тема антихриста актуализируется в культуре в определенные переломные периоды истории и закрепляется в фольклоре той или иной субкультуры иногда на несколько столетий: известен случай, что в паломнической русской монастыря в 80-е годы XX века¹ распространялось «святое письмо», где в качестве антихриста фигурировал Наполеон.

Эмиграция

Если советская Россия в РПЦЗ описывалась как апокалипсический мир, «антихристово царство», ушедшая Святая Русь характеризовалась не только как святое пространство, «Дом Пресвятой Богородицы», но и как дом в бытовом значении этого слова – средоточие «интимной духовности», то в эмигрантской жизни была отмечена оппозиционная антиценность — бездомность.

«Наша нужда — наша бездомность. Каждый из нас — это сухой листок: оторвался от ветки родимой и вдаль укатился, жестокою бурей гонимый. Но листок сух и безжизнен, а мы — живые души — и так устали за эти бесконечные годы скитаний» (Ильенко 1974), — читаем в проповеди Виктора Ильенко.

Мотивы бездомности, нищеты и бедствий русского эмигранта встречаются в проповедях, но они более типичны для рассказов, воспоминаний, некрологов, персонаж которых в эмиграции занимает самую низкую ступень в социальной иерархии, что, как правило, контрастирует с его положением на родине (особенно это касается повествований, персонаж которых — эмигрант первой и второй волны). Так в некрологе, посвященном памяти самого митрофорного протоиерея отца Виктора Ильенко, начало его эмигрантской судьбы описывается как служение в православной церкви в Риме, где он числился «на должности церковного сторожа» (И.А. 1989: 10); в некрологе митрофорному протоиерею Борису Крицкому отмечаются сопровождавшие его на протяжении всей жизни «стесненные обстоятельства», служение «на маленьком, очень плохо оплачиваемом и трудном приходе», «ничтожное содержание», оттенявшее его «самоотверженность» и «безропотность» (Е.Г. 1989: 11).

Эмиграция в словесности РПЦЗ часто описывалась как бегство («наша

---

¹ Перед нами – одно из курьезных доказательств того факта, что субкультура является держа – тельницей архаичных фольклорных форм и практик, классических сюжетов и образов, давно утраченных основной культурой. Подробнее об этом см., например: Ефимова Е.С. Современная тюрьма. Быт, традиции, фольклор. М., ОГИ, 2004.

беженская жизнь»), смысл которого — сохранение веры. Сюжетная судьба персонажа в повествовании могла состоять из двух мотивов: бегство и смерть, но смерть вне безбожного пространства оценивалась как смерть праведника. Особость такой кончины в текстах Зарубежной Церкви отмечена тем, что персонаж сам совершает действия, которые согласно традиции должны были над ним совершать уже после смерти участники погребального обряда, отмечены центральные символы погребального обряда: гроб, в который персонаж ложится сам, священнические одежды, в которые он сам себя облачает, персонаж может даже совершить над собой обряд отпевания. Все эти мотивы содержатся в древнерусских житиях, специфика данных действий в Зарубежной Церкви в том, что их совершает не прославленный святой, не «базовая личность субкультуры», а безымянный один человек, что должно свидетельствовать о том, что такая смерть для эмигранта не исключительна, а типична, при этом сами рассказы тяготеют к притче. Так, в ежегоднике «Православный путь» за 1972 год протоиерей Николай Депутатов, размышляя «о временном и вечном», приводит ряд таких «случаев», персонажами которых являются безымянные «смирненный протоиерей», «кротчайший священник», «батюшка». Вот один из цепочки таких коротких рассказов:

Подобный случай был и в Трехречье. После бегства от большевиков в Китай, недолго там пожив, — батюшка заболел и, чувствуя приближение смерти, возлег на одр, сам себя отпел и скончался. Трехречье только что заселялось — духовенства другого не было... (Депутатов 1972: 24).

В традиционной русской культуре бегство имеет семантику предательства или проклятия, в эмиграции бегство — форма сопротивления богоборческой власти, в ней персонаж проявляет свойства, являющиеся высшей культурной ценностью. Если в церковной литературе Святой Руси (в *Повести временных лет*, монастырских патериках) как святая описывается смерть в русском монастыре, то в условиях XX века, когда пространство некогда Святой Руси оказалось во власти «богоборцев и безбожников», смерть вне этого пространства оценивалась как факт, заслуживающий сочувствия, и одновременно как итог и венец «смирненной» и «кротчайшей» жизни.

Странничество эмигранта осмысливается как изгнание, но с другой стороны, как общий скорбный путь христианина, потому ему покровительствует Богородица Одигитрия. В проповеди, посвященной этой иконе, третий первоиерарх РПЦЗ Филарет Вознесенский говорит:

«Ведь всякому же ясно, что не случайно, а промыслительно, как уже много десятков лет русские православные люди пребывают вне своего отечества, за границей и в каком-то смысле в изгнании, с ними все это время пребывает и этот чудотворный образ Божией Матери Одигитрии (что значит Путеводительница). Она идет впереди нас на нашем скорбном пути». И в другой проповеди, посвященной этой иконе: «Зарубежная церковь странствует, странствует она по всему белому свету, и в этом ее странствовании ее Путеводительница — Пресвятая Дева Мария в ее чудотворном

образе. Она ведет нас, грешных и слабых» (Филарет 1981: 214). Надо отметить, что христианская символика и сама иконография образа Одигитрии иная — Богоматерь, указующая на Христа, ведет зрителя к Христу, указывает путь спасения. Помощницей в пугешествиях Одигитрия была в фольклорном восприятии, но РПЦ охотно принимает это народное толкование, оно приближает образ к реальной земной жизни русского эмигранта.

Особенности времени

Цикличность времени

Очевидна цикличность церковного времени и церковной словесности, находящейся в зависимости от церковного календаря. В первую очередь это касается церковной проповеди. В Русской Зарубежной Церкви Россия вспоминалась в дни, посвященные прославленным русским иконам, русским святым, но были дни в церковном году, когда особенно актуализировалась тема эмигрантской жизни. Так, в преддверии Великого поста, когда в течение трех воскресных дней в церквях, в соответствии с православным канонам, поется 136-й псалом «На реках Вавилонских», формирующий соответствующие сюжетные ходы проповеди, особую актуальность обретал мотив «вавилонского плена» как символа русской эмиграции. «Сидение» иудеев на реках вавилонских оказывалось синонимично русскому странствованию — драматургия библейских текстов определяла драматургию русской эмигрантской жизни и церковной проповеди. При этом сам псалом отражает традиционный фольклорный сюжет: в трагический час гибели «святого града» пребывание изгнанников или пленников на «земле чуждой» осмысливается как укрепляющее «свои» ценности.

От церковного календаря зависимы не только проповеди — определенные дни церковного года связывались с повторявшимися рассказами и воспоминаниями. Линейное историческое время также оказывалось вписано в церковный годовой круг. У первого поколения эмигрантов ожидание освобождения России от «ига безбожия» и связанные с этим ожиданием повествовательные тексты ежегодно повторялись в преддверии праздника Успения (15 (28) августа), при этом грядущее событие макроистории становилось гипотетической реализацией мотива «своей» словесности. Архиепископ Аверкий Таушев вспоминал:

В первые годы нашей беженской жизни за границей широко распространился слух, ведший свое начало будто бы от одного из прозорливых старцев, что спасение России от ига лютого безбожия произойдет именно в день праздника Успения Пресвятой Богородицы. И сколь многие тогда ежегодно ожидали с нетерпением этого дня... (Аверкий 1976: 423).

Историческое линейное время

Начало истории

В словесности РПЦЗ как начало новой истории особо маркировано не 7 ноября 1917 года — дата, вошедшая в советские учебники и всенародно отмечавшаяся как

день «Великой Октябрьской Социалистической революции», а 2 марта 1917 года, ознаменовавшееся событием отречения от престола последнего российского императора. Этот день церковная традиция связывает с обретением иконы Божьей Матери Державной, ставшей центральным образом новой русской иконографии, знаменующим преемственность новой России и Святой Руси и одновременно обозначающим начало нового этапа в истории России и Русской церкви (в советское время икона хранилась в запасниках Исторического музея, сюжет о связи ее появления с отречением императора патриархальной церковью был «забыт»). Сравним две зарубежные проповеди, трактующие этот образ и сюжет, — слово философа и богослова отца Сергия Булгакова в день Покрова Пресвятой Богородицы — *Светлый Покров над миром* и проповедь наиболее авторитетного проповедника РПЦЗ второй половины XX века владыки Аверкия Таушева, созданную сорок лет спустя. Проповедь владыки Аверкия передает церковное предание об обретении иконы: ...Что Пречистая Матерь Божия не отняла совсем Своего покрыва над Русской Землей, об этом свидетельствует чудесное явление в самый день отречения Государя Императора Николая Александровича 2 марта 1917 года последней нашей чудотворной иконы – Божией Матери Державной. На этой иконе Божия Матерь изображена в царской короне, со скипетром и державою в руках, в красной, как бы пропитанной кровью, одежде, со взглядом очей, выражающим скорбь (Аверкий 1975: 513).

Булгаков, изложив историю праздника Покрова Пресвятой Богородицы, посвященного событию, произошедшему в храме Влахернском в Царьграде, далее, следуя древнерусскому канону, переходит к теме «далекой страны полуношной», «земле Русской», всегда особенно почитавшей этот праздник, а затем — уже согласно новому канону, сложившемуся в Зарубежной церкви, — к теме современности, «нынешней скорби» русского народа, и вспоминает новую святую — Божью Матерь Державную.

Не оставила Она русскую землю, хотя и попущены ей сатанинские испытания. Се тихим гласом — в явлении чудотворной Державной иконы Своей — возвестила в начальную годину искушений Богородица, что ныне Она русской земли Госпожа и Царица и содержит ее в Державе Своей (Булгаков 1938: 11–12).

Таушев делает акцент на «кровавом» облачении Богоматери, являющемся символом мученичества как нового пути России. У Булгакова отмечается «тишина» явления этого образа. **Конец** одной эпохи («последняя наша чудотворная икона») и **начало** новой («начальная година искушений») сливаются в одном образе.

Канонизированное в словесности РПЦЗ отречение императора Николая Второго от престола — фабульная завязка истории гонимого царя и одновременно истории эмигрантского мира. Традиционные мотивы, связанные с образом идеального царя: близость Церкви, уход от власти, изгнание, страдальческая кончина

и посмертная слава — в эмиграции связывались с разными представителями царской фамилии — Павлом Первым (в РПЦЗ думали о его канонизации как невинноубиенного), Александром Первым (в эмиграции были широко распространены рассказы легендарного характера о Федоре Козьмиче — старце, под именем которого якобы скрывался отрекшийся от власти император). Повествования, центральным персонажем которых являлся последний русский император, полностью реализуют эту схему и в РПЦЗ обретают смысл основополагающей культурной ценности. Эта схема реализовалась и в устных рассказах, слухах, воспоминаниях, и в ежегодных проповедях — словах, сопровождавших панихиды по убиенному императору, а после канонизации царственных страстотерпцев в 1981 году финальные молитвы о упокоении сменились молитвами, обращенными к прославленным святым при сохранении той же структуры проповеди. При этом сами глобальные события макроистории оказывались лишь реализацией мотива церковной словесности: 1917 год был предугадан задолго в пророчествах русских святых. Так, в *Слове перед панихидой по почившем Царе-Мученике Императоре Николае Александровиче и всей его царственной семье*, произнесенном вторым Первоиерархом РПЦЗ Анастасием Грибановским в Вознесенском соборе на Бронксе 2 (15) июля 1951 года, говорится: «Пришел черный год, предсказанный нашими святыми и мудрыми провидцами, и для Государя начался подлинно крестный путь, главные моменты которого памятны еще всем нам» (Анастасий 1956: 123). Повествования повторялись ежегодно, определяясь временем церковного года («слова» произносились в день убиения императора Николая Второго и его семьи) и особенностями церковного пространства (когда в зарубежье появлялись храмы и памятники, посвященные царской семье). В очерке к 75-летию мученической кончины царской семьи в издававшемся в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле в ежегоднике «Православный путь» протоиерей Лев Лебедев пишет:

Так кто же от кого отрекся 2 марта 1917 года, — Царь от власти над Россией, или Россия от Царя? В меньшей мере отрекся он, в большей мере от него отреклась Россия. (...) А та Россия, которая не отреклась, но которая ничего не могла решить и исправить, пошла на Голгофу страданий вместе с Царем и вслед за ним» (Лебедев 1993: 14).

Под Россией, пошедшей на Голгофу вместе с царем, понимаются и катакомбники, и эмигранты, в социальной иерархии которых высшее место занимал «гонимый и убиенный» царь. В фольклоре диаспоры царь, от которого «отреклась Россия», стал не только нормативной, базовой личностью, идеальным представителем субкультуры, воплощающим в себе ее нормы, но и сакральной фигурой — жертвой, положенной в основание нового социума. Мотив «гонимости» царя и социума как образ вечного странничества христианина содержал идею святости пути эмигранта, «гонимость» являлась одновременно и антиценностью, и высшей ценностью субкультуры. Канонизация царской семьи в РПЦ должна была иметь покаянный смысл, в РПЦЗ она сообщала высшую легитимность самому «гонимому» социуму, но религиозные,

церковные и политические вопросы, связанные с жизнью и мученичеством царя-страстотерпца, выходят за рамки исследования, посвященного драматургии повествований.

Конец истории

Реальное историческое время и географическое пространство имеют значение второстепенное по отношению к времени и пространству субкультуры. Во многих традициях существует образ священного дерева как мировой оси, связующей историческое время от сакрального начала в космогонических текстах до сакрального конца в эсхатологических. Самый показательный пример — нарративы, посвященные Мамврийскому дубу в иудейской и христианской традициях: согласно преданию, он растет с сотворения мира и будет стоять до конца света. Мотив гибели Мамврийского дуба имеет особый семиотический статус в церковной традиции. В фольклоре РПЦ он включен в контекст эсхатологического мифа:

«Время кончилось. Мамврийский дуб засох. Теперь мир держится только на молитвах старцев» (Т.Ш. 2015).

В РПЦЗ, где в целом всегда важную роль играла эсхатология, мотив гибели священного дерева, как это ни парадоксально, может совершенно утрачивать эсхатологический смысл и даже появляться в бытовых рассказах, трактующих взаимоотношения РПЦ и РПЦЗ в комическом ключе. В рассказах РПЦЗ священное дерево оказывается значимо как часть пространства, принадлежащего русским «зарубежникам», часть культуры РПЦЗ и источник некоторых основополагающих традиций, и когда целостность субкультуры была разрушена, территория была захвачена «чужими», дерево, находившееся на этой территории, погибло. Здесь мотив гибели Мамврийского дуба означает не конец времени как такового, а конец истории субкультуры. Приведем устный рассказ представительницы РПЦЗ из нашего архива:

...только в 90-х, когда часть зарубежников объединилась с патриархией, часть имущества они оттяпали, и сразу засох Мамврийский дуб. Правда. В тот же год. Мамврийский дуб — он так и рос. Он засыхал, но вырастал росточек и вырастал новый Мамврийский дуб. Этот участок тоже принадлежал зарубежникам. И они желуди собирали и раздавали паломникам. Эти желуди сажали в Австралии, в Америке. И он засох, и совсем засох, и больше там не растет. Жалко... (Н.С. 2015).

Каково соотношение макро- и микроистории в исторических повествованиях? На первый план выступает внутренняя история социума, «своя» история. Вехи «чужой» истории упоминаются только для того, чтобы как-то соотнести «свою» историю с общепринятым летоисчислением. Так, Акт о каноническом общении РПЦЗ и РПЦ был подписан в 2007 году, но это — событие макроистории, официальное событие, фактически — событие «чужой» истории. В фольклоре РПЦЗ указывается другое время: с одной стороны, это первое нарушение целостности субкультуры в 90-е годы, характеризующееся как «захват» священной территории чужими, с другой стороны, поскольку приходы РПЦЗ существуют и по сей день, сам факт объединения

церквей представителям субкультуры часто кажется спорным.

Взгляд со стороны

Одна из важных составляющих субкультуры Русской Зарубежной Церкви — РПЦЗ на территории России. В полном смысле советских и российских «зарубежников» частью РПЦЗ назвать нельзя, поскольку их словесность дает взгляд на эмиграцию со стороны: «зарубежники» здесь характеризуются как «наши» и одновременно как «чужие», в нарративах появляется мотив пути (русского за границу, к «зарубежникам», или «зарубежника» в Россию), и сами «зарубежники» интерпретируются как культурная ошибка — представители РПЦЗ считают себя хранителями русской культуры, в действительности являясь искусственным образованием. В русской церковной среде возник целый пласт смехового фольклора, предмет осмеяния в котором — русский эмигрант как одиозный хранитель дореволюционной культуры, не способный к коммуникации с реальной русской церковной культурой. Вот два текста из нашего архива (интервью с представительницей РПЦЗ в России):

Приезжал из Европы один довольно молодой священник — из второго поколения эмигрантов, его отец уехал из России, а он сам родился и вырос уже там. И ему кто-то из наших говорит, что матушка дьяконица облачение сшила. И у него такой испуг на лице: а, у вас женщины дьякона. Мы объяснили, что дьяконица — жена дьякона. Он на полном серьезе испугался, подумал, что у нас такое безобразие.

Более старшее поколение — они говорили по-русски лучше. А у этого чувствовалось, что он не совсем родной. У него такая особенность была — он периодически вставлял в свою речь пословицу русскую, и не всегда к месту. Важно поднимал указательный палец и смотрел, какое это производит впечатление. Носитель языка нормальный так не говорит. А он так старался. Это было весело (Н.С. 2015).

В культурологи признано, что в условиях эмиграции русская культура была не только спасена и сохранена, но поднялась на еще большую высоту (Аронов 1999). В действительности культура русской эмиграции формировалась не «вопреки», а благодаря противодействующим обстоятельствам, в новых условиях не «сохранялась» прежняя культура, а формировалась новая, с новой системой ценностей и антиценностей. Причина в самом изоляционизме, искусственности диаспоры, отделенности ее от основной культуры с ее естественной исторической (хотя и драматичной, а подчас трагической) жизнью. Предельная изоляция от основной культуры, экстремальные условия формируют сгущенный образ «чужого», оригинальную картину мира. Выполнение историко-культурной миссии деятелями РПЦЗ целенаправленно, сознательно и продуманно. Пропаганда традиций, приоритетов, истории России являлась способом сохранения своей идентичности («"Православная Русская Культура" и "Святая Русь" — это не пустые, ничего не значащие слова, а это именно то, что укрепляет нас, живущих в чуждой нам среде», —

писал Аверкий Таушев в проповеди *Уголок Святой Руси*, посвященной Свято-Троицкому монастырю в Джорданвилле – крупнейшему и старейшему монастырю РПЦЗ на территории США). На сознательном уровне осуществлялась попытка воспроизводства эмиграцией доминирующих черт русской культуры, стихийно шло построение новой культуры с иной картиной мира, традициями и фольклором, это спонтанный процесс, обусловленный закономерностями развития социума, оторванного от своих корней.

Литература:

- Аверкий, 1975, *Современность в свете слова Божия: Слова и речи. В 4-х т. Т. 1.* Jordanville.
- Аверкий, 1976, *Современность в свете слова Божия: Слова и речи. В 4-х т. Т. 3.* Jordanville.
- Анастасий, 1956, *Архипастырские послания, слова и речи Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви.* Джорданвилль.
- Аронов А.А., 1999, *Воспроизводство русской культуры в условиях эмиграции, 1917–1939 гг.: Культурологический аспект. Автореферат дисс. докт. культурологич. наук.* Москва.
- Беглов А.Л., 2007, *Понятие «катакомбная церковь»: мифы и реальность, – Мeneвские чтения, 2006. Сборник материалов Первой научной конференции «Мeneвские чтения», проходившей 9 – 11 сентября 2006 г.* Сергиев Посад, 2007, с. 51–60.
- Булгаков С., 1938, *Радость церковная. Слова и поучения.* Париж.
- Депутатов Н., 1972, *О временном и вечном, Православный Путь. Церковно-богословско-философский ежегодник, приложение к журналу «Православная Русь»,* Jordanville, N.Y., с. 19-24.
- Е.Г., 1989, *Отец Борис Крицкий, «Православная Русь» № 17, с. 11.*
- Ефимова Е.С., 2004, *Современная тюрьма. Быт, традиции, фольклор.* Москва.
- Ефимова Е.С., 2015а, *Преподобный Сергей Радонежский и Троице-Сергиева Лавра в проповедях Русской Православной Церкви Зарубежом (вторая пол. XX в.), – Макариевские чтения: Преподобный Сергей Радонежский и Московская Русь. Материалы Российской научной конференции «Макариевские чтения» 25–27 июня 2014 года. Вып. XXII. Ред.-сост. Л.С. Кертанова, А.К. Крылов. Можайск, 2015, с. 93–111.*
- Ефимова Е.С., 2015б, *Устная словесность Русской Православной Церкви Заграницей, в: «Rossica Olomucensia» LV. Literatura ruské emigrace, Olomouc: Univerzita Palackého, 2015 (в печати).*
- И.А., 1989, *Памяти митрофорного протоиерея Виктора Ильенко, «Православная Русь» № 17, с. 10.*
- Ильенко В., 1964, *Сто слов и поучений, Лос-Анджелес. lib.eparhia-saratov.ru [10.10.2015].*

- Иоанн, 1998, *Слова иже во святых отца нашего Иоанна, Архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского*. М.
- Лебедев Л., 1993, *От царства земного – к Царству Небесному!* Православный Путь. Церковно-богословско-философский ежегодник, приложение к журналу «Православная Русь», Jordanville, N.Y., с. 5–15.
- Н.С., 2015, *Архив интеллектуального центра «Залекер»*, Москва.
- Неклюдов С.Ю., 1998, *Исторический нарратив: между «реальной действительностью» и фольклорно-мифологической схемой, – Мифология и повседневность. Вып. 1*. СПб.
- Т.Ш., 2015, *Архив интеллектуального центра «Залекер»*, Дмитров.
- Филарет, 2007, *«Послушайте мене, о, чада, честная бо реку, и отверзу от устен правая»*. Письма святителя Филарета, – Столп огненный. Митрополит Нью-Йоркский и Восточно-Американский Филарет (Вознесенский) и Русская Зарубежная Церковь (1964–1985), сост. и комм. Монахини Кассии (Т.А. Сениной). Санкт-Петербург, с. 155–203.
- Филарет, 1981, *Проповеди и поучения Высокопреосвященнейшего Митрополита Филарета первоиерарха Русской Зарубежной Церкви*. Т. 1, New York.

Виктория Трофимовна Захарова
(Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Нижний Новгород, Россия)

**Повесть М. Осоргина *Из маленького домика*
и рассказ Ив. Бунина *Из записей неизвестного*:
своеобразие жанрового синтеза**

The story of M. Osorgin *From the little house*» and the story of I. Bunin *From the records of the unknown*: the originality of genre synthesis

Резюме: Данная статья посвящена проблеме новой жанровой стратегии малых повествовательных форм в прозе русской эмиграции первой волны. Выбраны два внешне непохожих, но концептуально и эстетически сопоставимых именно в плане сходства жанровой стратегии произведения: повесть М. Осоргина *Из маленького домика* (1917-1919) и рассказ Ив. Бунина *Из записей неизвестного* (1930). Посвящены они событиям первых пореволюционных лет России. Оба художника создали замечательные образцы нового художественного мышления XX века, неореалистического синтеза, возможности которого оказались столь велики, что даже небольшие, периферийные произведения в огромном своде творений обоих авторов занимают свое весьма значимое место. Анализ свидетельствует, что скромным творениям больших писателей тоже присуще оказывать на читателя воздействие, по силе своей не уступающее известным книгам, ибо и они вбирают в себя огромный космос исторического и духовного национального бытия.

Ключевые слова: проза первой волны русской эмиграции, Осоргин, Бунин, новая жанровая стратегия, малые формы, неореалистический синтез, трагизм социальных катаклизмов, вечность прекрасного, аксиологический потенциал.

Summary: This article is devoted to the new strategy of the small genre of narrative forms in the prose of Russian emigration of the first wave, chose two seemingly dissimilar, but conceptually and aesthetically it is comparable in terms of genre similarities strategy works: the story of M. Osorgin «From the little house» (1917 -1919) and story of Eve. Bunin's «From the records of the unknown» (1930). They are devoted to the events of the first years of postrevolutionary Russia. Both artists have created wonderful examples of the new artistic thinking of the twentieth century, neorealist synthesis, the possibility of which was so great that even small, peripheral products in the arch of the huge works of both authors have their very important place. The analysis shows that a modest creations of great writers, too, have on the reader's inherent impact on the strength of his well-known book is comparable, for they absorb the huge space of the historical and spiritual national life.

Keywords: prose of the first wave of Russian emigration, Osorgin, Bunin, newstrategy of genre, small forms, neo-realistsynthesis, the tragedy ofsocial cataclysms, the eternity of beauty, axiological potential.

В русской прозе эпохи Серебряного века явственно обозначились, а затем и в последующие годы убедительно развились новые качества реализма. Идея синтеза в эстетических исканиях искусства Серебряного века была главенствующей.

Подобная тенденция находилась в общем русле развития литературы Серебряного века: движения прозы по пути «от экстенсивности к интенсивности» (Страда 1995: 57), спрогнозированного еще в 1890 г. К.Н. Леонтьевым. В глубоком труде о Л. Толстом, «писаном в Оптиной Пустыни», Леонтьев лаконично, но емко подвел итоги предыдущей литературной эпохи и провидчески определил ее возможные дальнейшие пути, связывающиеся им с лаконизмом и с теснейшей органической взаимосвязью стиля и «духа» произведения, неразрывностью внешней изобразительности и внутреннего содержания его, активности и значимости авторского слова (Леонтьев 1912: 229).

Благодаря творчеству А.П. Чехова уже конец XIX века стоял под знаком этих новых эстетических устремлений. Чеховский «реализм, возвышенный до символа» (М. Горький), многое определил в движении художественной мысли эпохи. Так, уже в 1912г. было замечено:

Старый, «вещественный» реализм, достигший у больших художников пышного расцвета, отжил свое и в целом невозвратим. Литератор нащупывает теперь *возможность нового, одухотворенного реализма*, который, давая нам внешнюю правду вещей, не угаивал бы и ее внутренней сущности, раскрывал бы в отдельных явлениях общий смысл жизни (Колтоновская 1912: 15). (Здесь и далее в цитатах курсив мой. – В.З.)

Известным исследователем литературы Серебряного века и русского Зарубежья Л.А. Смирновой была верно обобщена суть происходивших в литературе рубежа XIX – XX веков процессов, обнаруживаемая в слиянии разных тенденций: «...реализма, импрессионизма, символизации рядовых явлений, мифологизации образов, романтизации героев и ситуаций. Тип художественного мышления был синтетическим» (Смирнова 2001: 15). Поскольку нет «собирательного» определения для характеристики новаций реализма этой эпохи, Л.А. Смирнова предложила «принять термин, который бытовал в критике тех лет. Именовать эти оригинальные достижения *неореализмом*» (Смирнова 2001: 15). (Курсив автора). Вслед за Л.А. Смирновой в изучении русской прозы XX века нами был предложен следующий концептуальный подход: рассматривать неореализм не как известное течение 1910-х гг. XX века, а в качестве *типа художественного сознания*, которому свойственно тяготение к *особому многомерному синтезу* (Захарова, Комышкова 2014: 13). *Проблема художественного синтеза в неореализме* представляется гораздо более многомерной, глубокой, чем принято считать. Она охватывает собой всю многоаспектную сферу образного отражения действительности в произведении: это касается, прежде всего, *жанрового синтеза*, повлекшего за собой *изменение роли автора в тексте, несвойственное для литературы прежних лет взаимодействие пространственно-временных отношений, активность подтекстово-ассоциативной образности, повышение роли лейтмотивной организации текста, соотносительность индивидуально-личностного и общечеловеческого и др.*

Проявившиеся в начале XX столетия процессы затем обрели свое дальнейшее развитие и в литературе русской эмиграции.

При изучении проблемы *жанрового синтеза* нами ставится задача не столько обнаружить взаимопересечение различных внешних жанровых признаков, но, главным образом, обратить внимание на *аспекты неореалистического индивидуально-авторского художественного мышления как формирующие цельность текста на новых основаниях*. В этом заключается концептуальное отличие данной небольшой работы от трудов современных исследователей, изучавших проблему жанрового синтеза в различных аспектах и на ином материале (к примеру, Кириченко 2005, Тамарченко 2007, Васильева 2011, Тузков 2012).

В данной статье наш выбор пал на два внешне непохожих, но типологически сопоставимых именно в плане сходства *жанровой стратегии* произведения: повесть М. Осоргина *Из маленького домика* (1917 – 1919) и рассказ Ив. Бунина *Из записей неизвестного* (1930). В ограниченных рамках работы не ставится задача отдельного внимания к проблеме жанра рассказа и жанра повести: мы объединяем их по указанному выше принципу развития под пером указанных авторов.

Посвящены эти произведения событиям первых пореволюционных лет России.

Повесть М. Осоргина, точнее, ее первые главы, вначале публиковались на страницах московской газеты *Русские ведомости* в 1917 г. Полностью произведение было опубликовано отдельным изданием в 1921 г. в Латвии, в *Книгоиздательстве русских писателей*. Во вступлении, написанном в 1919 г., Осоргин пишет:

Эта книжка писалась урывками в маленьком домике, среди огородов окраинной Москвы... *Теперь я ее печатаю, сам не зная, к какому роду литературы она относится*. Может быть, это необходимо — писать обязательно повесть, либо сказку, либо передовую статью или театральную рецензию, — непременно что-нибудь определенное? Ведь и жизнь наша за эти два года... не то страшная сказка, не то оскорбительная хроника, не то — великий пролог новой божественной комедии... *И вот я отдаю написанное, без начала, без конца, — ряд намеков, образов и удивленных сновидений*» (Осоргин 1999: 313).

Как видим, писатель, совершенно в духе своего времени, опережая многих, стремился к той свободе самовыражения, которая не сковывает творческий дух жесткими рамками жанровых «предписаний». Именно смелость и свобода жанрового мышления позднее сразу же покорила современников, высоко оценивших шедевр Ив. Бунина — *Жизнь Арсеньева*.

А пока мы говорим о более скромных по масштабу и художественной значимости произведениях обоих авторов, но, тем не менее, представляющих несомненный научный интерес. Согласимся с мнением современного исследователя:

В книге *Из маленького домика* уже ясно просматриваются отличительные черты Осоргина-прозаика — *доверительность и ироничность интонации, предпочтение субъективности мыслей и чувств перед занимательностью*

сюжета... Пожалуй, этой книгой и начинается настоящий Михаил Осоргин, оригинальный писатель, самобытный художник слова, со своим незаемным лицом, индивидуальной манерой письма, со своим художественным миром (Дядичев 1999: 18).

Полагаем справедливо мнение В.А. Урвилова, изучавшего творчество писателей, в 1920-е годы создавших незаурядные произведения о революции и Гражданской войне, на долгие годы закрытые для читателя (*Сивцев Вражек* М. Осоргина, *В тупике* В. Вересаева, *Мирская Чаша* М. Пришвина):

Невозможность существования человека в условиях разрушенного общества потребовала напряженной созидательной работы по возвращению осмысленности бытию, поиску возможностей по восстановлению гармонической упорядоченности мира <...>Книги каждого из авторов пронизаны пафосом нравственного противостояния окружающему хаосу и распаду» (Урвилов 2010: 191).

Трудно переоценить значимость поставленной писателями задачи. В этот типологический ряд, разумеется, органически вписывается повесть, которая его собой и открывает.

Для прояснения сути ее жанровой новизны, вернемся к вступлению М. Осоргина. Здесь есть еще одно немаловажное указание для читателя — расшифровка заглавия повести: *«Маленький домик реален; но возможно, что он — символ. И тогда понятно, что этот символ означает: уход из мира в себя самого»* (Осоргин 1999: 313). Так формировался текст повести, в которой «реализм, возвышенный до символа» определял ее метафизический уровень, далеко выводящий произведение за рамки скромного повествования о ряде событий из жизни героя.

Композиционно повесть состоит из десяти главок, имеющих название, но ничем, кроме прихотливых ассоциаций авторского сознания не связанных, — мало того, и внутри глав обнаруживается «мозаичное» построение материала. Тем не менее, несмотря на фрагментарность, «запрограммированную» автором, произведение обладает некоей *внутренней цельностью, обусловленной поэтикой: системой лейтмотивов, символики, широкого ассоциативного образного ряда*. Наконец, избранная автором свобода художественного письма здесь выражается в проникновенно-доверительной интонации, которая свойственна дневникам, запискам, эпистолярному жанру: здесь предполагается собеседник и активизируется роль читателя, вовлекающегося в мир книги. Жанровая «взаимопроницаемость» повести и дневника здесь особенно органична.

Образ «маленького домика» Осоргина — это, конечно, и символ защиты (как архетип дом восходит к архетипу матери). Дом с древнейших времен воспринимался человеком как надежное укрытие от внешних опасностей, как хранилище семейных традиций и передающихся из поколения в поколение духовных и нравственных ценностей. В 1928 г. Осоргин закончит задуманный еще на родине роман *Сивцев Вражек*, который станет его «визитной карточкой»; там в центре повествования —

дом старого профессора в заповедном уголке Москвы как хранилище духовных и культурных ценностей. О доме своих предков Осоргин расскажет в автобиографическом романе *Времена* (1955). В нем символ дома превращается в мифологему, вмещающую в себя важнейшие константы бытия (см. об этом: Анисимова 2004: 128-150). Здесь же это не родной дом, но ставший его заменой на перепутьях революционных катаклизмов. «И знаю, — читаем мы в самом начале, — там, на лежанке, в тепле только что закрытой печи, там — детство...» (Осоргин 1999: 315). Поэтому можно говорить и о *мифологической составляющей* художественного мышления автора, проявившейся в создании этой повести и придающей ей *черты древних архаических жанров* — сказания, сказки, легенды.

Символика «маленького домика» в повести многогранна, порой строится *по принципу парадокса*. Главное, как сказал писатель в первой главе, — по сравнению с городской жизнью того беспокойного времени, у него здесь — «полная тишина и полная темь кругом. *Мира нет; есть только маленький домик, окруженный великим ничто*» (Осоргин 1999:314). И это для него — счастье. Счастье потому, что по сравнению с «великим ничто» велик мир человека! Так на самых различных уровнях текста мы обнаруживаем органичное взаимопроникновение самых разных жанров. Часто это дается как аллюзия, иногда как напоминание о жанре, — подобно тому, как это дано буквально в абзаце, цитированном выше.

Обновляемому облику реализма начала XX века немало способствовала активизация художественного решения пространственно-временных отношений, что придавало традиционным прозаическим жанрам новые черты. Повесть Осоргина в этом плане представляет оригинальное произведение, в котором собственно повествовательные черты, черты *повести*, отходят на второй план, уступая жанру *свободного эссе*, которому подвластно все: в нем органично переплетается явь и сон, реальное и фантастическое.

В закрытом пространстве домика возникает мир большой жизни: управляющая течением повествования свободная мысль писателя рождает уникальные ассоциации. Богатство внутреннего мира личности писателя обуславливает их масштабность.

Эти ассоциации-воспоминания-впечатления явственно делятся на два контрастных пласта: это мир настоящего времени, от которого автор бежит в свой домик, и мир воспоминаний, вводящий в домик огромный космос. Количественно они неравноценны: настоящему уделено совсем немного внимания, что неудивительно, — это от него автор сбегает в свое укрытие. Вот один из примеров «образа настоящего» в повести:

Словно бы ничего не случилось... Елочки и ветер мороза на стекле. Сижу, положив локти на подоконник, подперев руками голову. За окном на белых грядках торчат кочерыжки капусты. К линии окружной дороги протоптана в снегу тропинка, и по ней, обнявшись, идет солдат с девушкой в платке. Смотрю на них, а в душе умерло... Солдату с девушкой я завидую, но я их уже не люблю. Раньше любил и их, и гряды, и капустные кочерыжки, и мороз

на окнах, Теперь в душе умерло. Они... разрушили то святое, что я хранил для них и во имя их. Мне они страшны, солдат с девушкой (Осоргин 1999: 334).

И далее писатель объясняет свое состояние. Он вспоминает «свинцовый ужас», который «обметал» окна москвичей в те дни, когда происходил обстрел города:

Тому, кто был на крыше высокого дома напротив, надоело спокойно и ровно вертеть ручку пулемета, и он стал отбивать какой-то фантастический такт. Я подумал:

„Возможно, что это — его величество Сатана. Но, конечно, в образе простодушного парня в солдатской шинели”...

Мое окно осталось невредимым, и я не знаю, как и когда влетела та пуля, которая убила во мне душу. Иначе почему бы мне не любить солдата с девушкой?» (Осоргин 1999: 335).

Как известно, увлечение писателя революционными идеями в начале века привело к вынужденной эмиграции в период первой русской революции, но именно тогда произошел в его душе пересмотр былых представлений, и к 1917 году Осоргин был уже совсем другим человеком. В приведенном выше фрагменте повести есть такое объяснение его неприятия революции: «Я знал, что когда-нибудь это случится. Нельзя вечно под жизнь подставлять поэзию» (Осоргин 1999:334). Очевидно, одной из заметных черт жанрового синтеза у Осоргина является столь присущая этому автору публицистичность, разумеется, художественная. Она отчетливо выражается в концентрации читательского внимания к острейшим проблемам современности, к событиям и фактам, свидетелем или участником которых был автор. Наблюдения приводят художника к стремлению отразить глубину своего разочарования в происходящем, что приводит его к болезненно-острым размышлениям о происходящем как о «позоре России», от которого писатель и сам не отрекается, но причины этого он старается найти не в действиях конкретных людей, партий, сообществ, а — в проявлениях *метафизического зла*, скрывающегося за ними:

...это ненасытное стремление из оков человеческой оболочки к орлиному полету мысли — сбито и сломлено хлещущей, как попало, плетью, которою завладела гогочущая, отвратительная...тупая и жестокая обезьяна. У нее нет имени. У нее есть только острые зубы, оскалая улыбка...Ее ученое, придуманное имя — борьба классов. И треххвостной ременной плетью она загоняет нас в мрачные закоулки средневековья...» (Осоргин 1999:368).

Такой характер рассуждений автора выводит повесть на уровень *философского эссе*.

Образный строй воспоминаний, составляющий основу повести, связан с совершенно иными настроениями. Становится понятно, что в маленький домик писатель укрылся, чтобы найти для себя опору, — а ее дают именно воспоминания о самых различных проявлениях *прекрасного* в этом мире. Так жанр повести обогащается романтическими обертонами, создается *лирический* строй текста. Осоргин

со времени первой своей эмиграции навсегда полюбил Италию, и не случайно, как и у многих других художников, именно с ней, с Римом, с произведениями искусства, ее цветущей природой, встреченными им людьми, связывается надежда на возможности *красоты*, ее благотворного воздействия на человека, ее неуываемой жизни в Вечности. Так, избрав своим собеседником собачку Фильку, обращаясь к ней, автор в шутливо-ироничной манере, которая напоминает «смех сквозь слезы», призывает ее вспомнить прогулки по Риму: «Мы с тобой леплены не из манной каши. И мы — граждане Вечного города <...>Вечность не в прошлом только; она в том, что было, есть и будет. Как легко и просто ощущала и выразила ее Наташа у Толстого. Рим дает ее еще нагляднее» (Осоргин 1999:325-326). Точно замечено в свое время М.Л. Слонимом, что М.А. Осоргин принадлежал «к гуманитарной и моральной школе русского искусства, для которой красота и правда сливались воедино» (Слоним 1942: 12).

Прекрасное для М. Осоргина, конечно, не только Италия: не раз возникает на страницах повести образ любви («синие глаза и васильки на шляпе»), данный в лирическом обрамлении; лейтмотивно проходят через повествование неброские пейзажи России, тоже отмеченные поэтической интонацией (Осоргин 1999: 345).

Однако финал повести пессимистичен: заключительная глава названа *Время остановилось*, и на этих выделенных автором словах произведение заканчивается.

Тем не менее, высветляющая интонация «итальянской темы» значительно смягчает общий драматический пафос произведения. Важную роль в этом играет, как уже было замечено, лейтмотивное построение текста. Мысль о вечности прекрасных начал в жизни ассоциативно проходит через весь текст, она прочитывается и на близких к финалу страницах: «И если мне улыбается смотреть на старую, выцветшую фотографию Вечного Города, то лишь потому, что его ответная улыбка говорит мне: «Все это было! И было большее! И все минуло— и снова рождается» (Осоргин 1999: 371).

Справедливо мнение о том, что в *Сивцевом Вражке*, к примеру, значимым является «мотив Екклесиаста», под которым «подразумевается представление о незначимости дел человеческих перед лицом общего порядка вещей. Данный мотив возникает как реализация в тексте авторских представлений о несоответственно большой значимости, которую люди придают своим делам» (Урвиллов 2010:168). Ранняя повесть писателя убеждает, что подобная философия бытия формировалась у него уже тогда.

Итак, полагаем, даже на небольшом пространстве анализируемого текста Осоргина заметно, насколько он обладает неореалистическим синтезированным характером. В «сгущенной» образности видны черты художественного мышления, свойственные классической прозе (речь идет о стремлении в одной небольшой сценке, сюжетной ситуации порой отразить целый космос, вывести повествование на онтологический уровень); лейтмотивная основа соединяет ведущие семантические линии, обеспечивает органичность символики и, главное, внутреннюю цельность текста; публицистичный характер размышлений всегда отличается философской глубиной, богатством и неожиданностью ассоциаций, связующих сиюминутное и вечное; исповедальная интонация вызывает доверие читателя-

собеседника. Жанровый синтез, образовавшийся на таком мощном «субстрате», оказывается очень многогранным: в произведении обнаруживаются, как уже указывалось, черты дневника, лирической прозы, архаических жанров, эссе с его универсальными возможностями.

Все это позволяет считать скромную маленькую повесть писателя значительным по содержанию и оригинальным по форме произведением, раскрывающим возможность и целебность приобщения к прекрасному даже в страшные годы социально-исторических катаклизмов.

Во многом созвучными М. Осоргину оказались в этом плане и художественные поиски Ив. Бунина как автора рассказа *Из записей неизвестного*: здесь очень схожая авторская стратегия по отношению к формированию жанрового синтеза произведения, в данном случае малого жанра. Она тоже обусловлена неореалистическим художественным сознанием писателя и связана с интенсификацией художественных средств, активной роли внефабульной образности, значения системы лейтмотивов как фактора, обеспечивающего цельность фрагментарно построенному тексту и т.п.

Рассказ открывает цикл *Под серпом и молотом* (1930). Он являет собой одну из вариаций осмысления писателем начавшейся в России послереволюционной эпохи: действие происходит в 1920-е годы. Более всего он соотносим с замечательным рассказом *Несрочная весна* (1923), подлинным художественным шедевром Бунина.

Представляемое нами произведение — более скромное по масштабу художественного постижения современности, но, как нам представляется, тоже весьма значительное. По отношению к повести М. Осоргина оно являет полную противоположность композиционного построения. Здесь герой-рассказчик стремится *уйти из современной Москвы, от современной Москвы* в прямом смысле этого слова: «Я скитаюсь по Москве, даже начинаю мечтать о поездках кое-куда» (Бунин 1991:156). Современность, установившиеся будни, его угнетают. Неприятие новой России выражается по-бунински скупно, сдержанно:

Недавно посетил нас „землячок”, бывший красноармеец. <...>. Говорил, усмехаясь, что теперь и отдохнуть можно:

– Теперь мы Россию замирили, везде тихо. Я сам в Тамбове не меньше ста душ в расход вывел... (Бунин 1991:157).

Свобода художественного письма, не скованного жанровой регламентацией, проявляется в *Записях неизвестного* на разных уровнях. Так, произведение уже заглавием своим ориентирует на установление доверительных начал с читателем, подобно повествованию Осоргина. Жанр записок всегда претендует на *исповедальную интонацию*, на отражение самых интимных, наиболее важных дум автора. Кроме того, он контаминирует с *эпистолярным жанром*, что придает тексту и функции *посланичества*, столь характерные для эмигрантской литературы. Фрагментарное построение текста, как и у Осоргина, пронизано лейтмотивными скрепами, что придает произведению несомненный эффект целостности. «Мозаичность» повествования: чередование описаний прошлого, колоритных зарисовок настоящего,

воспоминаний, портретных характеристик и пр. — не мешает тексту Бунина быть эссеистски-философичным, порой лирически-одухотворенным. Все это роднит его произведение с повестью Осоргина.

Заметим, что этот рассказ написан уже зрелым писателем, которому были подвластны самые разнообразные способы художественного диалога с миром. Так, с ранних художественных опытов Бунина великолепно проявился в его рассказах как *лиро-эпический синтез*, свидетельствующий о новизне бунинского реализма, новизне жанрового мышления. Позднее феномен бунинской прозы будет во многом определяться *сюжетообразующей функцией лирического* в его произведениях (см. об этом: Захарова 2013). Проблеме лирического с разных позиций посвящены работы ряда современных исследователей (см. например: Ничипоров 2003, Игонина 2011, Капинос 2014). Рассказ *Из записей неизвестного* представляет тип повествования объективированный, сдержанно-эмоциональный, с приглушенным лирическим началом в его многомерном синтезе.

Вернемся к тексту рассказа. Стремление уйти от постреволюционной действительности реализуется, как говорилось выше, в сюжете рассказа буквально: герой *уходит из Москвы*. Произведение с самого начала воспринимается как *путевые заметки*. Герой рассказа избирает свои, душой подсказанные маршруты, и перед читателем раскрываются панорамные картины Москвы и Подмосковья, раскрывается *другая Россия*, дорогая сердцу автора. И оказывается, что чаще всего его привлекают *сакральные места* Москвы, России — ее монастыри, старинные церкви, кладбища и — брошенные и еще не разрушенные старинные усадьбы. Как верно замечено Ю. Мальцевым, «эти очаги русской духовности показаны Буниным в удивительной гармонии и единстве с вечной русской природой, из дивного единства вырастает ослепительный образ „незапамятной и нерушимой Руси”» (Мальцев 1994: 286). В тексте скупо, но неизменно поэтично даются описания пейзажа с храмом:

Шел долго, устал. Но весна, тепло, — было очень хорошо. Увидел, наконец, древний собор, с зелеными главами, которые мужик назвал синими, а в лесу стены, древнюю башню, ворота и *храм Иосифа, нежно сиявший в небе среди голых деревьев позолотой, — в небе, которое было особенно прекрасно от кое-где стоявших в нем синих и лазурных облаков*» (Бунин 1991:166).

Небо всегда у Бунина было воплощением непререкаемого идеального начала бытия. Именно в этих фрагментах текста, посвященных Москве сакральной, тонко звучит *поэзия прозы*, обогащающая жанр произведения лирически-одухотворенным началом.

Примеры подобного рода можно умножить. Поэтизация красоты монастырских обычаев передается лейтмотивно. «Когда я уходил, — пишет автор о своем посещении одного из древних монастырей в маленьком городке, — колокола били часы. Колокола здесь есть шестнадцатого века. Среди этой северной ночи их серебристая, певучая дрожащая игра над монастырским садом и городом очаровательна. Особенно поздней ночью, когда все спит. Ночь же здесь прозрачная, бледная. Что-то бледно-лимонное, тонкое освещает небо» (Бунин 1991:172).

Глубокий интерес Бунина к русским древностям известен. Начиная с юных лет, в рассказах 1890-х годов он писал и об эпохе князя Игоря, и о посещении Святогорского монастыря на Донце, и сплавлился с мужиками по Днепру (рассказы *Казацким ходом, Святые горы* и др.). Так и здесь: «Прошлое воскресенье, — признается рассказчик, — провел в Троицкой лавре. — Облазил все стены, башни, подземелья» (Бунин 1991:170). Для чего это нужно герою? Это становится понятно из концовки эпизода, когда после грустно-скептического описания равнодушного крестьянского люда у открытой раки Святого возникает зарисовка: «Бодро и деловито прошли среди этой орды два рослых монаха: один здоровый мужик в гимнастерке и грубых сапогах, другой — круглолицый красавец Алеша Попович с шелковистой каштановой бородкой, с темно-синими... глазами. Все еще Русь. Русь. Но уже на исходе, на исходе» (Бунин 1991:170). Герой спешит, пока еще можно, приобщиться к этой *древней Руси*, таящей столько духовных ценностей в своих недрах! И эта немеркнущая духовная красота былой России внушает автору, несмотря ни на что, надежду и веру.

Так, в отдельную главку, состоящую из одного абзаца, выделен эпизод о посещении героем Данилова монастыря в Москве. «Когда уходил, ударил большой колокол. Вот звук! *Золотой, глухой, подземный...*» (Бунин 1991:160). Подойдя к могиле Гоголя, он увидел «грустный» огонек неугасимой лампы на ней и поразился, что за ней кто-то еще ухаживает в такие годы. Стоящие у могилы старичок и старушка, «старомодные на редкость», ответили: «Монахи. А вы думаете, что все погубило? Нет еще...» (Бунин 1991: 160). Впечатление от колокольного звона, выраженное экспрессивно-ярко: «*Золотой подземный гул*» — становится здесь у Бунина символом неумирающей прекрасной традиции христианского миропонимания.

Подобный мотив звучит и в других главках *Записей...*, к примеру, там, где герой вспоминает свою поездку в Макарьевский монастырь на Волге, где монахи жили тем, что перевозили на пароме чудотворный образ по приволжским городам: «Я, когда плыл к монастырю, как раз встретил этот паром. Он шел еще медленнее нашей лодки, в глубоком молчании. Золотые хоругви, белый престол с образом, белые балахоны возцов и черные ризы сопровождающих образ. *Все фигуры — и белые, и черные — в сажень ростом, великаны...*» (Бунин 1991:168). На этих «великанов» — и обликом, и духом — и была, очевидно, надежда на возрождение в будущем национальной духовности.

И еще один очень «бунинский» мотив обнаруживается в *Записях...*: знакомая по *Антоновским яблокам* ностальгическая интонация сожаления о скором исчезновении дворянской культуры. Но если в 1900-м году это звучало мощным пророческим предупреждением, то теперь, спустя почти двадцать лет, когда пророчество это, увы, сбылось, Бунин, так же восхищаясь ее красотой и духовностью, теперь воспринимает ее как невероятно давнее прошлое.

Как раз заключительная главка произведения и начинается со слов: «И еще одно старинное место» (Бунин 1991:176). Это «и еще» долженствует вызвать мысль о множестве таких мест в России, но другая «задача» этого словесного оборота,

полагаем, в том, чтобы провести мысль о неоконченном пути автора (ведь на этом записки обрываются), и о непрерывности *красоты старины*, несмотря ни на что.

Здесь Бунин явно с аллюзией на *Антоновские яблоки*, — очевидно, понимая значимость такого «повтора», — вновь выражает свое восхищение красотой и одухотворенностью лиц на семейных портретах и книжными сокровищами, таившимися в огромных «шкапах»: «А комната такая, что, кажется, так и остался бы в ней навеки» — и завораживающую «вписанность» тихой усадьбы в природную жизнь («...а за широкими полукруглыми окнами — безбрежные серебристые леса...») (Бунин 1991:176). Но самое главное в этом заключительном фрагменте записок вынесено в самый финал: «Потом смотрел другие книги: откуда и в них, и в самый расцвет благосостояния, таких тонких и сильных вкусов к жизни, эти вечные стремления „к Богу и вечности”, эти горестно-возвышенные упреки земле и человеку?»

Почто, о человек! Стремись
Всегда за счастьем земным?
Неужели ты надеждой льстишься
Вовеки наслаждаться им?» (Бунин 1991:167).

Так смолоду вобранное в себя христианское мировосприятие помогало Бунину понять и мудрость пращуров, и причины народных бедствий, угадывающихся писателем именно в духовном обнищании многих его современников.

Обобщая наблюдения над проявляющимися в тексте Бунина чертами жанрового синтеза, вновь отметим их обусловленность неореалистическим художественным сознанием писателя: интенсивность художественно-образительных средств была такова, что скромный рассказ об одном событии в жизни рассказчика, к тому же фрагментарно скомпонованный, оказался монолитно-цельным, скрепленным подтекстово-ассоциативными лейтмотивными связями, аллюзиями на сакральную русскую древность, ее поэтизацию, доверительной интонацией записок, с надеждой обращенной к читателю. Пожалуй, самым заметным отличием внешнего облика *Записок неизвестного* у Бунина становится его соотносимость с древним жанром «хожений», столь любимом на Руси. «Хождение ко святыням», богомолье было неотъемлемой частью жизни русского народа. И в лихие годы разрушения этих вековых традиций Бунину было важно напомнить, тонко высветить аксиологическую значимость этой традиции.

Возвращаясь к теме концептуальных созвучий между двумя произведениями разных авторов, подведем некоторые итоги. Каждому из них было свойственно неприятие новой России 1920-х годов, стремление вырваться из этого «профанного» для них пространства в пространство «сакральное». Для Осоргина — это, как уже говорилось, — мир, воспринимаемый сквозь *вечность прекрасного*, в его различных проявлениях; для Бунина характерно сходное восприятие, но доминировала в нем притяженность именно к подлинно *сакральному* началу русской жизни, ее христианским ценностям.

Художественное мышление обоих художников носило черты неореализма, возможности которого оказались столь велики, что благодаря ему стало возможным создать образцы жанрового синтеза, обнаруживаемого не только в сфере внешне заметных проявлений взаимодействия различных жанров, но, что самое важное, в сфере поэтики, ориентированной на процессы глубинного поэтологического синтеза, в итоге пронизывающего все сферы образного отражения действительности в произведении.

И тогда становится понятно, почему даже небольшие, периферийные произведения в огромном своде творений обоих авторов занимают свое весьма значимое место. Выявляется следующий феномен: скромным произведениям больших писателей тоже присуще оказывать на читателя воздействие, по силе своей не уступающее известным их книгам, ибо и они вбирают в себя огромный космос исторического и духовного национального бытия. Они тоже свидетельство того, что для писателей «пребывание на чужбине, — как верно отмечено Б. Кодзисом, — приобретало характер миссии, которая заключалась в том, чтобы сохранить национальное самосознание» (Кодзис 2002: 15). Ибо такого рода произведения, как представленные выше, обладают высочайшим потенциалом аксиологических установок и выведением «сиюминутного» материала о «текущей жизни» на уровень онтологических обобщений. Важно подчеркнуть и следующее. Поскольку речь идет о художественном творчестве, то сам «факт трансляции через века и тысячелетия знаний, сохраняющих свою онтологическую суть в разные эпохи, однако остается по-прежнему некой внутренней тайной искусства слова» (Кузьмина 2004: 117). Приобщение же к тайне такого рода в созданных выдающимися писателями русской эмиграции произведениях неопределимо для читателя.

Библиография:

- Анисимова М.С., 2004, *Чистота и ясность созерцания (Роман М. Осоргина «Времена»)*, — Анисимова М.С., Захарова В.Т., *Мифологема «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе русского зарубежья*, Нижний Новгород, с. 128-150.
- Бунин И.А., 1991, *Из записей неизвестного*, — *Окаянные дни: Неизвестный Бунин*, сост., предисл. О. Михайлова, том 10, книга 2, Москва.
- Васильева Т.В., 2011, *Жанровый синтез в русской классической прозе конца XIX – начала XX вв.*: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- Дядичев В.Н., 1999, *Свидетель истории*, — Осоргин М.А., *Сивцев Вражек*, сост. и прим. В.Н. Дядичева и А.С. Иванова, предисл. В.Н. Дядичева, Москва.
- Захарова В.Т., 2013, *Проза И.А. Бунина: аспекты поэтики*: монография, Нижний Новгород.
- Захарова В.Т., Комышкова Т.П., 2014, *Неореализм в русской прозе XX века: типология художественного сознания в аспекте исторической поэтики*: учебное издание, Нижний Новгород.
- Игонина Н.А., 2011, *Способы лиризации в малых жанрах русской классической прозы*:

- диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- Капинос Е.В., 2014, *Формы и функции лиризма в прозе И.А. Бунина 1920-х годов*: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва.
- Кириченко М.В., 2005, *Жанровая морфология прозы И.А. Бунина*: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- Кодзис Б., 2002, *Литературные центры русского зарубежья 1918-1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание*, Мюнхен.
- Колтоновская Е., 1912, *Критические этюды*, Москва.
- Кузьмина С., 2004, *Русская литературная традиция и онтологическая поэтика в системе реализма и модернизма*, — *Problemy współczesnej komparatystyki*, tom 2, Poznań.
- Леонтьев К., 1912, *О романах гр. Л.Н. Толстого. Анализ, стиль и влияние*, — *Собрание сочинений*, в 9 т., т.8, Москва.
- Мальцев Ю., 1994, *Иван Бунин*, Москва, Франкфурт-на-Майне.
- Ничипоров И.Б., 2003, *Поэзия темна, в словах не выразиима... Творчество И.А. Бунина и модернизм*, Москва.
- Осоргин М.А., 1999, *Из маленького домика*, — *Сивцев Вражек*, сост. и прим. В.Н. Дядичева и А.С. Иванова, предисл. В.Н. Дядичева, Москва.
- Слоним М., 1942, *Осоргин-писатель*, — «Новое русское слово», 20 дек. (цитируется по: Ласунский О.Г., 1994, *Михаил Осоргин: структура, качество и эволюция таланта*, — *Михаил Осоргин. Страницы жизни и творчества*, Пермь, с. 12.
- Смирнова Л.А., 2001, *Русская литература конца XIX – начала XX века*: учебник для студентов педагогических институтов и университетов, Москва.
- Страда В., 1995, *Антон Чехов*, — *История русской литературы. XX век. Серебряный век*, под ред. Жоржа Нива, Москва.
- Тамарченко Н.Д., 2007, *Русская повесть Серебряного века (Проблемы поэтики, сюжета и жанра)*, Тула.
- Тузков С.А., 2012, *Русская повесть начала XX века. Жанрово-типологический аспект*: учебное пособие, Москва.
- Урвилов В., 2010, *Поэтика композиции романов о революции 20-х гг. XX в. («В тупике» В.В. Вересаева, «Сивцев Вражек» М.А. Осоргина, «Мирская чаша» М.М. Пришвина)*: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Нижний Новгород.

Олег Иванович Федотов,
(Московский институт открытого образования, Москва, Россия)
Антонина Олеговна Шелемова
(Российский университет дружбы народов, Москва, Россия)

Окровавленная Россия с «другого берега»: двоимирие в эпопее Ивана Шмелева *Солнце мёртвых*¹

The blood-stained Russia “from other coast”: double-world in Ivan Shmelyov’s epic *The Sun of the dead*

Резюме: В статье рассматривается парадоксальное использование Шмелевым традиционного сравнения войны с «кровавым пиром» в его эпопее *Солнце мертвых*. Параллельно анализируются четыре основных тематических мотива, сопутствующих доминирующей метафоре: «мастера крови», «кровавое уедие» (пожива), «растрелянная бутылка» и «вошь-кровопийца», создающие в совокупности обобщённый образ окровавленной России. Авторы приходят к выводу, что это потрясающее произведение, написанное Шмелевым в Париже как кровоточащее воспоминание о чудовищных перипетиях лично пережитого им красного террора в Крыму, не утратило своей злободневности и в наши дни.

Ключевые слова: Иван Шмелев, роман-эпопея *Солнце мертвых*, кровавый пир, муки голода, террор, злободневность.

Summary: In article paradoxical use of traditional comparison of war by Shmelyov with "a bloody feast" in its epic the Sun of the dead is considered. Four main thematic motives accompanying the dominating metaphor are in parallel analyzed: "masters of blood", "bloody gain", "the shot bottle" and the "louse blood-sucker" creating in total a generalized image of the blood-stained Russia. Authors come to a conclusion that this tremendous work written by Shmelyov in Paris as the bleeding reminiscence of terrible peripetias of the red terror which is personally endured by it in the Crimea didn't lose the topical character and today.

Keywords: Ivan Shmelev's epic novel *The sun of the dead*, blood feast, the pangs of hunger, terror, vibrant.

Пути и перепутья ищущей творческой мысли, как и Промысел Божий, неисповедимы. Так случилось со знаменитой эпопеей Ивана Шмелева *Солнце мертвых*. Признаний об истории создания прославившего его произведения писатель не оставил. Остается только догадываться, что самые первые творческие импульсы пришли к нему вместе с накоплением соответствующего жизненного материала. В 1918 г. он покинул Москву и вместе с женой уехал в Алушту по приглашению Николая Сергеева-Ценского, неподалеку от усадьбы которого купил скромный домик в надежде переждать надвигающиеся невзгоды. Чуть позже к ним присоединился их

---

¹ В статье использованы некоторые положения ранней методической статьи А.О. Шелемовой, посвященной сравнительному анализу «Слова о полку Игореве» и «Солнца мертвых» (См.: <http://lit.lseptember.ru/article.php?ID=200600115>). В данной публикации они воспроизводятся в исправленном и дополненном виде.

единственный и горячо любимый сын Сергей, заболевший туберкулезом и демобилизовавшийся с фронта. Крым в ту пору находился под властью немцев. Затем последовала чехарда смены властей (за гражданскую войну в Крыму сменилось 6 правительств). Некоторое время сын служил в местной комендатуре. Затем он был арестован красными прямо в госпитале и предположительно в январе 1921 года расстрелян в Феодосии. К кому только не обращался Иван Сергеевич, чтобы узнать о судьбе сына и как-то смягчить его участь. В этих хлопотах ему с женой пришлось пережить кошмарный голод в богатейшем курортном краю и неслыханный бесчеловечный террор. Потеряв надежду спасти сына, мучимые гнетущей неизвестностью Шмелевы вернулись в Москву, а затем в ноябре 1922 года эмигрировали в Берлин. Еще позже, через два месяца, постоянным местом их жительства становится Париж. Именно там и было написано *Солнце мертвых*, впервые опубликованное в эмигрантском сборнике *Окно* в 1923 г. Через год произведение вышло отдельной книгой и почти сразу же было переведено на несколько европейских языков.

Таким образом, толчком к написанию произведения стали страшные, поистине катастрофические события, которые Шмелев пережил с семьей сам, однако свое личное горе писатель-христианин и патриот переплавил в национальную трагедию. В *Солнце мертвых* драматизм политического кризиса России преломляется через личную трагедию героя, развертывающуюся на фоне грандиозных общественных перемен в России второго десятилетия XX века. Государственные катаклизмы порождали политический кризис, экономический упадок, гибельную разруху. Победителям был уготован сытный «кровавый пир», побежденным — страх, голод, смерть. Солнце, долженствующее даровать людям свет, взирает на разверзшуюся черной пустотой землю — это **солнце мертвых**²: «Унылы, жутки мертвые крики жизни опустошенной... Нехорошо их слышать. Темные силы в душу они приводят — черную пустоту и смерть. Звери от них тоскуют и начинают кричать, а люди... Их слышать страшно» (Шмелев 1992: 205).

Иносказание войны как крошечного «кровавого пира» является одним из самых репрезентативных поэтических тропов в мировой художественной баталистке с античных времен. Шмелев использует его творчески. В лейтмотиве «кровавого пира» наиболее колоритно воплощена политическая коллизия, изображенная автором *Солнца мертвых*.

Используя принцип ассоциативной изобразительности, Шмелев создает развернутую панорамную картину «кровавого пиршества». Виноградники — основное богатство Крыма — разорены, винные погреба — пусты, «земля родная кровью святой» полита. Шумит в Крыму пьяная «ярмарка человеческой крови». «В белых домиках — пусто, а по лесистым взгорьям разметаны человеческие жизни... Знаю, что земля напиталась кровью, и вино выйдет терпким и не даст радостного забытья» (Шмелев 1992: 14). Интерпретация мотива представлена, по крайней мере, четырьмя ярко выраженными тематическими рубриками.

1. «Мастера крови»

---

² Подробнее о генезисе и страшной символике заголовка эпопеи (см.: Федотов 2013)

Всякий раз удивляет, насколько гениальны в своей простоте концептуальные мысли творческой личности. Еще оставшийся безмянным древнерусский автор *Слова о полку Игореве* в своем повествовании о междоусобных войнах на Руси, по сути, той же гражданской войны, одной незатейливой житейской фразой обозначил самую суть психологии человека, обуреваемого желанием стать «хозяином жизни»: «Се мое, а то мое же». Шмелев этот моральный (а, точнее, аморальный) постулат осмыслил как основополагающий «принцип мастеров крови» (Шмелев 1992: 126). Ошалевшие от вседозволенности, опьяненные властью, новые «вершители судеб» считают себя вправе распоряжаться не только собственностью, но и жизнью людей:

...это мое, и то мое же», и коль не отдашь добровольно — силой возьмут; силы не испугаешься — жизнь отнимут. Такое «подошло время. Пришли в городок люди, что убивать ходят. Убивали-пили. Плясали и пели для них артистки. Скучно!

— Подать женщин, веселых, поигристей!

Подали себя женщины: врачи, артистки.

— Подать... кро-ви!

Подали и крови. Сколько угодно крови! (Шмелев 1992: 39).

Кто они такие, те, «что убивать ходят», кому «понадобилось все обратить в пустыню, залить кровью»? Шмелев создает многоплановый собирательный образ новых хозяев жизни — «толпы российской крови, захмелевшей, дикой» (Шмелев, 1992: 126). Только человек, переживший зверства кровавого насилия, с кипящим в груди яростным негодованием и сердцем, израненным болью, мог так реалистически-сурово и вместе с тем эмоционально-темпераментно выразить реальную правду гражданской войны. Гневным пафосом наполнено его воззвание к «ослепшей» и «оглохшей» Европе:

«Смотри, Европа! Везут товары на кораблях, товары из стран нездешних: чаши из черепов человеческих — пирам веселье, человечесьи кости — игрокам на счастье.... Скупай, Европа! Шумит пьяная ярмарка человечесьей крови... чужой крови... Слышит ли голос... пустых полей, шорох кровавых подземелий? Это же вздохи тех, что и тебя когда-то спасали, прозрачная башня Эйфеля!» (Шмелев 1992: 29-30).

Из пирующей «толпы» в повествовании выделяются конкретные индивиды, «что убивать ходят». Обозначим среди них две фигуры, весьма колоритно выписанные Шмелевым. Первый фигурант появляется как бы на подступах к раскрытию образа. Это старьевщик, личность маргинальная, еще не вкусившая напрямую «от пирога» победителей, но живую душу уже готовая уничтожить: «Я надеваю тряпье... Старьевщик посмеется над ним, в мешок запахает. Что понимают старьевщики! Они живую душу крючком зацепят, чтобы выменять на гроши. Из человеческих костей наварят клею — для будущего, из крови настряпают «кубиков» для бульона. Раздолье теперь старьевщикам, обновителям жизни!» (Шмелев 1992: 12).

Другой персонаж — образ, можно сказать, кульминационный в раскрытии темы, воистину непревзойденный «мастер крови» — Шура-Сокол: «Кто-то верховой едет... Кто такой?.. Подымается из-за бугра к нам на горку... А, мелкозубый этот!.. Музыкант Шура. Как он себя именует — «Шура-Сокол». Какая фамилия-то лихая! А я знаю, что мелкий стервятник это» (Шмелев 1992: 38).

В обрисовке персонажа Шмелев реактуализирует издревле традиционный и в фольклорной, и в книжной поэтике прием сравнения человека с представителем животного или пернатого мира. Как известно, соколы былинного, сказочного, песенного творчества — это всегда птицы своего мира; с соколами сравниваются русские богатыри, витязи, князья (например, в былине *Волх Всеславьевич* герой «обвернется ясным соколом / Полетел он далече на сине море, /А бьет он гусей, белых лебедей,/ А и серым малым уткам спуску нет.» ...» (*Древние российские стихотворения*); в *Слове о полку Игореве* древний автор интенсивно подключал «соколиную» метафористику для индивидуально-личностной характеристики русских князей: «О, далече зайде сокол, птиць бья, — к морю »; «Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата» (*Слово о полку Игореве* 1990: 55, 57). Антагонистами соколов выступали вороны, орлы, галки — птицы, в реальной среде сообразно их естественным повадкам питающиеся падалью, одним словом, стервятники.

В *Солнце мертвых* реализация художественной универсалии наполнена инверсионным содержательным смыслом. С полным на то основанием можно говорить о наличии сугубо шмелевской индивидуально-творческой версии «орнитологического» иносказания. Выворачивая традиционную метафору наизнанку, писатель отрицает «соколиное самозванство» Шуры: он не свой, он даже **не человек**:

«Кто сотворил стервятника? В который день, Господи, Ты сотворил его? Дал ему образ подобия Твоего... И почему он Сокол, когда и не Шура даже?!.. Крикнул весело, потряхивая локтями:

— Бог труды любит!

Порой и стервятники говорят о Боге!

Вот почему я кроюсь: я слышу, как от стервятника пахнет кровью» (Шмелев, 1992: 38).

Спешат стервятники — «мастера крови» — на сытное «уедие»...

2. Кровавое «уедие».

Всякая литературная ситуация, внешне повторяющая жизненную, в *Солнце мертвых* в подавляющем большинстве случаев приобретает и внутреннюю символично-аллегорическую знаковость. Так, образ Шуры-Сокола абсолютно реалистичен. Но он же выступает знаковой фигурой кровавого террора — стервятником, «кружащим» в ожидании жертвы.

Принцип комбинирования двух смыслов Шмелев использует и в сюжетных перипетиях, описывающих бытовые подробности жизни. Перед читателем проходит вереница образов, сгруппированных вокруг главного героя: девочка Ляля, соседка-няня, ее сын Алеша, доктор Михаил Васильевич, почтальон Дрозд и др. Вся их бытовая забота — это борьба с голодом. Внешне образы очерчены как бы пунктирно,

они разбросаны по страницам произведения — будто растворены в зыбком пространстве и времени. Необычно в повествовании то, что более детально, чем люди; в ситуации борьбы с голодной смертью описаны животные и птицы. Так, действительно, колоритным анималистическим персонажем стал павлин с его «пустынным криком». Фабульно значимы и так часто упоминаемые куры. Именно они, как не бережет, не стережет и чуть ли не лелеет их хозяин — потенциальные жертвы реальных стервятников. Охраняет курочек от хищных птиц старая груша, «дуплистая и кривая, годы цветет и сохнет... все дожидается смены. Не приходит смена. А она, упрямая, ждет и ждет, наливают, цветет и сохнет. Затаиваются на ней ястреба. Любят качаться вороны в бурю» (Шмелев 1992: 14). Отпугивает диким криком хищников Ляля. «Сколько над ними дрожали, укрывали, когда ходили отбирать «излишки»... Укрыли. А теперь ястребов боятся, стервятников крылатых (Шмелев, 1992: 37). Эти же несчастные куры — возделенное «уедие» двуногих «стервятников»: «За горкой внизу живут «дяди», которые любят кушать... И курочек любят кушать! Как бы ни пришли за вами, отбирать «излишки»... А ястреба уже стерегут по балкам» (Шмелев 1992: 36). Далее в контексте сливаются в символической картине бытовая реальность и ее аллегорический эквивалент:

Теперь я хорошо знаю, как трепещут куры, как забиваются под шиповник, под стенки, затискиваются в кипарисы — стоят в дрожи, вытягивая и вбирая шейки, вздрагивая испуганными зрачками. Хорошо знаю, как люди людей боятся, — людей ли? — как тычутся головами в щели (кто: люди=куры? — *О.И., А.Ш.*). Ястребам простится: это ИХ хлеб насущный. Едим лист и дрожим перед ястребами! Крылатых стервятников пугает голос Ляли, а тех, что убивать ходят, не испугают и глаза ребенка (Шмелев 1992: 38).

Таким образом, павлин, куры из области бытописания перемещаются в сферу аллегорической изобразительности. Через анималистическую тему имплицитно выражается выразительный по своей ассоциативной насыщенности символ, обнажающий самое суть представлений Шмелева о времени тотального страха, в котором живут его герои.

Два «пира» описывает Шмелев — «пир» сытых и «пир» голодных. И оба они — «кровию поляны». Вот Шурка — «стервятник», пахнущий кровью, «когда все, как трава, прибито, раскатывает... на лошадке... Налился-то как... через край хлещет» (Шмелев 1992: 39). Резко контрастно врезается в текст инверсионный «пир» — няни-соседки: «Что же это теперь будет?... Хлеб-то сегодня... двенадцать тысяч! да и его-то нету! На базаре ни к чему не приступишься, чисто все облютели!» Не чувствует она, что скоро у нее случится, как будет варить кашу из пшеницы... с кровью!» (Шмелев, 1992: 47). Мечтает женщина о «сытном, пышном» застолье, даже снится ей отправленный в степь менять вино на сало и пшеницу сын Алеша: «Идет она по полю, а сын Алеша в белой рубахе навоз трусит. «Смотрите, — говорит, — мамаша, сала да жиру сколько!». Не идет жирный кусок матери, в глотку не лезет. Сон не к добру оказался. «Пришло худо: прислал Алеша пшеницы с кровью. Есть-то надо, промоют и отмоют. Только всего не вымоешь...» (Шмелев 1992: 225). Иное «уедие» уготовано было матери — «хлеб с кровью».

3. Расстрелянная бутылка.

В ракурсе исследуемой темы исключительно важной представляется глава *В глубокой балке*. И здесь Шмелев выстраивает парадигму символических ассоциаций, основанных на реальных событиях. Знаковый символ кровавого разгула — пустая бутылка, торчащая на верхушке могильного креста.³ Проходя по балке сквозь заросли кустов, герой среди причудливо кажущихся ему странных фигур различает реальную, кощунственно насунутую на крест, бутылку:

Вот канделябр стоит, пятисвечник, зеленой бронзы... А вот, если прищуришь глаз, забытая кем-то арфа, затиснутая в кусты, — заросшее прошлое... Рядом — старик горбатый, протягивающий руку. Кольцами подымается змея, живая совсем, когда набегает ветер. Знаки упадка, пустоты и лжи? А где-то вознесшийся черный крест, заросший,.. и в насунутое горлышко бутылки посвистывает-гудит ветер. Это матросы из Севастополя стреляли здесь в цель — в бутылку (Шмелев 1992: 106).

Герою представляется виртуальная картина кровавой вакханалии: «Я непременно увижу позеленевшую солдатскую гильзу, измятую манерку или лоскут защитного цвета, — и все, залитое кровью жизнь, ударяет меня наотмашь. Кольшется и плывет балка, текут по ней стеклянные паутины... Живут вещи в Глубокой балке, живут — кричат» (Шмелев, 1992: 107). В памяти всплывает реально имевшее место в глубокой балке событие: «Здесь когда-то — тому три года! — стояли станом оголтелые матросские орды, грянувшие брать власть. Били отсюда пушкой по деревьям татарским, покоряли покорный Крым. Пили завоеванное вино... Одуревшие от вина, мутноглазые, скуластые толстошеи били бутылки от портвейна, муската и аликанта — много стекла кругом!..» (Шмелев, 1992: 107-108). И тут же, как по пустым бутылкам, играючи, стреляли по живым людям: «Здесь расстреляли на полном солнце только что накануне вернувшегося с германского фронта больного юнкера-мальчугана, не знавшего ни о чем, утомившегося с дороги. Сволокли сонного, привели на бугор, к столбам, поставили, как бутылку, и расстреляли на приз — за краги. А потом опять пили... Пьяными глотками выли «тырционал» (Шмелев 1992: 110). Эта картина — воистину апофеоз «кровавого пира».

4. «Вошь-кровопийца».

Если предыдущие символические ассоциации являются лейтмотивными в сюжетном повествовании, то последняя представлена фрагментарно, как бы резюмируя мучительный мыслительный процесс автора *Солнца мертвых*. В монологе доктора Михаила Васильевича (глава *Сады миндальные*) фокусируется стержневая мысль всего произведения. В нем — не отрицание аморальной идеи частного индивида, возомнившего себя «право иметь» над ничтожной «тварью дрожащей» и «вошью ползучей», как то было у Достоевского. В *Солнце мертвых* словами доктора выносятся приговор всей новоявленной системе как аполитичному скопищу «вшей-кровопийц»:

---

³ Главе Крымского ревкома венгру Бела Куну принадлежат такое сравнение: «Крым — это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит».(См.: Мельгунов 1990: 66).

И какой вклад в историю... социализма! Странная вещь: теоретики, словокройщики ни одного гвоздочка для жизни не сделали, ни одной слезки человечеству не утерли, хоть на устах всегда только и заботы, что о всечеловеческом счастье, а какая кровавенькая секта! И заметьте: только что начинается, во вкус входит! с земным-то богом! Главное — успокоили человек: от обезьяны — и получай мандат! Всякая вошь дерзай смело и безоглядно. Вот оно, Великое Воскресенье... вши! Нет, какова «кривая»-то!? победная-то кривая!? От обезьяны, от крови, от помойки — к высотам, к Богу-Духу... и проникновению космоса чудеснейшим Смыслом и Богом-Слово, и... нисхождение, как с горы на салазках, ко вши, кровью кормящейся и... с дерзновением ползущей!.. Впилась вошь в загривок, сосет-питается — разве ей чего страшно?.. Дерзание вши бунтующей, пустоту в небесах кровавыми глазками узревшей! (Шмелев, 1992: 75-77).

Гражданскую войну в России во взгляде на события кровавого террора «с другого берега» Шмелев охарактеризовал весьма колоритно: «Мы т е п е р ь можем создать новую философию **реальной ирреальности!** новую религию «небытия помойного», когда кошмары переходят в действительность...» (Шмелев 1992: 77). Гражданскую войну герой *Солнца мертвых* воспринимает именно как «реальную ирреальность»:

Я сижу на пороге своей мазанки, гляжу на море. И тишина, и зной... Я могу часами сидеть, не думать... Красные клочья вижу в себе и внутренними глазами – содом жизни...

Но вот рождается тонкий и нежный звук... Если схватить его чуткой мыслью, он приведет с собой другой, еще, еще... — и в охватывающей дремоте они покроют собой все гулы, и я услышу оркестр... Теперь я знаю музыку снов не снов, понятны мне «райские голоса» пустынников — небесные инструменты, на которых играют ангелы... Поет и поет неведомая гармония... Сбил ее в горах выстрел – поймал кого-то? И вот – кровавые клочья, и вот они – действующие сей жизни: стонущие, ревущие... Ах, какой был чудесный оркестр — жизнь наша! какую играл симфонию! А капельмейстером была — мудрая Жизнь-Хозяйка. Пели свое, чудесное, эти камни, камни домов, дворцов, — как орут теперь дырявыми глотками по дорогам!.. Пели сады, смеялись мириадами сладких глаз. Виноградники набирали грезы, пьянели землей и солнцем... И вот — сбился оркестр чудесный, спутались его инструменты ... (Шмелев 1992: 118-119).

И даже чудо Откровения в конфликтных коллизиях этой «реальной ирреальности» обречено захлебнуться в разгуле «кровавого пира»: «Чу-де-са... Чудеса могут быть... От...кровение! А почему – от...кровение?! От... крови!» (Шмелев 1992: 123). Если такая кровь, такие будут и чудеса.

Благодаря чему произведение Шмелева стало одним из сильнейших в мировой

литературе? Прежде всего потому, что оно было написано, что называется, кровью раненого навывлет сердца. Каждый эпизод, каждая глава досконально, шаг за шагом прочувствованы, выстраданы писателем, на глазах которого свершалось одно из мрачных пророчеств Иоанна Богослова об Апокалипсисе, рушилась веками воздвигаемая цивилизация, варварски попирались лежащая в ее основе божественная гармония, законы разумного человеческого общежития.

Солнце мертвых Шмелева потрясло всю Европу. «Читайте, если у вас хватит смелости» — отозвался о произведении Томас Манн. Вполне возможно, эпопею еще успел прочитать в переводе Анатолий Франс, автор романа *Боги жаждут*, рассказавший о том, как революция неизбежно и неотвратно пожирает своих детей. Мысленно перенесшись в цивилизованную Европу, прежде чем оказаться там на самом деле, Шмелев время от времени непосредственно обращался к ней с косвенным обвинением: не она ли, в самом деле, привела мир к закату солнца, к кошунственному отказу от Бога, с гневом отвернувшегося от мира людей? Показательно в этом смысле, что Париж, где, собственно, писалось *Солнце мертвых*, значится среди символов потусторонней, «нездешней» жизни: «Странно..., когда я сижу так, ранним утром, в балке и слышу, как гремит самоварная труба, я вспоминаю о Париже, в котором никогда не был. В этой балке, и — о Париже! **Это на каком-то другом свете...** И есть ли этот Париж? Не исчез ли он из жизни? (Шмелев 1992: 29).

В действительности, однако, дело обстоит ровным счетом наоборот: Париж остается в жизни, а окружающий автора мир неотвратно погружается в смерть. В главе *В глубокой балке* автор не выдерживает и обращается к «славным европейцам», людям не от мира сего, то есть, к благоденствующим обитателям Парижа с прямым публицистическим укором:

Охраняемые Законом, за богатыми письменными столами, с которых никто не сбросит портреты дорогих лиц, на которых солидно покоятся начатые работы, с приятным волнением читаете вы о «величайшем из опытов» — мировой перекройке жизни. Повторяете подмывающие слова, заставляющие горделиво биться уставшее от покоя сердце, эти громкие побрякушки, титанические порывы духа, гигантское обновление жизни, стихийные взрывы народных сил, величайшие устремления осознавшего свою мощь гиганта-пролетариата... кучу гремучих слов, проданных за пятак беспардонно-беспутным строкописцам.

Тоскующие по взлетам, вы рукоплещете и готовы послать привет. Вы даете почетные интервью, восхищаясь и одобряя, извиняя великодушно частности, обязательно повторяя, что не ошибется только тот, кто... Ну, понятно. Ваши громкие имена, меченные счастливым роком, говорят всему миру, что все в порядке вещей. Благоклонные речи ваши наполняют сердца дерзателей, выдают им похвальный лист.

Не велика колокольня ваша: с нее не видно.

Хорошо наблюдать грандиозный пожар с горы, бурю на океане — с берега. Величавое зрелище (Шмелев 1992: 108-109).

Прав был Шмелев. Среди этих громких имен отметились Ромен Роллан, Анри Барбюс, Герберт Уэллс и многие другие властители умов, разочаровавшиеся в своих иллюзиях, когда уже было слишком поздно. Прав был он и в исторической перспективе. Гениальное произведение русского писателя-эмигранта, представившее его взгляд на гражданскую войну с «другого берега», актуально будет до тех пор, пока «кровавое пиршество» войны не осудит человеческий разум.

Литература:

- Волхв Всеславич*, в: Древние российские стихотворения <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st002.shtml> [31.05.2015]
- Мельгунов С., 1990, *Красный террор в России 1918-1923*, Москва.
- Слово о полку Игореве*, 1990, Ленинград: Советский писатель, Ленинградское отделение.
- Федотов О., 2013, *Черное солнце Ивана Шмелева*, «Вестник Московского университета. Серия филологическая 9», № 4, с. 93-109.
- Шмелев И., 1992, *Солнце мертвых*, в: Шмелев И., Ремизов А., Зайцев Б., *С того берега*, Москва, С. 9-247.

Grzegorz Ojcewicz
(Szczytno, Polska)

Psalm *Pochwała pracy* św. matki Marii z Paryża (Jelizawiey Skobcowej) jako koncepcja duchowego rozwoju człowieka

The psalm *The praise of work* by Saint Maria of Paris (Elizaveta Skobtsova) as a conception of the spiritual development of a man

Streszczenie: W niniejszym artykule autor poddaje analizie psalm św. matki Marii z Paryża (Jelizawiey Skobcowej) *Pochwała pracy*. Jego zdaniem, utwór ten zawiera bardzo czytelną koncepcję duchowego rozwoju człowieka, dla której matka Maria znajduje analogię w biblijnych losach prarodziców Adama i Ewy. Matka Maria przekonuje, że praca człowieka z Panem Jezusem w duszy i dla samego Chrystusa przez bezwarunkową miłość bliźniego i ciężki wysiłek duchowy oraz ponadludzki niekiedy trud fizyczny, stanowi jedyną drogę wiodącą do Nieba. Wysiłek ten musi się łączyć z natchnieniem, lekkością ducha, ze szczerym zaangażowaniem, z doskonałą miłością. Człowiek przez swoje codzienne działania zdobył wielką szansę na współuczestniczenie w budowie Bożego Domu, Kościoła, i dlatego, uważa matka Maria, ludzki wysiłek nie ma znamion przekleństwa, lecz nobilitacji, ponieważ wiąże się z tworzeniem rzeczy pięknych i uświęconych pod czujnym okiem Stwórcy.

Słowa kluczowe: matka Maria (Skobcowa), psalm, rozwój duchowy, wygnanie z raju.

Summary: The author of the following article analyses the psalm *The praise of work* written by Saint Mother Maria of Paris (Elizaveta Skobtsova). According to the scholar, the poem contains a clearly visible conception of the spiritual development of a man, for which Mother Maria finds analogy in the biblical fates of the ancestors, Adam and Eve. Mother Maria reasons that the man's work with Christ in the soul and for Christ himself through unconditional love for the neighbour, through spiritual struggle and oftentimes exceptional physical fatigue is the only way leading to Heaven. Such effort must go hand in hand with inspiration, lightness of spirit, true engagement and pure love. People through their everyday struggle have been given a great chance to participate in the process of building the House of the Lord, the Church. Thus, as Mother Maria states, the human effort does not show the signs of profanity but rather elevation, as it is involves creating things which are beautiful and hallowed by the Maker.

Key words: Mother Maria (Skobtsova), psalm, spiritual development, the banishment from Paradise.

Problem duchowego rozwoju istoty ludzkiej jest stary jak świat. Twórcy każdej epoki usiłowali zabrać głos na temat kondycji człowieka i jego intymnych relacji ze Stwórcą. W tym czasie, kiedy stawiano na oświecenie umysłów, proponowano ponadto określoną dydaktykę i realizację celów, mających za zadanie moralną naprawę pojedynczego obywatela oraz całych społeczeństw. W różnych okresach po swojemu podchodzono w sferze literackiej do kwestii kształtowania się duchowych biografii ludzi, eksponując pewne gatunki literackie, a z innych świadomie — przynajmniej na jakiś czas — rezygnując.

Psalm jako pieśń pochwalna ma bardzo długą tradycję literacką, sięgającą jeszcze XI wieku przed naszą erą. Sto pięćdziesiąt hebrajskich pieśni modlitewno-hymnicznych zebrano w postaci *Księgi Psalmów*, która stanowi część *Starego Testamentu*. W swym zasadniczym korpusie psalmy starotestamentowe sławiły Jahwe, zawierały dziękczynienie za Jego pomoc i opiekę, opiewały patriotyczne zrywy narodu żydowskiego, dotyczyły spraw królewskich i profetycznych oraz czciły śpiewem zmarłych (por. *Podręczny słownik...* 2002: 252–253). Wraz z nastaniem chrześcijaństwa psalmy weszły do liturgii, o czym przesądziły zapewne nie tylko ich walory formalne i tematyczne, lecz także cechy stylistyczne, w których hymniczność naturalnie łączyła się z podniosłością, niezwykłością i uroczyością religijnego przekazu. Nic więc dziwnego, że weszły one do nabożeństw objętych mianem „Officium Divinum”, że śpiewano je podczas jutrzni, nieszporów, a także nabożeństwa zamykającego dzień, czyli w trakcie komplety. Cykliczność wykonywania psalmów mogła zarazem podkreślać znaczenie harmonii w porządku świata ustanowionym przez Stwórcę.

Sytuacja psalmu jako gatunku pochwalnego zmieniała się z biegiem czasu. Po okresie dominacji w Kościele psalmów poświęconych Jahwe, psalmów błagalnych, dziękczynnych, królewskich czy syjońskich, co było typowe dla średniowiecza, nadeszła pora związana nie tylko z kontynuowaniem pierwotnego charakteru tegoż gatunku, lecz także z nastawieniem bardziej refleksyjnym, do czego współcześnie pobudzała zarówno powojenna rzeczywistość po 1945 roku, jak również gwałtowne zmiany społeczno-religijne w państwach o nowym układzie ustrojowym, zdominowanym przez politykę Kremla. Jak zauważył Jerzy Ziomek, „do najistotniejszych cech gatunkowych form psalmicznych należy kreacja podmiotu — poety i przywódcy narodu, jednostki współodpowiedzialnej za losy społeczeństwa, zarazem jednak powołanej do tego, by pouczać i karcić” (*Słownik rodzajów...* 2006: 620). To spostrzeżenie poznańskiego badacza najbardziej jednak odnosi się, według mnie, do psalmów klasycznych, najstarszych, starotestamentowych, ponieważ wiek dwudziesty przyniósł określone i ważne zmiany w poetyce oraz odbiorze psalmu. Co prawda, w poezji dwudziestowiecznej utwory wciąż zawierają w swoich tytułach informację o danym gatunku, lecz najczęściej nie jest już ona okazją do zastanawiania się nad sprawami transcendentnymi. Poeci ubiegłego wieku, zapewne pod wpływem niepokojów historii, świadomie odeszli od biblijnego wzorca pieśni pochwalnej, jej adoracyjnego klimatu, na rzecz skargi „jednostki uwikłanej w groźbę Historii” (*Słownik rodzajów...* 2006: 621), jak chociażby w znanym utworze Krzysztofa Kamila Baczyńskiego *Psalm 3. O lasce* (1941).

Psalm *Pochwała pracy (Похвала тpyду)* ukazał się drukiem po raz pierwszy w powojennym tomie emigracyjnym *Matka Maria. Wiersze, poematy, misteria... (Мать Мария. Стихотворения, поэмы, мистерии...)* w Paryżu w 1947 roku¹. Jego autorka, prawosławna mniszka matka Maria (Jelizawieży Pilenko, Jelizawieży Kuźmina-Karawajewa, Jelizawieży Skobcowa, 1891–1945) z paryskiej ulicy Lourmel 77, nie doczekała jednak publikacji swego tak ważnego koncepcyjnie utworu, traktującego o stałej konieczności rozwoju duchowego człowieka, ponieważ jako więźniarka nr 19263 została zagazowana

---

¹ Przekład został opublikowany na stronie Kseni Kriwoszeiny w 2014 roku: *Matka Maria, Pochwała pracy. Psalm*, tłum. G. Ojcewicz, <http://mere-marie.com/creation/psalom-pohvala-trudu-v-perevode-na-polskiy/>.

w niemieckim obozie koncentracyjnym w Ravensbrück w Wielką Sobotę 31 marca 1945 roku, w wigilię wyzwolenia obozu przez aliantów².

Sądzę, że wybór psalmu jako gatunku najwłaściwszego, zdaniem matki Marii, do przekazania własnej koncepcji rozwoju duchowego człowieka — nie był przypadkowy. Nabyte przez dziesięciolecia doświadczenie literackie — poetyckie, prozatorskie i dramaturgiczne — oraz zdobyte jeszcze przed rewolucją październikową w Petersburgu solidne wyższe wykształcenie teologiczne musiały w decydującej mierze ukierunkować decyzję mniszki o sposobie wyrażenia myśli na temat roli i sensu trudnej pracy nad sobą w zdecydowanym i radosnym dążeniu chrześcijanina do Boga przez naśladowanie Jezusa Chrystusa i Jego doskonale umiłowanie bliźniego³.

Psalm *Pochwała pracy* nie ma ścisłego datowania. Z uwagi jednak na tematykę i etap w ewolucji poglądów matki Marii na kwestię teologii pracy, można przyjąć, że sięga on korzeniami do pierwszej połowy lat czterdziestych XX wieku, okresu gwałtownego osobniczego buntu i naporu, który przypadł na pięciolecie 1931–1935. Wtedy to przecież Jelizawieta Skobcowa podjęła ostateczną decyzję o wstąpieniu do zakonu (16 marca 1932). Sam tekst mógł być ukończony w 1941 roku, gdy rosyjska mniszka miała pięćdziesiąt lat. W samym utworze znajdujemy bowiem następujące słowa poetki, mogące mieć bezpośredni związek z jej biografią: *Полвека я могла искать, Все испытать, все пробовать полвека...* (Кузьмина-Караваева Е. Мать Мария 2001: 264).

Utwór matki Marii wtapia się w trendy literackie, które ujawniły się z całą wyrazistością już w modernizmie i dojrzewały w czasie drugiej wojny światowej. Twórcy modernizmu lubili prowokacje intelektualne, tematyczne i formalne, co znajdowało wyraz w rewidowaniu kanonów przeszłości. Na przykład Tadeusz Nowak — już po wojnie — uwikłał w etos codzienności małą transcendencję (*Psalmy na użytek domowy*, 1959), a Aleksander Wat zweryfikował teologiczne ustalenia psalmiczne (*Do Psalmów*, 1964). Matka Maria zabrała głos przed nimi, w jeszcze trudniejszym momencie — w środku wojny i okupacji, gdy wiele uniwersalistycznych wartości zostało zszarganych przez przywódców i rządy państw totalitarnych. Głos prawosławnej zakonnicy nie był jednak głosem wołającego na pustyni, chociaż z uwagi na niepublikowanie utworu przed śmiercią autorki, takim mógł się wydawać. Gdy spróbujemy zlokalizować myśli matki Marii związane z koncepcją zakonnika oraz pracy duchowej człowieka przed 1947 rokiem, to okaże się, że dotrzemy do wielu jej polemicznych pism z lat 40. XX wieku, jak chociażby *O stanie zakonnym (O монашестве)*, *Pod znakiem zagłady (Под знаком гибели)*, *К делу (Do dzieła)*, *Drugie przykazanie ewangeliczne (Вторая евангельская заповедь)*, *Krzyż i sierp z młotem (Крест и серп с молотом)*⁴. Wgląd w materię wymienionych tekstów przekonuje, że najważniejszym tematem była dla matki Marii praca duchowa oraz na trwałe z nią

² O rzeczywistości więziennej postrzeganej oczami matki Marii zob. np.: Ojcewicz 2014: 137–151.

³ Całkiem prawdopodobne, że Jelizawieta Kuźmina-Karawajewa знаła także napisaną w drugiej połowie XIX wieku, a wydaną w 1911 roku, książkę anonimowego autora *Откровенные рассказы странника духовному своему отцу*. Być może na obrazy, którymi posługuje się matka Maria, oraz na Chrystusowy wymiar jej duchowości miała wpływ właśnie powyższa lektura.

⁴ Wymienione teksty znajdują się w tomie *Мать Мария* 1992.

związana codzienna miłość bliźniego połączona z wieloma wyrzeczeniami, rozumiana jako nieustanny trud niesienia własnego krzyża i ufne go podążania za Chrystusem⁵.

Jak podkreśla Grigorij Bieniewicz (Беневич 2015), teologia pracy (= богословие труда, трудничество) matki Marii dominuje w czasie, gdy rosyjska mniszka, narażając się odważnie Cerkwi, rozpoczęła bezkompromisową obronę idei żywej obecności zakonnika w życiu człowieka, gdy wytrwale nawoływała do podjęcia konkretnych przedsięwzięć na rzecz budowy Nowego Miasta i zaprzestania wyłącznie mówienia o potrzebie jego wzniesienia. Uzasadniając swoje stanowisko w danej sprawie, rosyjska mniszka pisała:

Свободное сотрудничество — вот основа наших путей во Христе. И основа эта должна проникать нашу ежедневную и будничную жизнь. Если это не будет так, то **прав великий инквизитор**, права генеральная линия партии, правы все насильники, уравниатели, диктаторы и рабовладельцы, **и люди — не образы Божии, а стадо**⁶. В этом свободном трудничестве наши усилия должны **создавать из всякого общего дела некий монастырь, некий духовный организм, некий малый орден, некое братство**. Если это не так, то это значит, что мы не поняли и не приняли самого основного, что есть **в едином великом монастыре, в едином великом организме, в едином ордене, в едином братстве — в Церкви**. (Мать Мария 1992: 243; pogr. moje — G. O.).

Z powyższego wynika, że matka Maria po swojemu rozumiała ideę pracy i funkcjonowania Kościoła i że na własną modłę te idee odważnie realizowała. Cerkiew była dla niej nie tyle instytucjonalnym zbiorem wiernych, ile Chrystusową dobrowolną wspólnotą, jednością zatopioną w Panu, która podąża za Jezusem nie dlatego, że się boi kary za odstępstwo, lecz że prawdziwie kocha Syna Bożego i utożsamia się z Jego trudną nauką. Przynależność zaś do Kościoła była dla matki Marii jednoznaczna z potrzebą nieustającego samodoskonalenia duchowego jako koniecznego warunku uczestnictwa we wspólnocie chrześcijan-naśladowców Zbawiciela. Temat teologii pracy zaznaczył się już w przedemigracyjnym utworze *Rut (Руфь)*, 1916). Praca została w nim uświęcona przez samego Jezusa, który urodził się i żył w rodzinie cieśli Józefa i sam parał się z początku ciesielką. Poglądy Jelizawiey Kuźminy-Karawajewej zmieniały się z czasem, dojrzewały, coraz wyraźniej zmierzały w kierunku ewangelizacji pracy przez śmierć Chrystusa na krzyżu. Bieniewicz zauważa:

Вольное трудничество из любви к Богу и ближним мать Мария тоже понимает как несение креста: «Именем Христовым, крестом Христовым можно придать серпу с молотом их подлинный смысл, — крестом освятить и благословить

---

⁵ Zob. np. charakterystyczne w tym względzie opracowanie naukowe danego tematu w książce Wandy Laszczak: Laszczak 2007.

⁶ Całkiem prawdopodobne, że w tym miejscu matka Maria świadomie nawiązuje do monologu Wielkiego Inkwizytora z powieści Fiodora Dostojewskiego *Bracia Karamazow*. Jelizawiea Kuźmina-Karawajewa była przecież doskonale obeznana z dorobkiem Dostojewskiego i bardzo wnikliwą czytelniczką jego dzieł.

труд. ‘И’ не только может, но и должно стоять между словами: ‘церковь’ и ‘труд’, ‘крест’ и ‘серп и молот’. (*Мать Мария* 1992: 239–240).

Najbogatszy i najpełniejszy poetycki kształt teologii pracy znalazł swój wyraz w psalmie *Pochwała pracy*. Tekst ten jest swego rodzaju lirycznym zwieńczeniem przemyśleń matki Marii na temat nurtujący ją przez wiele dziesięcioleci. Teraz dojrzał on do literackiej prezentacji i wyjawienia światu stanowiska rosyjskiej mniszki z ulicy Lourmel 77. Wcześniej, w powstałym w 1931 roku w Lyonie psalmie pokutnym *Nie odpuszczaj mi moich grzechów* (*Моих грехов не отпускай...*; Кузьмина-Караваева Е., *Мать Мария*, 2001: 214–215), matka Maria wypróbowała tercynę do poetyckiego wyrażenia postawy wobec Stwórcy, przed którym stanęła jako grzesznica. Po tę samą strofę trójwersową sięgnęła rosyjska mniszka po dziesięciu latach, aby napisać *Pochwałę pracy*, a po roku — poemat *Dzień Ducha Świętego* (*Духов День*, 1942)⁷. Wszystkie te teksty stanowią ważne etapy rozwoju religijnego światopoglądu matki Marii i jej duchowej biografii.

Idee psalmu *Pochwała pracy* nawiązują do znanych słów słowianofila Konstantina S. Aksakowa (1817–1860), który pisał:

Труд есть долг человека, есть его нормальное состояние на земле. Только труд дает право на наслаждение жизнью. Каков бы ни был труд: вещественное ли это обрабатывание земли, работа ли напряженной мысли — все равно. (...) Жизнь не есть удовольствие, как думают некоторые: жизнь есть подвиг, заданный каждому человеку, жизнь есть труд (Аксаков К.С.1982: 25).

Utwór *Pochwała pracy* rozpoczyna się wyznaniem, a więc bardzo intymnie. Stwórca jest tutaj określony jako ten, który ma prawo wydawać polecenia Jego stworzeniom, a nawet im rozkazywać, i czyjej woli pisząca zawsze była posłuszna. Tym razem Pan Bóg również zwraca się do podmiotu lirycznego, który z uwagi na materię tekstową można utożsamiać z samą autorką, i nakazuje wykonanie rzeczy trudnej, polegającej na dotarciu do duchowych pokładów człowieka. Nosi on niezmiennie w swoim wnętrzu pierwotny odbłask Sławy i Piękna, ma w sobie coś, co daje mu prawo do myślenia o sobie jako o Bożym robotniku. Zadaniem nadrzędnym dla podmiotu lirycznego staje się obserwacja Cerkwi o wielu kopałach („wielokopałowej”) i szukanie w niej prawdziwych przejawów miłości bliźniego:

Тот, Кто имеет право приказать,
Чьей воле я всегда была покорна,
Опять велел мне: „**Ты должна назвать**
Тут, на земле, средь вечной ночи черной,
То, что во тьме сверкает, как алмаз,
Что плод дает сторицею, как зерна,
Упавшие на чернозем. Средь вас,

⁷ Nie wszyscy katolicy być może wiedzą, że gdy katolicy obchodzą w niedzielę Dzień Zesłania Ducha Świętego (Święto Pięćdziesiątnicy, Zielone Świątki), to w tradycji prawosławnej, święto przypadające w tym okresie na niedzielę nosi nazwę *Троицын день*, a drugi, wypadający w poniedziałek — *Духов день*.

Из персти созданных, есть отблеск Славы,
Есть отблеск Красоты среди прикрас.
Есть нечто. **И оно дает вам право
Господними сотрудниками стать.
В строеньи вечном Церкви многоглавой.**
Ищи”.

(Кузьмина-Караваева Е., Мать Мария 2001: 264; pogr. moje — G. O.)

Już pierwsze wersy psalmu zarysowują kontrasty kolorystyczne: wieczna czerń nocy, czarnoziemy i ciemności musi zrównoważyć blask diamentów. Tym, kto podejmie się ciężkiego trudu w winnicy Pańskiej, będzie istota stworzona *iz perstni*, a więc powstała z ziemi, z prochu, z gliny — z tego, co kruche i nietrwałe. Święty Paweł Apostoł w *Pierwszym liście do Koryntian* (1 Kor 15:47–49) napisał: „Pierwszy człowiek utworzony z ziemi jest prochem, drugi człowiek jest z nieba. Ci z prochu ziemi są tacy jak ten z prochu, a ci z nieba — tacy jak Ten z nieba. I jak zaczęliśmy nosić w sobie obraz człowieka z prochu ziemi, tak zaczniemy nosić w sobie obraz tego z nieba” (*Nowy Testament...* 2002: 559). W zestawieniu z rosyjskojęzyczną wersją *Nowego Testamentu* psalm matki Marii kojarzy się wyraźnie ze słowami: „Первый человек — из земли, перстный”⁸. Pisane wielkimi literami takie rzeczowniki, jak *Слава, Красота, Церковь* uwznioślają wypowiedź, a towarzyszące im cerkiewizmy archaizują dodatkowo ten fragment tekstu. Wszystko to ma zapewne na celu podkreślenie przede wszystkim rangi samego tematu, wszystko inne, czyli środki językowe, są temu tematowi podporządkowane.

Jeśli założymy — a są ku temu wystarczająco mocne podstawy — że następne wersy analizowanego psalmu mają cechy biograficzne, to dowiemy się z nich nie tylko o wieku podmiotu lirycznego, lecz także uzyskamy wiedzę na temat jego podejścia do spraw wiecznych. Jak pisze matka Maria, przez pięćdziesiąt lat mogła szukać i doznać wszystkiego, co było jej dane, wszystkiego spróbować. Bogate i trudne doświadczenie życiowe, nacechowane wczesną stratą ojca, gwałtownym rozwodem, niespodziewanym romansem i w jego konsekwencji — nieślubnym dzieckiem, tragiczną śmiercią dwóch córek (Gajany i Anastazji) — wszystko to tworzy pewną opozycję. Z jednej strony reprezentuje ją to, co wartościowe i duchowo cenne, czyli symboliczne diamenty, z drugiej zaś — symboliczne szkło — ciemna karta w autobiografii Jelizawiey Kuźminy-Karawajewej i Jelizawiey Skobcowej. Do „diamentów” zalicza się na pewno żywa świadomość autorki o wyjątkowej pozycji człowieka we wszechświecie, czyli o jego świętym wybraństwie, którym, jak podkreśla pisząca, Bóg zaszczycił pierwszych rodziców w raju. Minęły długie tysiąclecia, lecz dla matki Marii fakt ten nie stanowi żadnej przeszkody w dostrzeganiu w każdym człowieku pierwotnego Adama — pierwszego ojca-wybrańca, a potem rodzica naznaczonego piętnem. Jest on dla podmiotu lirycznego tym, kto trwa w ludzkiej kulturze

---

⁸ Zob. ten sam fragment listu św. Pawła Apostoła w *Nowym Testamencie* po rosyjsku: „Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные. И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного. Но то скажу вам, братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления” (1 Кор. 15:47–50). *Новый завет...* 2015.

jako nosiciel przeklętego jarzma wstydu, a Ewa-pramatka stanowi „matrycę” upadłych matek. Adam i Ewa zniszczyli dane im rajske piękno — czystość ducha — przez grzech nieposłuszeństwa i skazali siebie oraz swoje potomstwo na niekończący się trud. W *Pochwale pracy* czytamy:

**Полвека я могла искать,
Все испытать, все пробовать полвека.**
И средь стекла алмазы отбирать.
Священное избранье человека,
Которым Бог его почтил в раю,
Открылось мне. Пусть нищий, пусть калека,
**Грехом растливший красоту свою,
Трудящийся среди волчцов упрямо,
Рождающийся в муках, — узнаю
Того же первозданного Адама,
Носившего избрания печать.**
Изгнанник под проклятым гнетом срама,
И Ева падшая, всех падших мать,
И мы, — их дети, — что мы можем Богу,
Что было бы Его достойно, дать?
(Кузьмина-Караваева, Мать Мария 2001: 264; pogr. moje — G. O.)

By odpowiedzieć na pytanie z ostatniego wersu, autorka decyduje się na rozpoczęcie poszukiwań i sięga po ewangeliczne konteksty, wśród których sporo miejsca zajmują przypowieści o siewcach i żniwiarzach, czyli symbolicznych robotnikach Pańskich. To przed nimi wyrasta jedno z najtrudniejszych zadań upowszechniania nowego przykazania danego ludziom przez Pana Jezusa: miłości bliźniego. Matka Maria pyta retorycznie: Cóż my, ich dzieci, możemy dać Panu Bogu, by dar nasz okazał się godny Jego miłości? W poszukiwaniu odpowiedzi udaje się w podróż, wybierając drogę wśród symbolicznych pól, a więc obszarów czekających na trud rolnika. Kieruje się ku ugorom, gdyż tam czeka na człowieka najcięższy wysiłek. Sielskie prawie obrazki prac gospodarskich siewcy w polu podkreślają pewien porządek we wszechświecie, cykliczność narodzin i umierania, siewu i zbioru, wspólnego trudu człowieka i zwierząt. Matka Maria pisze:

Иду искать. **И изберу дорогу
Среди полей. Теперь пора труда.**
С конем своим идет спокойно, в ногу,
За плугом пахарь. В прежние года
Его отец и дед пахали ниву,
И сына ждет все та же борозда.
Конь медленно идет, склонивши гриву,
Тяжелая рука ведет тяжелый плуг.
Земля пластом легла. Неторопливо,
Движеньем медленным спокойных рук,

Раскинет сеятель на пашне зерна.
Они за полукругом полукруг
Падут, укроются в могиле черной.
Могила колыбелью будет им,
Земля — началом жизни чудотворной.
Пойдет работа чередом своим.
Придет косарь с своей косою звонкой,
И молотья приблизится за ним.
(Кузьмина-Караваева Е., Мать Мария 2001: 264; pogr. moje — G. O.)

Obraz siewcy i żniwiarza ma dla matki Marii znaczenie przenośne: sianie Dobra i zbiory Ducha. Zanim autorka wyrazi otwarcie swój punkt widzenia na siew i żniwa, najpierw przyjrzy się dokładnie samemu człowiekowi, by wskazać, że jest on pod względem fizycznym całkowicie przygotowany do ciężkiej pracy na rzecz ducha i doskonalenia świata. Wprawdzie jej wizerunek rolnika jest bardzo realistyczny, wręcz fizjologiczny, ma jednak służyć wzmocnieniu przekonania o gotowości i o możliwości istoty ludzkiej do ścinania najwyższych drzew, symbolizujących trudne zadania, nawet tych, w których koronach mają swe gniazda ptaki: szlachetny cel uświęca w tym wypadku środki. W odpowiednim miejscu wiersza czytamy o cykliczności życia: narodzinach i śmierci, wzrastaniu i obumieraniu. Gdy odchodzi starzec, rodzi się dziecko. To z niego wyrośnie mężczyzna — kandydat na surowego rolnika. Trzy etapy istnienia — narodziny, pracę i grób — dzieli niewidzialna cienka zasłona. Rolnikowi towarzyszy przyroda, która — kiedy trzeba, ogrzewa ziemię promieniami Słońca, a innym razem — skuwa glebę głębokim chłodem. W ocenie autorki analizowanego psalmu natura zostaje utożsamiona z odwiecznym rytmem. Ale człowiek to także rytm, a więc — określona powtarzalność. O przyrodzie i istocie ludzkiej jako elementach od siebie zależnych i sobie wzajemnie potrzebnych matka Maria powie:

Природа мерна. Мерен человек.
Не думая, он **мышцами умеет**
Владеть. Ногам велит спешить на бег,
Прижавши локти и дыша глубоко.
Он сети ставит среди спокойных рек,
Он тянет невод. Он взмахнет широко,
Откинется всем телом, — и топор
Вонзится в ствол. **Пусть дерево высоко,**
За зеленью невидим неба взор,
Пусть прячутся в его макушке птицы, —
Оно падет...
(Кузьмина-Караваева Е., Мать Мария 2001: 265; pogr. moje — G. O.)

Tak, mężczyzna, wbiwszy topór w najtwardszy nawet pień, potrafi ściąć najwyższe drzewo, którego bogata zieleń korony przesłania całe niebo. Człowiek jest więc w psalmie matki Marii prawdziwym mocarzem, niczym biblijny Samson, łączącym ziemię, w której drzewo zapuszcza korzenie, z powietrzem, w jakim rośnie, i z niebem, do którego kieruje

swój wierzchołek. Ale by móc tak czynić, rolnik, czyli robotnik Pański, potrzebuje punktu odniesienia, by za Archimedesem powtórzyć jego słynną tezę o możliwości przewrócenia świata, gdy tylko się znajdzie właściwy punkt oparcia. Zdaniem matki Marii, człowiek może się urodzić bezradnym, być niczym niemowlę — wątłym i nagim. Z czasem, jego mięśnie staną się jak stalowe drągi. Ludzkie ręce stworzono przecież wedle Bożego zamysłu — do pracy, a więc są one przygotowane do tego, by węzły żył i spłoty mięśni objęły pewnie trzonek topora:

Лишь бы найти упор,
В рычаг железною рукой вонзиться, —
И землю сдвинет в воздухе рычаг.
Пусть человек беспомощным родится, —
Бессмысленный младенец, хил и наг, —
Как рычаги стальные мышцы станут,
Обдуманно сплетенные. **И шаг,**
И рук движенье созданы по плану,
Рассчитаны, чтоб труд посильным был,
Чтоб был костяк узлами жил обтянут,
Чтоб мышцы обросли сплетенье жил.

(Кузьмина-Караваева Е., Мать Мария 2001: 265; pogr. moje — G. O.)

W dalszej części psalmu matka Maria powraca do prarodzców Adama i Ewy, by po swojemu spojrzeć na konieczność ciężkiej pracy, traktowanej biblijnie w kategoriach przekleństwa. Pan Bóg, wypędzając Ewę z raju, zapowiedział jej, że pomnoży kobiece dolegliwości brzemienności i że w bólach zrodzi ona swoje dzieci, a do Adama rzekł, że przeklęta zostanie ziemia, którą zacznie uprawiać, albowiem w mozole żywić się będzie po wszystkie dni swojego życia. Pole zaś „Ciernie i osty rodzić ci będzie i żywić się będziesz zielem polnym. W pocie oblicza twego będziesz jadł chleb, aż wrócisz do ziemi, z której zostałeś wzięty; bo prochem jesteś i w proch się obrócisz” (*Biblia...* 1980: 9).

Rosyjska mniszka z paryskiej ulicy Lourmel 77 patrzy na historię ujętą w *Księdze Rodzaju* (*Pierwsza Księga Mojżeszowa* 3: 16–19) inaczej. Uważa, że praca jest zajęciem szlachetnym, a ten, kto poznał smak trudu, żył nienadaremnie i niczym sam Stwórca może się cieszyć spokojem oraz wolnością. Jako pracownik Pana Boga jest zarazem pomocnikiem Jezusa Chrystusa i w czas żniw zbierze zasłużenie swój stokratny plon. Matka Maria mówi wprost o Adamie, że kiedy utracił on raj, praca stała się dla niego przekleństwem połączonym z wieczną tułaczką. Ewa — zgodnie z wolą Bożą — w mękach zrodziła dwóch synów, Kaina i Abla, a jeden z nich okazał się potem zbrodniarzem. Od tamtej pamiętnej pory do dzisiaj każdy potomek pierwszych rodziców pracuje w pocie niczym niewolnik: takim się rodzi i takim umiera. W tym cyklu narodzin i śmierci nie ma żadnego postoju: życiowy potok wciąż płynie, a człowiek musi być gotowy na pytanie, które może paść z ust Stwórcy o stopień przyswojenia Jego nauki. Jeśli ktoś pracował nawet wtedy, gdy opadła ciemność, nie pytając Pana o czas, może być, zdaniem matki Marii, spokojny o los swojej duszy:

О подвиг трудовой, ты благороден,
Кто потрудился, тот не даром жил.
Тот, как Творец, спокоен и свободен,
В дни жатвы собирает урожай,
Сотрудник и соделатель Господень.
Когда Адамом был потерян рай
И труд объявлен для него проклятьем,
И он вступил на век в изгнания край,
И Ева в муках жизнь дала двум братьям,
С тех давних пор и вплоть до наших лет
В поту трудился он. Рабов зачатъе,
Рождение и смерть рабов. И нет
Приостановки в жизненном потоке.
Бог вопрошал. Каков же наш ответ?
Как мы усвоили Его уроки?
Работали, когда спустилась тьма,
Не вопрошая Господа о сроке.
(Кузьмина-Караваева Е., Мать Мария 2001: 265; pogr. moje — G. O.)

W ocenie Grigorija Bieniewicza

Здесь важно то, что, согласно матери Марии, нельзя сказать, что человек был наказан трудом, **труд сам по себе не является проклятьем**, он лишь становится таковым в силу грехопадения. В действительности, **именно труд позволяет человеку быть сотрудником Бога**. Однако, настоящий Господин творения — Бог, потому **все человеческие труды должны быть для Него и посвящены Ему, только тогда они снова станут благодатными**. (Беневич 2015; pogr. moje — G. O.).

Końcowe partie psalmu *Pochwała pracy* można odczytać w podwójnym kluczu: dosłownym oraz przenośnym. Matka Maria zwraca się do Stwórcy, który jest dla niej Gospodarzem Niw, prosząc, aby otworzył spichrze, ponieważ Jego robotnicy pragną napęlić je pszenicą. Chce także, by Pan Bóg udostępnił swoje niebiańskie domy, gdyż tylko wtedy stanie się możliwe oddanie Jemu wszystkiego stokrotnie pomnożonego. Zwraca się ponadto z prośbą, by Stwórca przyjął ciężkie owoce ziemskiego trudu od tych, których skazał kiedyś za sprawą Adama i Ewy na pracę w pocie czoła. Ostatnie słowa matki Marii wiążą się z jej pragnieniem przyjęcia przez Gospodarza Zbiorów złotej pszenicy od Jego robotników, będących niczym cegły zrobione z wilgotnej gliny. Autorka zapewnia, że to dla Stwórcy wszyscy pracowali w nocy, symbolizującej ekstremalnie niekorzystne warunki, i że tego, co powstało przez wieki, nie sposób ogarnąć ludzkim umysłem. W finałowej partii psalmu pojawiają się pszczoły-ludzie, lepiące воск, z którego powstanie świeca z przeznaczeniem na ołtarz niebiańskiej Jerozolimy, będącej alegorią Królestwa Niebieskiego i czasu królowania świętych w Niebie. Wizja Nowej Jerozolimy, którą

pozostawił nam święty Jan w *Apokalipsie* (12; 21: 2), może również oznaczać powrót do Nowego Ogrodu, do Edenu:

Хозяин нив, **открой нам закрома,**
Чтоб мы могли наполнить их пшеницей.
Открой Свои небесные дома,
Чтоб мы вернули все Тебе сторицей.
Прими земных трудов тяжелый плод,
Ты, повелевший нам в поту трудиться.
Пусть спины гнет усталый Твой народ, —
Но есть чем оправдать нам жизнь земную:
На землю пролитый священный пот.
Прими, прими пшеницу золотую
Твоих сотрудников. Вот кирпичи, —
Мы ими глину сделали сырую,
Мы для Тебя работали в ночи.
Что создано в веках, — необозримо.
Как пчелы лепим воск мы для свечи
В алтарь небесного Иерусалима.

(Кузьмина-Караваева Е., Мать Мария 2001: 265–266; pogr. moje — G. O.)

Warto może jeszcze na koniec wspomnieć o innym wierszu matki Marii, wcześniejszym chronologicznie w porównaniu z psalmem *Pochwała pracy*, czyli o miniaturze zatytułowanej *Wydaje się mi, że świat stoi jeszcze na rusztowaniach...* (*Мне кажется, что мир еще в лесах...*), która otwierała zbiorek *Wiersze* (*Стухи*, 1937). Jak słusznie zauważył Grigorij Bieniewicz, w wierszu tym podmiot liryczny nazywa siebie Bożą cegielką i prosi Stwórcę, by zechciał jej użyć w budowie swego Kościoła. Zdaniem rosyjskiego badacza, „Земной труд вновь становится благодатным тогда, когда в нем происходит созидание человека и Церкви, понимаемой как Богочеловеческий организм” (Беневич 2015). Otwierający tom *Wiersze* cykl *Жизнь* (*Жизнь*) rozpoczyna się właśnie utworem *Wydaje się mi, że świat stoi jeszcze на rusztowaniach...* Jest on tekstem polemicznym, co wyraźnie odbieramy, czytając pierwszą zwrotkę, w której rosyjska mniszka nawiązuje do wiersza Jurgisa Bałtruszajtisa (1873–1944) z 1911 roku *Ave crux!* Autor ten napisał był wtedy:

Божий мир ещё не создан,
Недостроен Божий храм, —
Только серый камень роздан,
Только мощь дана рукам.
(Za: Кузьмина-Караваева Е., Мать Мария 2001: 679)

Matka Maria zaś ujmuje ten problem następująco:

Мне кажется, что мир еще в лесах,

На камень камень, известь, доски, щебень.
Ты строишь дом, ты обращаешь прах
В единый мир, где будут петь молебн.
(Кузьмина-Караваева Е., Мать Мария 2001: 679)

Jak widać, obydwaj autorzy są zgodni co do tego, że Boży Świat — w sensie funkcjonowania prawdziwie chrześcijańskich relacji między ludźmi, opartych na miłości bliźniego — jeszcze nie istnieje, a jego kształtowanie jest zadaniem bardzo trudnym, zmuśnym, ale możliwym do wykonania. Jurgis Bałtruszajtis eksponuje szary kamień i ręce gotowe do działania, ich moc. Matka Maria idzie nieco dalej: wymienia więcej konkretnych materiałów budowlanych niezbędnych do wzniesienia świątyni: kamień, wapno, deski, kruszywo. Prawdziwy jednak Dom ma powstać w ludzkim sercu i stanowić siedzibę Ducha Świętego. Jego obecność w człowieczych duszach jest gwarantem usłyszenia śpiewu-modlitwy i osiągnięciem celu ziemskiego pielgrzymowania: radosnego zbliżenia się chrześcijanina do Syna Bożego, a szerzej — do Boga.

Analiza psalmu *Pochwała pracy* prowadzi do zasadniczej refleksji, w myśl której praca człowieka z Panem Jezusem w duszy i dla samego Chrystusa przez bezwarunkową miłość bliźniego i ciężki wysiłek duchowy oraz ponadludzki niekiedy trud fizyczny, stanowi jedyną drogę wiodącą do Nieba⁹. Wysiłek ten musi się łączyć z natchnieniem, lekkością ducha, ze szczerym zaangażowaniem, z doskonałą miłością. Człowiek przez swoje codzienne działania zdobył wielką szansę na współuczestniczenie w budowie Bożego Domu, Kościoła, i dlatego, uważa matka Maria, ludzki wysiłek nie ma znamion biblijnego przekleństwa, lecz nobilitacji, ponieważ wiąże się z tworzeniem rzeczy pięknych i uświęconych pod czujnym okiem Stwórcy.

Literatura:

- Biblia to jest Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu. Nowy przekład z języków hebrajskiego i greckiego opracowany przez Komisję Przekładu Pisma Świętego*, 1980, Warszawa.
- Głowiński M., Kostkiewiczowa T., Okopień-Sławińska A., Sławiński J., 2002, *Podręczny słownik terminów literackich*, Warszawa.
- Laszczak W., 2007, *Życie znaczy „kroczyć po wodzie”*. *Studia o Matce Marii. Część pierwsza*. *Studia i Monografie*, nr 389, Opole.
- Nowy Testament. Najnowszy przekład z języków oryginalnych z komentarzem*, 2009, oprac. Zespół Biblistów Polskich z inicjatywy Towarzystwa Świętego Pawła, Częstochowa.
- Ojcewicz G., 2014, „*Jedynie, co mnie smuci — to myśli o twojej zgrzyocie*”. *Obozowe listy Matki Marii (Jelizawiey Skobcowej) do swojej matki*, „*Acta Neophilologica*”, nr XVI (2), s. 137–151.

---

⁹ Warto, jak sądzę, lecz w postaci odrębnego już opracowania, podjąć w przyszłości temat związany z polem semantycznym polskiego słowa „praca” i rosyjskiego „труд”. Można byłoby wówczas zastanowić się także na przykład nad kwestią zakresów kulturowych danych jednostek i potencjalnych problemów translacyjnych podczas przekładania danych wyrazów z języka rosyjskiego na język polski w utworach literackich.

- Słownik rodzajów i gatunków literackich*, 2006, red. G. Gazda, S. Tyniecka-Makowska, Kraków.
- Аксаков К. С., 1982, *Литературная критика*, Москва.
- Беневич Г. И., 2015, *Мать Мария (1891–1945). Глава III: О поэзии матери Марии (продолжение публикации)*.
<http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=814> [9.06.2015].
- Кузьмина-Караваева Е., Мать Мария, 2001, *Равнина русская. Стихотворения и поэмы. Пьесы-митстерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма*, состав., авт. вступ. ст. и примеч. А. Н. Шустов, Санкт-Петербург.
- Мать Мария, 1992, *Воспоминания, статьи, очерки*, том I, Paris.
- Монахиня Мария, 1937, *Стихи*, Берлин.
- Новый завет*. <http://bible.optina.ru/new:1kor:15:47> [11.02.2016].
- Откровенные рассказы странника духовному своему отцу*.
<http://www.hesychasm.ru/library/strannik/> [11.02.2016].

Ланда Татьяна Юрьевна

(Тель Авивский университет, Тел Авив, Израэль)

**К вопросу о политической драме в творчестве
В. Набокова и И. Бродского. На материале пьес В. Набокова
"Изобретение вальса" и И. Бродского "Демократия!".**

**To the question of the political drama in the works of V. Nabokov and I. Brodsky.
Based on the plays: V. Nabokov "The invention of waltz", I. Brodsky "Democracy!".**

Резюме: В статье анализируется мало изученное явление эмигрантской литературы — драматургия В. Набокова и И. Бродского. Жанр политической пьесы, в творчестве обоих художников не случаен. В нем раскрылись с новой, для современных литературоведов, стороны писатели, изучению творчества которых посвящены множественные труды. Историческая ретроспектива повлиявшая на формирование концепции творчества в целом. Возвращение этой литературы позволяет расширить границы наших знаний и представление о русской словесности в эмиграции.

Ключевые слова: драматургия, политическая драма, эмиграция

Summary: The article examines a little-studied phenomenon of Russian literature in emigration — drama by V. Nabokov and I. Brodsky. Genre of political play, in the works of both writers is not accidental one. The part of the writers, being the subject of many studies, appeared in it as a new contemporary literary plane. The historical background did influence the formation of the concept of creativity in general. The return of this literature allows us to expand the boundaries of our knowledge and the idea of Russian literature in emigration.

Key words: drama, the political drama, emigration

Представители разных волн эмиграции — Набоков и Бродский, являются тем интеллектуальным магнитом, сила притяжения которого только возрастает. Степень и плотность изученности их творчества настолько велика, что на первый взгляд, все уже описано, прочитано, сопоставлено. И тем не менее, в науке о Набокове и Бродском есть планета, которая как белое пятно вызывает к исследователям своей неразгаданностью, неопознанностью. Имя планеты — Драматургия.

В творчестве русских писателей, оказавшихся в разное время в эмиграции, преобладают жанры эпические и лирические. Драма не относится к фаворитам, «людей подобной судьбы» (Витковский 2014: 9). И как результат, исследования в области драматургии находятся на шаг позади. На сегодняшний день, нет академического, монументального исследования, анализирующего драматургическое наследие Владимира Набокова и Иосифа Бродского. Есть отдельные, работы таких исследователей как А. Мокроусова (Мокроусов 1991), Р. Тименчика (Тименчик 1988), И. Ермаковой (Ермакова 2000) и т.д. Но они лишь предвестники появления столь актуальной работы. А о возвратном влиянии Бродского

и Набокова на русскую драму не упомянуто не только на высоком академическом уровне, но даже на уровне начального исследования. Все выше сказанное, лишний раз подтверждает малоизученность данной филологической проблемы.

Творческое наследие обоих, как это не кажется парадоксально — похоже, оба феномены русского зарубежья, с общей «объединяющей» точкой — эмиграцией. Хотя с совершенно разной природой. У В. Набокова — вынуждено — добровольная. З. Шаховская напишет, что «...малолетним Адамом он был изгнан из своего рая» (Шаховская 1939: 172). Принудительная у И. Бродского. «... если в молодые годы, находясь под прессингом и контролем партийного аппарата и карательных органов, он, возможно, испытывал колебания, то, оказавшись на Западе, он отпустил себя» (Фингель 2011).

...не будет вам ни хлеба ни питья
не будет вам на родине житья. (Бродский 1965: 6).

Исторической ситуацией и личной судьбой оба были поставлены перед проблемой выбора — о чем писать и для кого писать, на каком языке писать и в какой литературе и культуре жить и работать. Набоков находит выход из лабиринта судьбы, написав следующее: «... В России и талант не спасает; в изгнании спасает только талант» (Набоков 1989: 380).

Данную мысль точь в точь спустя почти пол века повторит Иосиф Бродский: «...здесь (в эмиграции — Т.Л.) может существовать только очень сильно одаренная личность» (Бродский 2000: 312). Оба, являясь носителями русского языка, в эмиграции принимают не простое решение, продолжить творить, но теперь уже на английском языке. «Эмиграция — это особый жанр и особые правила выживания» (Тименчик 1988: 96).

Нельзя не заметить, что читающей публике оба художника знакомы больше как прозаики и поэты, нежели драматурги. Драматургическое наследие Набокова (на русском языке) не велико. Это пьеса *Событие*, написанная в Мюнхене, в 1938 году. В этом же году она была опубликована в журнале «Русские записки». Пьеса *Изобретение Вальса*, написанная в сентябре 1938 года, в Кап де Антип, и напечатанная в том же году в 11 номере журнала «Русские записки». Третья пьеса — *Человек из СССР* была написана в 1925 году. В январе 1927 года опубликована в журнале «Руль». И только в 2008 году пьеса *полностью* (курсив мой — Т.Л.) была опубликована в России. А в 2009 году театр "Сфера" впервые поставил (в России) пьесу *Человек из СССР* (режиссер Екатерина Еланская). В 1988 году в журнале «Театр» была опубликована пьеса *Событие*, а год спустя, в 1989 в журнале «Новый мир» впервые была опубликована пьеса *Изобретение Вальса*.

Драматургия И. Бродского, на русском языке, насчитывает шесть названий. Это оригинальные пьесы и две переводные. Пьеса *Демократия!*, «начало работы над которой датировано рубежом 80-х – 90-х годов. Когда еще существовал СССР и когда судьба демократии в России и восточно-европейских странах была более чем туманна. А завершена пьеса была когда такой страны, как СССР, уже не существовало» (Гордин 2001: 4). Что, на наш взгляд, крайне важно и символично в понимании, как

произведения, так и творчества Бродского, в целом. Пьеса имеет двойное название. В начале работы над ней И. Бродский называет ее многообещающе, философски — *Демократия!*. Пишет первый акт и откладывает работу. Можно предположить, что это последствие равнодушия Бродского к драматургии. В его биографии остался факт посещения стокгольмского драматического театра в канун получения Нобелевской премии и его доверительное откровение с собравшимися актерами и режиссерами. Бродский сказал: «... Ведь пьесы гораздо интереснее читать, чем смотреть, не правда ли?!» (Бродский 2000: 93). Или же его так часто повторяющееся заявление об отстраненности художника от «житейских волнений». Но! Уже находясь в эмиграции, он возвращается к пьесе и дописывает второй акт. На это было несколько причин. Одна из них — распад СССР и желание Бродского отреагировать на этот исторический факт. А о второй причине рассказывает Б. Жуков, в журнале «Звезда», за декабрь 2006 года. По возвращению к работе, первичное название пьесы уже не удовлетворяет и он нарекает ее вторым названием — *Когда кончается история, начинается зоология*, что не скрывает отношения автора к происходящему. Пьеса *Демократия!* это не единственная работа Бродского в жанре политической сатиры. Перу Бродского так же принадлежит пьеса *Народ*, написанная в характерной для него манере — поэтической. Пьеса впервые была опубликована в журнале «Континент» в 1987 году. И в окончательной, авторской редакции, в том же журнале, но уже в 1989 году, в 58 номере. В России пьеса *Демократия!* была издана в журнале «Современная драматургия» в 1991 году, в третьем номере.

Что же касается пьесы *Мрамор* (1982 год), то она пестрит намеками и переключками с автобиографической прозой и поэзией художника. Например, образ башни, в которую заточали граждан Римской империи, на пожизненное заключение, заявлен был задолго до написания пьесы, в одном из известных стихотворений Бродского. Отсюда при прочтении пьесы множественные ассоциации с биографией поэта.

По сути, снова речь идет про тюрьму, но, теперь в футурологическом аспекте. Время, отделяющее нас от даты публикации *Мрамора*, и даты ухода Бродского из жизни, вносит свои нюансы и акценты в то, что было им написано несколько десятилетий назад. В России пьеса была опубликована только в 1990 году, в журнале «Искусство Ленинграда», номер восьмой.

В канун юбилея Бродского, в прессе появились заявления о том, что у его наследников есть еще одна, никогда не издававшаяся, пьеса. Исследователям его творчества, как и почитателям, остается лишь надеяться, что ее официальное появление не «за горами». Так же перу Бродского принадлежат две переводные пьесы — английского драматурга Тома Стоппарда *Розенкранц и Гильденстерн мертвы* и пьеса ирландца Брэндана Биэна *Говоря о веревке*, которые были опубликованы после эмиграции Бродского из СССР. Очевидно, что работа над текстом пьесы *Говоря о веревке* была начата еще в СССР, а последняя редакция перевода сделана много позже. Бродский предложил для публикации пьесу в журнал «Иностранная литература», где она и вышла зимой 1995, за год до смерти автора.

В анализе творчества, как Набокова, так и Бродского существует несколько систем: по годам, по периодам, по темам и т.д. Драматургии отведено

место либо «творческой случайности» (Т. Л), либо творческой пробы. Мы же попытаемся реабилитировать известных писателей и доказать, что их драматургические работы не менее интересны чем все их творческое наследие, чем поэтические или прозаические произведения. И что без драм Набокова не было бы его романов, а без драм Бродского мы бы так никогда и не узнали его иронической памфлетности в поэзии.

Среди не многочисленных драматургических работ обоих художников наиболее дуалистичны, на наш взгляд, пьеса Набокова *Изобретение Вальса* и Бродского *Демократия!*. *Изобретение Вальса* это политический памфлет, *Демократия!* — политическая сатира. Причем это единственное, в своем роде, обращение художников к данному жанру(!) — политической драматургии. В обоих пьесах нет традиционного перечня действующих лиц, нет также авторских характеристик персонажей. У Набокова все на уровне догадок или интеллектуальных ребусов: как называется та страна, которая еще недавно была королевством, а сейчас парламентская республика, западного типа. Именно в этой загадочной стране к военному министру приходит Сальвадор Вальс. В имени главного героя Набоков вновь подкладывает интеллектуальную «бомбу», для своего читателя, а может быть даже и для исследователя. Сальвадор Вальс это, согласно трактовке данной в энциклопедическом словаре Брокгауза – Эфрона — Спаситель Кочующий, который предлагает вниманию министра потрясающее изобретение — телемор. С помощью этого изобретения, в любой точке мира можно уничтожить практически все, в радиусе полутора километров. *Изобретение Вальса* кружится вокруг Сальвадора Вальса, вознамерившегося «спасти мир» с помощью телемора. Позднее Набоков напугает своим читателям, что пьеса была написана за несколько лет до создания атомной бомбы. По мере развития пьесы, выясняется, что вовсе не он (Сальвадор Вальс) автор изобретения, а его родственник — «старичок». А сам герой оказывается обычным пошляком, и сластолюбцем, девственником с психическими расстройствами. Его мнимое человеколюбие оказывается настолько хрупким, что при малейшем неповиновении, он уничтожает 600-тысячный город и не исключает возможности дальнейшего более глобального террора. Для себя же он мечтает лишь о «... приспособлении словом проснешься, нажмешь кнопку, и кровать тихо едет и везет тебя прямо к ванне... И еще я хочу, что бы во всех стенах были краны с разными ледяными напитками... Все это я давно заказал судьбе — знаете когда жил в душных, шумных, грязных углах» (Набоков 1990: 173). Такое отношение к сюжету, по Набокову, бегство от действительности реальных событий, создали? элемент ослабления и размытости. Хотя, «...такое оружие дает его обладателю власть над всем миром» (там же: 204). Неудивительно, что существование в рамках эмиграции среди «призрачных туземцев» (В. Набоков) для писателя самой твердой реальностью стало слово, язык. Он сам создал себе среду обитания и приспособил ее для жизни — совсем как Робинзон, только не на пустынном острове, а в человеческом муравейнике, обитателей которого он силой своего воображения превратил в драматургические образы. Получит ли автор пьесы власть, о которой мечтал — вопрос остается открытым, но то, что он данной пьесой предвосхитил появление «театра абсурда» это однозначно. Политическая география Набокова — это мир намеков, ассоциаций

и вымысла, в котором переплетены реальное и фантастическое. Это мир отражающий действительность, в котором она (действительность), при поразительном сходстве с реальностью, имеет совершенно иную природу. Художественная география, драматургического мира Набокова это проекция души героя на ландшафт ситуации.

Пьеса Бродского *Демократия!* или *Когда кончается история, начинается зоология* — это полилог. Начало и конец реплик столь условны, что обозначены они лишь новой строчкой. Бродский писал в ремарках к пьесе: «...Реплики не маркированы. Актеру и режиссеру следует самим определить кто произносит что, исходя из логики происходящего» (Бродский 1991: 3). Данный прием создает ощущение безликости героев, отсутствие принципиальной разницы в характере образов, в масштабности их личностей, особенностей мышления. Это реплики безымянных героев. Когда выбор кто и что скажет не важен и драматургу. В *Демократии!* нет организующих собственно драматическое действие биографий, судеб героев. Причем речь идет не о простых людях, а о членах правительства. Нет так же деления персонажей на героев первого и второго плана. Единственным разнообразием в пьесе стало наличие в группе действующих лиц одной женщины. Но и тут Бродский не наделяет ее какой-либо индивидуальностью. Она столь же аморфна и бесхребетна, как и все, и готова подчиниться любому и каждому. К аналогичному приему Бродский прибегнет в позднем периоде своего творчества, в стихотворении *Посвящается Чехову*. Когда любой человек из зрительного зала может получить «роль» на сцене (имеется ввиду поэтическая сцена стихотворения — Т. Л.). А жизнь сравнивается с исполнителем главной роли...» Если бы не театр, никто бы не знал, что мы существовали! И наоборот!» (Бродский 2000: 184).

Тем самым Бродский приходит к противостоянию известной фразе Леви-Стросса, в которой провозглашается, что театр это еще один из «...инструментов уничтожения времени» (Леви-Стросс 1972: 27). Театр Бродского это реанимация времени, истории, памяти.

Все пространство пьесы занимает групповой портрет первых лиц социалистического государства, которое находится в шести часах езды от Чехии или от Венгрии. «Бродский делает все, чтобы сбить с толку читателя, вздумавшего бы точно идентифицировать место действия» (Гордин 2001: 3). Они, привыкшие полагаться во всем на волю... И тут И. Бродский не ограничивает себя ни в чем — может быть центра, может быть чучела медведя, стоящего в углу сцены, как единственная декорация, на протяжении всей пьесы, «...в чью сторону персонажи кивают или поглядывают всякий раз, когда употребляют местоимение „они”» (Бродский 1991: 5), может быть на голос из трубки с грузинским акцентом. Они (герои пьесы) с большим трудом понимают, как изменится их благополучная жизнь с приходом демократии. И будет ли теперь общим меню союзников?! Ведь «...не изменится меню — не изменятся люди у власти» (там же: 11). Они боятся всего: гнева Самого, в случае неверного решения, возможного отзыва на Восток — в «Улан-Батор или Караганду, в лучшем случае» (там же: 26), безусловно боятся поведения своего народа, вопросов журналистов. Но больше всего они боятся проголосовать не за то и не так.

Единственный конфликтный момент пьесы, едва не повлекший за собой перемены в правительстве, связан с сексуальными возможностями местных женщин. Экстремальная политическая ситуация перехода от диктатуры к демократии — «перемен к лучшему», сводится для руководителей страны к физиологическим, утробным проблемам. Так первая часть пьесы это демократия свободы выбора менно, «гастрономическая демократия», а во второй части пьесы это «зоологическая демократия». «Когда кончается история, начинается зоология. У нас уже демократия, а я еще молода. Следовательно, мое будущее — природа. Точнее — джунгли. В джунглях выживает сильнейший, либо с лучшей мимикрией» (Бродский 1991: 44). И в ответ холодно-циничное резюме драматурга — «...Не выживает, детка, никто. Это и есть закон джунглей... Не выживает никто» (там же: 39).

Если Набокову удалось предвосхитить появление атомной бомбы, то Бродскому предугадать значимость компьютера в жизни современного человека и даже государства. «...Будущее страны вообще и наше с вами, в частности. В просторечии — компьютер» (там же: 27). Более того, Бродский предсказал, что произойдет с Россией к 2000 году. «...К 2000 году нас тут не будет. И газированную монополию — даже если она наступит — мы не увидим» (там же: 53).

Пьеса *Демократия!* насыщена прямыми аллюзиями на реальные исторические события и конкретных лидеров российской перестройки. Их фамилии не названы, но по названию должностей, звонивших из Москвы, безошибочно угадывается даже самым не просвещенным зрителем/читателем. В то же время в характеристике «небольшой социалистической страны» на Балтийском море, почти все правительство которой за исключением министра здравоохранения, составляют иностранцы. Министра иностранных дел зовут Петрович, а министра финансов — Густав. Смешаны приметы трех, бывших, прибалтийских республик — янтарь, угорь, тминный сыр, лютеранские кирки. Не подходит под описание и не одна «страна народной демократии», несмотря на такой географический ориентир, как «шесть часов поездом — и Чехословакии либо Венгрия». Принцип заменяемости, подстановки и перестановки, о котором писал сам драматург, обыгран им во всей множественности.

Политическая драма требует от художника определенной гражданской позиции. Хотя, следует оговориться. Ни Набоков, ни Бродский никогда не пытались в манифестационной форме выразить свои гражданские приоритеты. Они позиционировали себя, только как Художники. «...у меня никогда не было ненависти, гнева, то есть гнев был, но ненависти к режиму и ко всем этим делам, в общем, не было. Или, по крайней мере, я не мог его персонифицировать. Меня губила всегда одна вещь — я всегда понимал, что это люди. Это ужасная вещь. Для борца это вещь совершенно лишняя, то есть вредная смертельно. Стало быть, я не борец. Может быть — наблюдатель. А может быть поэт» (Бродский 2000: 119).

Литература:

- БиЭ, 1903, *Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона*, т. 34, Петербург.
Бродский И., 1965, *Зофья. Стихотворения и поэмы*. Нью – Йорк.

- Бродский И., 1991, *Демократия!*. «Современная драматургия». № 3.
- Бродский И., 2000, *Большая книга интервью*. Москва.
- Бродский И., 2000, *Пейзаж с наводнением*. Санкт-Петербург.
- Витковский Е., 2014, *Россия без гражданства: литература второй волны*, в: Агеносов В. *Восставший из небытия*, Москва – Санкт-Петербург.
- Гордин Я., 2001, *Вступительная заметка к пьесе И.Бродского “Демократия!”*, «Звезда» № 1, Санкт-Петербург.
- Ермакова И., 2000, *Вступительная статья и комментарии к сборнику пьес В.Набокова*, Санкт-Петербург.
- Леви-Стросс К., 1972, *Мифологические. (I Сырое и вареное)*, в: *Мемнотика и искусствоведение*, Москва.
- Мокроусов А., 1991, *Это скорее театр подростка* (Рецензия на В. Набокова. *Пьесы*. – М., 1990.) «Современная драматургия» № 4.
- Набоков В., 1989, *Рассказы. Приглашение на казнь. Эссе. Интервью. Рецензии*. Москва.
- Набоков В., 1990, *Пьесы*. Москва.
- Тименчик Р., 1988, *Читаем Набокова: «Изобретение Вальса» в постановке А. Шапиро*. «Родник». № 10, Рига. 1988.
- Фингель В., 2011, *И. Бродский об эмиграции и свободе*, «Семь искусств» № 9 (22).
- Шаховская З., 1939, *Рассказы. Статьи. Стихотворения*, Париж.

Историческая перспектива образа мира в творчестве Николая Ульянова

Historical prospect of the image of world in Nikolai Ulianov's publications

Резюме: Николай Ульянов, выдающийся русский историк второй волны эмиграции, развивал концепции историко-юридической школы. В романе *Атосса* и статьях историк выдвигает тезис, что этносы Великой русской равнины являются автохтонами, меняя свои названия, культуру, государственно-политические образования. Географическое пространство и этническая мозаика создавали империю. Скифская, готская, гуннская империи образовали Киевское государство. Понятие *государство* не имеет для Ульянова политико-территориального значения. Роман *Атосса* является поэтическим выражением исторических взглядов Ульянова на истоки и суть существования России.

Ключевые слова: Николай Ульянов; русская эмиграция; критика русской историографии; русская историческая проза.

Abstract: Nikolai Ulianov outstanding historian of the Russian emigration elaborated concepts of historical-legal school. in the *Atossa* novel and articles he put the thesis forward, that nations of Large Russian Plain are inhabited by autochthons. They changed only their names, the culture, states and political systems. The geographical space and ethnic mosaic formed empires. Empire Scythians, Goths and Huns preceded the Kiev state. From Ulianov's perspective state doesn't have political and territorial value. The *Atossa* novel is a poetry expression historical views of Ulianov to the genesis and nature of Russia.

Keywords: Nikolai Ulianov; Russian emigration; criticism of Russian historiography; Russian historical prose.

Николай Ульянов принадлежит к довоенному поколению. Прежде чем он стал эмигрантом, прожил в СССР двадцать шесть лет. Его исторические взгляды остаются в оппозиции не только по отношению к тем историкам, которые выросли на либерально-демократической идейной почве. Ульянов схож во взглядах с такими современными русскими историками, как: Игорь Шафаревич, Владимир Большаков, Михаил Назаров, митрополит Иоанн Снычев. Специфической чертой их работ является нонмодернизм, направленный против культурного космополитизма. Новые перспективы для такой методологической постановки открыл Арнольд Тойнби, на которого часто ссылается Ульянов. Тойнби не оценивал историю данного государства согласно модернистским стандартам, но определял перспективы её развития с расчётом на соответствие с заявляемыми им ценностями. Современная историография лишилась элемента тайны, стала заранее обусловленным концептом. Весь научный труд Ульянова свидетельствует о том, что он был оппонентом этого направления.

Бросается в глаза при обозрении русской истории её парадоксальность, непохожесть на историю других стран. Хотя советской историографии

поставлено требование унифицировать ее с западноевропейской историей, но без насилия над фактическим материалом эта задача невыполнима,

— пишет в одной из своих статей Николай Ульянов (Ульянов 1981а: 150). Эта констатация поставлена им во главу угла, когда он критикует русскую историографию, в полемике с историками, в методологических рассуждениях и, прежде всего, в исторических работах. Историк поясняет свою позицию следующими словами:

Похоже, что все теории социального, государственно-политического развития, созданные на основе изучения западноевропейского исторического процесса, неприменимы к истории русской. Россия первая свергла капитализм, но капитализма в ней почти не существовало. В ней не было пролетариата, но произошла пролетарская революция. Европейские социалисты глубоко ее презирали, но именно в ней победил социализм и величайшему русофобу К. Марксу поставлен недавно памятник в Москве. Часть ее населения до сих пор живет в полуразвалившихся избах и мазанках, но она первая завоевала космос. У нее есть Пушкин, Лобачевский, Лев Толстой, Менделеев, Павлов, Глинка, Мусоргский, но она слывет варварской. Существовала в России сильная монархическая власть, но европейский абсолютизм подчеркивал свою отличную от нее природу. (Ульянов 1981а: 151).

Для осмысления взглядов Ульянова на историю России и, особенно, его полемики с преобладающими в России историософскими тенденциями, необходимо привести несколько фактов из его биографии.

Ульянов (1904–1985) был студентом Исторического факультета Петроградского (Петербургского) университета. Методологическую школу он воспринял от Сергея Платонова, семинар которого он посещал в первой половине 1920-ых годов (Базанов 2012). Оттуда и критическое отношение Ульянова к марксизму. Он преподавал историю Москвы XVI в. в Архангельском пединституте и в ЛГУ. В 1936 году он был арестован и приговорен к заключению на Соловках, потом в Норильске за «контрреволюционную деятельность и пропаганду» после публикации статьи *Советский исторический фронт*¹. Из Норильска он был освобожден до войны. В 1943 году он оказался в Германии как остарбайтер, после войны он попал в лагерь для „перемещенных лиц” (т. н. Ди-Пи)². Из Германии Ульянов выехал в Касабланку, где работал сварщиком на заводе Шварц Омон. Благодаря публикациям в «Новом Журнале» в 1953 г. Ульянов переезжает в Монреаль по приглашению профессора

¹ Впоследствии некоторые биографические сведения о советском прошлом ученого послужили поводом к несправедливым упрекам в его адрес. Только в наши дни исследователи постепенно вводят в научный оборот материалы, подтверждающие правоту Н. И. Ульянова. См. (Крыжицкий 1986: 59).

² „Перемещенные лица” (по терминологии Лиги Наций - Ди-Пи, Displaced Persons). Так назывались миллионы людей на громадном европейском пространстве в годы Второй мировой войны. В русскую литературу термин Ди-Пи впервые попал благодаря писателю-диплогу Борису Ширяеву. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/376063.html> (дата обращения: 29.09.2015). Г. В. Вернадский записал в своем дневнике: «Рассказывали м. пр. о насилиях и депортации в Украинских лагерях в Германии. Особенно ужасны бендеровцы» (Вернадский 1998: 431).

Гарвардского университета Михаила Карповича, где начинает работу над украинской исторической тематикой XVI–XVII вв. и читает лекции в Монреальском университете. Проблематику украинского сепаратизма разрабатывает под влиянием Николая Лосского. С 1956 по 1973 год Н. Ульянов работает профессором Йельского университета. В 1953 году по приглашению Американского комитета по борьбе с большевизмом Н. Ульянов стал первым главным редактором русской программы радиостанции „Освобождение” (ныне „Свобода”) в Мюнхене. Сразу появились разногласия: куратор ЦРУ М. Вильямс настаивал на том, чтобы антисоветскую пропаганду сменить антирусской. Ульянов попросил об отставке. В Нью-Хейвене Ульянов сблизился с известным евразийцем — Г. Вернадским. Результатом знакомства явился спор Ульянова с идеологией евразийства.

Я сам не оскорблен и для России не считаю оскорблением рассуждение о нашем тиранстве?? и монголизме. Если бы таковые были, ничего бы в них не усматривал удивительного. Но разговоры эти мне представляются вздорными и ненаучными. Расовый метод изучения исторических особенностей той или иной страны неубедителен для меня...

— пишет Ульянов Никитину (Письмо Н. И. Ульянова).

Николай Ульянов был талантливым писателем беллетристом. Опубликовал сборники эссе *Диптих* (1967), *Свисток* (1972), сборник статей о России и русском изгнаничестве *Спуск флага* (1979) и *Скрипты* (1981), сборник рассказов *Под каменным небом* (1970). Его исторические знания и убеждения нашли свое выражение в исторических романах *Атосса* (1952) и *Сириус* (1977).

Исторические работы Ульянова затрагивают следующие аспекты истории России:

1. Вопросы методологии изучения истории России;
2. Взаимоотношение историографии, историософии и культуры;
3. Этногенетические вопросы;
4. Критическая оценка русского исторического романа.

Особое место в историографической методологии Ульянова занимает человек. Этот аспект отличает его подход от историков-марксистов:

Объектом исторического изучения является человек — существо, резко отличающееся от предметов мертвой и всех видов живой материи. Наличие ума, воли, желаний, побуждений этического, религиозного, культурного порядка делают это явление не подводимым ни под какие «закономерности»...

— это главный методологический постулат Ульянова (Письмо Н. И. Ульянова 1956-57).

Особой проблемой, по его мнению, является вытеснение российской историографии т. н. интуитивным постижением:

Большую популярность приобрели так называемые «вольные философы» типа Бердяева, Федотова, Степуна, отказавшиеся от изучения истории и заменившие его интуитивным постижением. Устанавливали они генетическую связь между «Москвой Третьим Римом» и «Третьим Интернационалом», давшую им право объявить Россию извечным носителем идеи коммунизма и мирового господства” (Письмо Н. И. Ульянова 1956-57).

Основоположником этой традиции, по мнению Ульянова, является Петр Чаадаев. Историк называет его самозванцем в истории русской мысли (Ульянов 1967), ревизором русской истории. Ульянов отказывает Чаадаеву в оригинальности, он копирует: Жозефа де Местра, Бональда, Балланша, Ламетри и Иоганна Юнга-Штиллинга.

Петрашевский, Белинский, Герцен, Огарев и другие русские интеллигенты, по мнению Ульянова, занимались затмением образа русской истории, выдавая себя одновременно за пророков. Они давали ложные диагнозы, которые якобы вытекали из закономерностей русской истории. Все это Ульянов называл утопическими грезами (Ульянов 1967).

Две статьи Ульянова: *Ignorantia est* и *Басманный философ* в сущности предваряют дискуссию на тему глобализации, ее идеологии и практики.

Ульянов утверждает также, что ошибаются те, кто в России старается подражать Европе. Европейские дороги государственно-политического и социального развития тесно связаны с историей Западной Европы и неприменимы к русской истории.

Более 400 лет тому назад возникла идея недопущения России к благам цивилизации. Хорошо известно дело Ганса Шлитте, завербовавшего в 1547 г., по поручению Ивана Грозного, свыше 120 специалистов на русскую службу — врачей, инженеров, художников, каковые не были пропущены в Россию, а сам Шлитте посажен в любекскую тюрьму. Известно также письмо польского короля Елизавете английской, упрекавшее королеву за позволение своим подданным торговать с москвитом — врагом всей Европы. В письме выражалась боязнь, что если к своей природной силе он приложит знание и технику, он станет непобедимым (Ульянов 1981а: 150).

Очернительство Руси перед Европой в средневековье вызвало, по мнению Ульянова, страх перед нею. По этой причине она с трудом приобщалась к цивилизации. Отношения России и Запада были всегда несимметричны. На этот факт повлияло положение России между Востоком и Западом:

Восток много грабил, убивал, облагал данью, уводил в плен, но делал это по корыстным, хищническим побуждениям. Яда ненависти в нем не было. Фатальнее всех катастроф, набегов и разрушений — тысячелетняя вражда Запада. Она едва ли не унаследована от Рима, рассматривавшего все не включенное в границы империи, как враждебное римскому миру. В V

веке Галлию наводнили франки и бургунды, ничуть не менее дикие, чем скифы, но с ними сравнительно быстро примирились. Тот же Сидоний морщился, делал брезгливую мину, подсмеивался над их варварством, но не отзывался так беспощадно, как о жителях нашей страны, которых он в глаза не видал. Из его восклицаний о «затверделых сердцах этих зверских и суровых народов», об их «ледяных нервах», о «безумных вспышках их зверского и дикого невежества» можно заключить о существовании на заре средневековья пугающей легенды относительно востока Европы (Ульянов 1981: 150 А).

Ульянов, стараясь объяснить специфику Российской империи, обращается к ее истокам. Ранняя история этого геополитического организма доказывает, что полиэтническое создание меняло власть, строй, культуру, но само оставалось геополитически единым. Ульянов ссылается на работы т. н. историко-юридической школы. Ее ранними представителями были: Борис Чичерин, Константин Кавелин. Сергей Соловьев. Они были убеждены в самобытности русской истории и старались это доказать. Чичерин наряду с Соловьёвым и Кавелиным обосновывал решающую роль государства в русской истории. Кавелин критиковал русскую историографию за неоригинальность: „Множество «взглядов на русскую историю» брошено, множество «теорий русской истории» построено... На древнюю русскую историю смотрели с точки зрения истории всех возможных восточных и западных, северных и южных народов, и никто её не понял, потому что она в самом деле не похожа ни на какую другую историю” (Кавелин 2010 : 251). Убедительны для Ульянова были также взгляды более поздних представителей этой школы — Сергея Соловьева, который утверждал, что в жизнь народа вводилась сверхъестественная сила, действовавшая по своему произволу (Соловьев 2015). Второй представитель — Александр Градовский подчеркивал древнее существование государственности на этой территории, что обусловило призвание Рюриковичей (Плященко 2015).

Во многих других аспектах взгляды Ульянова на историю России и вышеупомянутых ученых различаются.

Личность Ульянова интересна тем, что его исторические, публицистические и беллетристические труды в своей жанровой разновидности дополняют друг друга. Особенно заслуживает внимания выражение исторических убеждений на страницах исторического романа. Свои взгляды на тему этого жанра Ульянов высказал в статье *Об историческом романе*. Включается она в дискуссию на тему кризиса современного искусства. Современный роман потерял черты эпоса и потому потерял интерес к истории — замечает писатель: „Историческое чувство существует с незапамятной древности, только в ранние времена его трудно бывает отделить от легенды и мифа. О XIX веке, напротив, можно сказать, что это чувство у него притупилось, несмотря на блестящее развитие исторической науки” (Ульянов 1981б: 45). Историческая тематика обуславливает жанровые качества: „Исторический материал, лежащий в основе повествования, можно уподобить радиоактивной урановой руде. Он сам по себе обладает эстетическими свойствами” (Ульянов 1981б: 45). Суть понимания значения прошлого для современных, а также причину, для которой Ульянов чувствовал

потребность в дополнении своих исторических научных работ исторической беллетристикой, находим в следующих его рассуждениях: „В истории нет будней. Будни прошлого – праздник для нас. (...) Таким же волшебством наделен всякий предмет, дошедший до нас от далекого прошлого” (Ульянов 1981б: 47). В прошлом заложены начала современного, в них скрывается *логос* — правда мира.

Примером попытки раскрыть тайны этой правды при помощи образа далеких исторических событий является исторический роман Ульянова *Атосса*, в котором на широкий эпический простор возносит он архетип России — деяния древних скифов³. Поход персидского царя Дария в Скифию в конце шестого века до Рождества Христова является метафорой попыток захвата России Карлом XII, Наполеоном и Гитлером. Тактика заманить врагов вглубь незнакомой степи, придуманная скифским королем Скопасисом, напоминала тактику Петра I и Кутузова, и повторилась во время Отечественной войны. Ульянов сопоставляет три цивилизационных начала: воинственно-имперское персов, рациональное — греков и пространственно-стихийное — скифов. Милетиец — Никодимос (гр. победитель народов) усматривает в скифах единственную надежду на спасение эллинов от персов:

Наша отчизна погибнет из-за безукоризненно правильного умения мыслить. Это те же скифы. Они многочисленны, как степная трава” (Ульянов 1952: 14)⁴. Дарий охарактеризован как одержимый безумной идеей: „Он хотел их вести против неизвестного народа, места обитания которого никто не знал. Милетский тиран Гистиэй (предупреждал): Ты идешь, царь, в страну, о которой мир до сих пор ничего не знает. Известно лишь, что она необъятна, как море, и такая же пустынная” (с. 19).

Для Никодима — питомца греческой культуры, который привык мыслить используя категории пространства эти же обстоятельства являются источником надежды на победу над персами. Могущество воинской силы Дария автор противопоставляет таинственному пространству, в котором скрывается загадка Вселенной — предел земли. Кто постигнет эту тайну, станет богом. „Там начинается непроглядный мрак, в сгустках которого зарождаются звери и чудовища. Раз в несколько столетий оттуда выходят многочисленные народы, потрясающие вселенную” (с. 59).

Скифская степь изображена Ульяновым как необозримый храм, предназначенный для великих действий: „Ничто мелкое и пошлое не может произойти на такой земле. Блаженно всё живущее в этой обители пространства, оно ближе стоит к тайнам мироздания, чем мы» (с. 50), — вещает Никодим. Величественность воинов Дария на тысячах лошадей, слонов, верблюдов, красовавшаяся на Босфоре, стала карликовой в пышных травах степи: „Кони и люди становились маленькими, а слоны выглядели навозными жуками. Степь травой и просторами пожирала величие его воинства” (с. 56).

³ Идея романа возникла в годы Второй мировой войны.

⁴ Далее цитирую по этому изданию, страницы указаны в скобках в тексте.

Никодим в степи начинает испытывать мистические чувства:

Никодиму казалось, что он умер и теперь вновь родился в неизвестном мире. Эллада, Милет, даже недавняя Ольвия вспоминались, как отголоски той первой жизни. Степь расстилалась пустынная, немая, но полная скрытых сил и неуловимого звучания. Всё великое в природе одарено звучанием (с. 59). (...) Никодиму на миг открывалась душа чужого мира. Он был без небес, без земли, без солнца, он состоял из полумрака и в нем звучала широкая бескрайняя песня, хватавшая за душу (с. 65).

Военный гений Скопасиса согласован с истиной степи. Непонимаемый никем, он поступает согласно этой истине: „Там, где он проходил, чернела широкая полоса в сотни стадий, лишенная всего живого” (с. 92). „Мы погибли! — говорили воины. — Нас завели в замороженное царство” (с. 97). „Дарий впадал в обольстительные грезы — видел странные существа, белые города, храмы” (с. 98).

Степь является правомерным простором-миропорядком, она лишена обманчивых признаков цивилизации. Она наделена свойствами изначально-бытийственными, отражает первобытные ценности, она всех метафизически испытывает. Герои романа исторические лица, а также степная природа. Никодим воспитан в духе греческой космической пайдеи⁵, человеческого смирения перед природой. Он единственный может осмыслить роль, какую предстоит сыграть скифам в истории. Скифы настолько отдаленные от цивилизации и древних культур, что не в состоянии понять политические намерения персов. Они связаны первобытными узам с природой, обитаемым пространством и подчиняются им почти безропотно. Связь с природой потеряли только, как более цивилизованные, земледельческие племена.

Ульянов изображает пространство согласно греческой традиции. Образ сливается с действием, его глубинным смыслом и приобретает иконическую форму. Автор описывает историческое пространство как икону. Сочетает истину события с эстетикой образа. С другой стороны, картина, вытканная разноцветным узором бытовых сцен, характерных для эпохи, напоминает персидский ковер. Благодаря мастерству писателя узор понятен и приятен современному читателю и, одновременно, исторически реален. Язык насыщен историзмами. Исторические мотивы переплетаются с образами природы. Царит в них богатство трав и цветов, насекомых, птиц и животных, сопутствуют им запахи, краски, луна, звезды и солнце. Динамичность, внушительность и впечатлительность, достигнута благодаря эстетическим приемам характерным для романтической поэмы или сонета. Близка аналогия с сонетами Адама Мицкевича *Акерманские степи*. Многие фрагменты романа можно определить как поэтическую прозу, а жанр всего романа назвать исторической поэмой. Во многом он напоминает эпос с такими его чертами, как: метафизический образ событий, персоналистское изображение героев, конфликт мировоззрений,

---

⁵ Пайдея – гр. система образования в древнегреческой культуре. Ее цель – ознакомление с истиной Космоса, элементом которого является человек.

символическая роль персонифицированной природы. *Атосса* является историческим эпосом гомерического типа. В купели событий, в космическом пространстве герои выполняют цель своего существования либо, в противостоянии ему, погибают.

Эстетику исторического романа Ульянов противопоставлял научной методологической манере современной историографии. В статье *Об историческом романе* он старается доказать, что включение истории в разряд научных дисциплин, применение методологии естественных наук к гуманитарным наукам, царствование реалистической прозы в литературе, все это, по его мнению, противоречит сути исторического романа: „Исторический материал, лежащий в основе повествования (...) сам по себе обладает эстетическими свойствами. Перед историей вежливо раскланялись, но слов для нее не нашли. Прежде чем стать наукой, история была поэзией” (Ульянов 1981б: 59).

В работе *Спуск Флага* Ульянов доказывает, что современная историческая наука в отношении предыстории русских земель не сумела правильно объяснить смену государственных образований, аргументируя ее переселением народов. Исследователь защищает гипотезу, что народы Великой русской равнины являются автохтонами. Кроме, упомянутых выше, ученых „историко-юридической школы”, на которых ссылается Ульянов, эту точку зрения разделяет также польский историк Генрих Пашкевич (Paszkiwicz 1998). Как Ульянов, так и Пашкевич цитируют фразу краковского епископа Матвея из его письма к Бернарду Клервосскому от 1153 года: „Рутения велика, как бы другой мир земной, а народ русский по несчетному количеству подобен созвездиям”. Москва росла не как великорусское, но как многонациональное государство. „России чисто русской никогда не существовало”, — замечает Ульянов (Ульянов 1979 : 69; Paszkiwicz 1998 : 233).

Уже тогда, в 1979 году, Ульянов писал, что многонациональность на Западе считается чем-то вроде „утопии”, существующей вопреки историческим законам. Все империи распались: Британская, Австрийская, Турецкая, „...а русская «утопия» — значительно старше их по возрасту — стоит” (Ульянов 1979: 69). Потому слышны призывы к ее расчленению. Историк доказывает также, что небольшие нации, входившие в состав Российской империи, преследовали имперские амбиции. Ссылаясь на источники, приводит пример проекта панфинской державы от Ботнического залива до Тихого океана и от Белого моря до Черного; „Великой Эстонии” до Китайской стены и заговор Султан-Галиева с казанскими татарами, целью которого было возрождение державы в границах Золотой Орды. То же самое касалось проектов „Казакии” и „Незалежной Украины” от Карпат до Каспия, от Волги за Урал. „Доминировал не этнографический, а геополитический принцип”, — констатирует Ульянов (Ульянов 1979 : 69).

Проблема полиэтничности России является центральным вопросом в исследованиях Ульянова. Ему посвящает он наиболее известную работу — *Происхождение украинского сепаратизма* и ряд статей.

Политическая игра национальным вопросом, по мнению Ульянова, может оказаться роковой. Попытка расчленения россиян может сделать их непримиримыми из-за простого чувства самосохранения, — пишет он в 1979 г., — если половина окажется вдруг за границей. „Можно ли, например, представить себе, чтобы русский

язык, русская печать и русские школы были допущены в будущей «незалежной Украине» независимо от того, будет ли она бандеровская или григорьевская? Наш народ поэтому вынужден грудью встать на защиту собственного существования” (Ульянов 1979 : 69). Опыт Ульянова, как русского эмигранта и внимательного наблюдателя мировой политики, проявился в убеждении, что Запад при помощи антикоммунистической идеологии стремится не к свержению большевизма, а к расчленению России.

Итоги

Позиция Ульянова, выраженная в его романе, журнальных статьях и научных трудах, устойчива. Он старается доказать, что Россия это особое пространство, единство которого зависит не от типа правления или государственного устройства, но от специфики природно-географической среды, живущих в ней людей и цивилизации, создаваемой ими в этих условиях. Роман *Атосса* является поэтическим выражением исторических взглядов Ульянова на истоки и суть существования России. В их основе лежат достижения современной археологии, палеоэтнографии и лингвистики. Эти науки доказывают, что: „Не экономика и классы создавали государство, сколько государство создавало и поныне создает нужную ему экономику и классы” (Ульянов : 2001). В своем романе и статьях историк выдвигает тезис, что этносы Великой русской равнины являются автохтонными, меняя свои названия, культуру, государственно-политические образования. Географическое пространство и этническая мозаика создавали империю, власть была внешним стимулом развития. С дохристианских времен на этой территории образовались только крупные государства. Ульянов, ссылаясь на четвертую книгу Геродота, перечисляет: скифов, сарматов, готов, гуннов — хозяев упомянутой территории. В их государственных образованиях усматривает прошлое Российской империи. „Начальная русская летопись, в согласии с Геродотом, называет сидевших «по Днепру до моря» уличей и тиверцев — скифами («Великая Скуфь»). «И суть грады их и до сегодне». Имея своей южной границей берега Черного и Азовского морей, «Великая Скифия» терялась в лесах Севера”⁶. (Ульянов : 2001). На рубеже IX и X веков варяги присоединяют хазарские владения и тогда земли, входившие некогда в скифскую, готскую, гуннскую империи, образуют Киевское государство. „Родилась и формировалась наша страна под знаком не национальным, а государственным. В этом ее отличительный признак. Уже во II — IV веках нашей эры, в период готского владычества, видим ясно выраженное государство, охватывавшее пространство не только от Дуная до Волги, не только Крым, но и земли русского Севера до олонецких и беломорских дебрей” (Ульянов: 2001).

Понятие *государство* не имеет для Ульянова политико-территориального значения. Ни готы не распространяли на скифо-сарматскую державу своей

---

⁶ „В.А.Городцов вскрыл скифские корни древнего русского искусства. В лице того же В.А.Городцова, Л. Диннеса, Н. Кондакова, А. Бобринского, А. Рыбакова археология установила генетическую связь древних славянских культов со скифскими верованиями” (Ульянов 1979 : 63).

государственной системы, не делали этого также варяги, ни татаро-монголы. Они вошли в готовую систему и стали ее движущей и преобразовательной силой. К этой мысли Ульянова следует добавить еще один немаловажный элемент: такой ведущей преобразовательной силой для варяжской Руси было влияние Византии. Византия создала мощный пространственный союз, не имеющий ничего общего с государственными границами. Хотя Ульянов не уделяет внимания этой проблеме, то участие Византии в истории „скифо-русского” пространства подтверждает описанную им закономерность. Эсхатологическое начало, какое в Римскую империю внесла Византия со времен Константина, было основано, прежде всего, на идее христианской парусии. Но обитатели восточного эллинизированного Рима укоренили ее в пространстве завоеванном Александром Великим. Оно было культурно подготовлено к пришествию Христа. Византийская историография (Георгий Амартол, Иоанн Малала) подчеркивала генетическую связь между Империей Александра и христианской византийской Империей, собравшей в одно уже Александром культурно подготовленное, но теперь ставившее перед собой эсхатологическую цель, пространство. Ульянов не упоминает о роли мессианства в русской культуре, однако трудно не заметить аналогию, в общих чертах, между историческим значением, какое он и византийская историография придают пространству.

Литература:

- Базанов П.Н., 2012, *Историк Н. И. Ульянов*, „Новый Журнал” 2012/ № 269, URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2012/269/b20.html> 2015, (дата обращения: 29.09.2015)
- Вернадский Г.В., 1998, *Русская историография*. Москва.
- Кавелин К., 2010, *Русский национальный интерес*, Москва.
- Крыжицкий С.П., 1996, *И. Ульянов*, в: *Отклики*, Нью Хейвен 1986, 59 с.
- От редакции*, в: Ульянов Н.И., *Атосса*. URL: <http://fanread.ru/book/6556597/?page=1> (дата обращения: 29.09.2015).
- Письмо Н. И. Ульянова В. П. Никитину от 16 сентября 1956 г.*, в: BAR V.P. Nicitin Papers. Vol.1. Files: *Переписка Н.И. Ульянова с В.П. Никитиным*, Нью-Йорк, 1956–1957 гг. 1 л. об.
- Плященко Т.Е., 2015, *Политические и исторические взгляды А.Д. Градовского, Диссертации по гуманитарным наукам*, <http://cheloveknauka.com/politicheskie-i-istoricheskie-vzglyady-a-d-gradovskogo#ixzz417ZxvTMs>, (дата обращения: 29.09.2015).
- Соловьёв С.М., 2015, *О Петре Великом*, <http://www.bibliotekar.ru/solovyev/1.htm>, (дата обращения: 29.09.2015)
- Ульянов Н.И. 1952, *Атосса*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова. URL: <http://www.twirpx.com/file/1219762/> (дата обращения: 29.09.2015)
- Ульянов Н.И., 1967а, *Басманный философ (Мысли о Чаадаеве)* в: *Диптих*, Нью-Йорк, URL: <http://oboguev.narod.ru/images/niubas.htm>, (дата обращения: 29.09.2015).
- Ульянов Н.И., 1967б, *Ignorantia est*, в: *Диптих*, Нью-Йорк. URL: <http://oboguev.narod.ru/images/niubas.htm>, (дата обращения: 29.09.2015).

- Ульянов Н., 2000, *История и утопия*, «Московский журнал» от 01.01.2000, <http://rusk.ru/st.php?idar=800252>, (дата обращения: 29.09.2015).
- Ульянов Н.И., 1981а, *Исторический опыт России*; в: *Скрипты*, Ann Arbor, Michigan: Эрмитаж, http://www.belousenko.com/books/ulyanov_n/ulyanov_skrity.htm, (дата обращения: 29.09.2015)
- Ульянов Н.И., 1981б, *Об историческом романе*, в: *Скрипты*, Ann Arbor, Michigan: Эрмитаж, URL: http://www.belousenko.com/books/ulyanov_n/ulyanov_skrity.htm, (дата обращения: 29.09.2015)
- Ульянов Н.И., 1979, *История и утопия*, в: *Спуск флага*, New York, http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/ulyanov_spusk_flaga_1979_text.pdf дост. 21.06.2014 (дата обращения: 29.09.2015)
- Paszkiwicz H., 1998, *Powstanie narodu ruskiego*. Kraków: Wyd. Polska Akademia Umiejętności.
- Queneta Ch., 1931, *Tchaadaev et les lettres philosophiques*. Paris.

Несиба Палибрк-Сукич,
(Городская библиотека города Панчево, Сербия)

Библиография изданий российского зарубежья в городе Панчево
— проблема учета, описания, сохранения, использования
и оцифровки.

The bibliography of Russian emigrant publications in Pančevo — the issue
of accounting, description, storage, usage and digitalisation

Резюме: В настоящей работе дана *Библиография* Библиотеки Русской колонии (БРК) в городе Панчево, разработка которой проводится в настоящее время, а также и проблемы учета, описания, сохранения, использования и оцифровки изданий российского зарубежья (эмигранты первой волны). Аббревиатура БРК — это подлинная аббревиатура, принятая с печати, при помощи которой были отмечены все книги в данном фонде. В год юбилея, празднования освобождения города Панчево от фашизма, нами обращено внимание на судьбу русской эмиграции в наступивших новых исторических обстоятельствах, и, в связи с этим, на судьбу данной библиотеки, в составе которой находятся издания российского зарубежья. Уже известно, что в настоящее историческое время многие эмигрантские библиотеки, принадлежавшие русским беженцам на территории Королевства СХС, были уничтожены (припомним историю библиотеки в Русском доме в Белграде). В составе настоящей работы нами прилагается обзор и библиографическое описание части фонда, считая его важным, т.к. это первые издания авторов российского зарубежья. Данные книги представлены в старой орфографии, именно так, как они были напечатаны.

Ключевые слова: *Библиография*, российское зарубежье, Панчево, эмигранты первой волны, издания, учет, описание, сохранение.

Summary: This study is focusing on representing the work-in-progress of the Bibliography of Russian community in Pančevo, as well the issues of recording, bibliographical descriptions, preservation, accessibility and digitalisation of publications of russian zarubezhnye (first wave of immigration). The title “BRK” is authentic, taken from the stamp which is located on all the books in this collection. In the year of jubilee, marking the victory over fascism in Pančevo, we tried to throw some light on the destiny of russian migration in new historical circumstances and, connected with that, the destiny of this library which contains the publications of russkoe zarubezhnye. It’s a common fact that in this historical moment, many immigrant libraries, owned by Russians in the Serbian Kingdom, were destroyed (like for example the library of Ruskiy Dom in Belgrade). In this study we included the bibliographical description of one part of fundus that we found significant — the first publications of the authors of zarubezhnye. List is given in old ortography, in the way the publications were printed.

Keywords: Bibliography, immigrants of the first wave, publications, recording, description, digitalisation, preservation, russian zarubezhnye, Pančevo.

Наш труд и работа исследования судьбы русской эмиграции в Панчево, продолжавшиеся более десяти лет (Палибрк-Сукић 2005), берет свое начало с описания Библиотеки Русской колонии. Данная ценная библиотека нами была

обнаружена в складских помещениях (заброшенная более пятидесяти лет) Городской библиотеки в г. Панчево. Речь идет об изданиях российского зарубежья, (первая волна русской эмиграции). Книги тогда были вынесены на свет и описаны в каталоге (на пишущей машинке), т.к. в нашей библиотеке в это время не создавалась электронная база данных. Предполагается, что данная библиотека оказалась в нашей библиотеке после входа Красной армии в Панчево, 6 октября 1944 года. В момент празднования семидесятой годовщины победы над фашизмом, мы не можем не обратить внимания на эти исторические события, в особенности потому, что они непосредственно связаны с нашими исследованиями истории русской эмиграции и судьбы сохранения изданий российского зарубежья в городе Панчево (Библиотеки БРК).

Наш город располагается на устье реки Тамиш в Дунай, под Белградом, и он был освобожден от фашистской оккупации 6 октября 1944 года. Красная армия недолго оставалась в Панчево — с возгласом «на Берлин.!»), перемещаясь в направлении Белграда — через три дня после освобождения города она покинула Панчево. Уже 20 октября был освобожден Белград (Свирчевич 1977: 94). Появление Красной армии и освобождение города Панчево привело к изменению политической системы в Югославии. Русская колония, которая по своему значению занимала место после Белграда и Нови Сада, прекращает существовать, как организованное сообщество. В результате, были сокращены все виды материальной помощи русским эмигрантам, русским учреждениям и организациям (Палибрк-Сукич 2005: 21-28). После двадцати лет спокойной жизни в Королевстве СХС, русская эмиграция снова встретила со своим идеологическим противником, и многим русским пришлось покинуть свою новую родину. По данным работ Андрея Тарасьева это была одна треть русского населения (Тимофеев 2009: 272-302). Русская эмиграция перестала существовать, как самостоятельная социальная и культурная группа, а оставшиеся русские были подвергнуты ассимиляции.

В это время исчезают и все русские источники о русских эмигрантах в нашем городе. Исчез архив Правления русской колонии и архив Русского санатория. В результате, в своей работе мы должны были обратиться к сербским источникам, сербской печати и Историческому архиву города Панчево. Каждое правило имеет свои исключения, и каким-то чудом Библиотека Русской колонии сохранилась в складских помещениях Городской библиотеки. Известно уже, что в создавшихся исторических обстоятельствах были уничтожены многие эмигрантские библиотеки, находившиеся в распоряжении русских в Королевстве (вспомним только библиотеку в Русском доме в Белграде). О данном фонде книг мы писали несколько раз, в нашем журнале "Читалиште", не один раз мы давали разборы интересных публикаций. Вполне понятно, почему данная библиотека так долго ждала своего описания и обработки. Причины несут идеологический характер, и только после политических перемен и демократизации общества (в начале 2000-ых), мы смогли приступить к исследовательским работам, и изучить вопрос русской эмиграции в культурной истории нашего города. Следует сказать, что работы начались с довольно большим опозданием, что затрудняло нашу задачу. Многие источники уже уничтожены, события забыты, но Библиотека, все-таки, сохранилась. Официальное название данной библиотеки — Библиотека русской колонии — принято на основании печати, которой

книги были отмечены. На некоторых книгах были обнаружены и печати Русского санатория, но мы пока не можем достоверно подтвердить существование там отдельной русской библиотеки.

Интересно, что в двух томах сохранился подлинный каталог книг Библиотеки русской колонии. Один из томов датирован октябрём 1940 года, другой без даты. На основании этого можно прийти к выводу, что в библиотеке имелись два отделения — Общее и Отделение классиков (вместе со школьным). В каталоге указаны авторы, названия книг и числа по порядку их учета в библиотеке.

В настоящем труде мы обратим свое внимание на проблему учета, описания, сохранения, использования и оцифровки настоящего ценного фонда книг. Для этого мы приступили к составлению *Библиографш*, и, одновременно, к разработке электронной базы данных в программном обеспечении *BISIS*, в котором в нашей библиотеке обрабатываются все материалы, в результате чего книги БРК можно найти и в электронной базе наших данных по автору, названию, учетному номеру и ключевому слову.

В Библиотеке имеется 1097 книг. Каталогной обработке было подвергнуто 962, 135 книг повреждено (они без обложек и титульного листа, в связи с чем требуется проведение более серьезных исследований). Кроме изданий российского зарубежья, в Библиотеке русской колонии имеется и определенное количество книг, напечатанных в XIX и в начале XX веков в России, которые, очевидно, были привезены русскими эмигрантами из России. В фонде Библиотеки важное место занимают периодические публикации. Эти журналы и газеты не являются комплектными, но можно найти периодические издания российского зарубежья, напечатанные в Париже, в Софии, в Праге, в Берлине и в Белграде. Обзор периодических изданий в БРК подробно был описан в работе *Библиотеке руске емиграције у Јужном Банату* (Палибрк-Сукић 2011: 3-6), поэтому теперь приводим только заглавия, имеющиеся в нашей коллекции. Детальное библиографическое описание дано в упомянутой *Библиографши*.

«Архив русской революции»; «Русский Колоколь»; «Морской журнал»; «Современные записки»; «Русская летопись»; «Русская мысль»; «Двуглавый орель»; «Жар-Птица»; «Числа»; «Струги»; «Война и мир»; «Вестник Манчжурии»; «Софија»; «На чужой стороне»; «Крестьянская Россия»; «Родное Слово» «Историк и современник» «Смена вех» «Русский экономический сборник» «Луч света», «Окно» «Нива»; «Чугуевцы»; «Записки Русского научного института в Белграде»; «Военный сборник»; «Югославия. История. Политика. Культура»; «Русская культура».

Панчево отсутствует в списке городов, в которых издавались русские эмигрантские книги. В Королевстве СХС (Югославии) это были города Белград и Нови Сад. В нашей библиотеке имеются следующие белградские издатели: *Издательская комиссия; Всеславянский книжный магазин; „Новое время”; Святослав; Издание „Царскаго Вѣстника”; П. Казамаров; Издание листа „Слово”; Издательство М.А. Суворина „Новое Время”; Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы; издание Гл. Правления О-ва Галлиполійцевъ; издание объѣдинения русскихъ организаций „Дня Русской культуры”; Книжный Кружокъ; издание Русской во имя Св. Троицы церкви; издание Общества*

памяти Государя Императора Николая II; Издание Комитета по устройству торжественного празднования дня Св. Владимира; Просвѣтительный Комитетъ Союза Русскаго Сокольства.

Из новисадских, это: *Русская Типографія С. Филонова; Святославъ; Изданіе Православно-Мисионарскаго Объединенія „За Церковъ“; издание членов Флорентинскаго прихода.*

Для нашего исследования судьбы Русской эмиграции большое значение имеют публикации, напечатанные в Панчево: *Руско-југословенски алманах / уредио Владимир Мошин. Панчево, 1934, и Панчевскій госпиталь-санаторій : Р. О. К. К. въ Королевстве Югославія: 1920-1930. Панчево, 1930.*

Поводом опубликования русско-югославского сборника в Панчево в 1934 году является поддержка строительства часовни русского царя Николая II. *Руско-југословенски алманах* вышел на сербском языке, и в нем помещены работы русских и югославских авторов, ученых, писателей и поэтов. Он был посвящен идеям панславизма и всеславянской взаимности, которая в начале XX века выступает на первый план, когда огромное количество русских эмигрантов, интеллектуалов оказалось среди югославского общества, в результате чего идея объединения южных славян, во главе с мощной великой Россией, проявляет свое подтверждение в учреждении Русско-югославского сообщества в Панчево (Палибрк-Сукич 2013: 137-144).

Публикация о Русском санатории посвящается десятилетнему юбилею работы Русской больницы. Она написана на двух языках, проиллюстрирована множеством фотографий, и появилась на свет в издательстве самого санатория. Она является важным источником информации о работе этого важного учреждения.

Исследования нашего фонда подтверждают, что центрами российского зарубежья были города Берлин и Париж. В нашей библиотеке находятся берлинские издатели: „Слово“; „Нева“; „Книгоиздательство писателей“; „Издательство И.П. Ладыжникова“; „Московское книгоиздательство“; „Русское Универсальное Издательство“; „Библиофил“; „С. Ефронъ“; „Огоньки“; „Мѣдный всадникъ“; „Эпоха“; „Polyglotte“; „Парабола“; „Рус. творчество“; „Издательство Ольга Дьякова и Ко.“; „Изданіе Гуго Штейница“; „Мысль“; „Издательство З. И. Гржебина“; „Петрополис“; „Изд. И.Т. Благова“; „Возрожденіе“; „Дѣтинецъ“; „Обелиск“; „Отто Кирхнеръ и Ко“; „Издательство писателей“; „Сибирское книгоиздательство“; „Изданіе Т-ва Гликсманъ“; „Грани“, „Книга и сцена“; „Заря“; „Геликонъ“; „Издательство В. Сіяльскій и А. Крейшманъ“; „Новые писатели“.

Париж: „Concorde“; „Франко-русская печать“; „Северъ“; „Изданіе военно-морского союза“; „Русская земля“; „La renaissance“; „Дом книги“; „Jacques Povolozky & C“; „Русскія Записки“; „УМСА PRESS“; „Складъ и издательство Е. Сіяльско“; „Русское книгоиздательство Я. Половоцкаго и Ко.“; „Imp. Presse Franko-Russ“; „Изданіе Т-ва „Н.П. Карбасниковъ“; „Возрожденіе“; Издательство „Ростиславовъ и Ко.“; „Старина“; „Долой зло“; Издательство „Новые писатели“.

Другие издатели в нашей библиотеке это:

Рига: „Изданіе М. Дидковскаго“; „Граматы Драугъ“; „Мир“; „Литература“; „Вальтерс и Рапа“; „Саламандра“.

Прага: „Хутор”; „Пламя”; „Славянское издательство”; „Типография Грюнхут и Ко”; „Воля Россій”; „Скитъ”;
Вѣна: „Русь”; Книгоиздательство „Дѣтинець”;
Варшава: "За свободу"; "Добро"; "Издание Н. М. Аншелевича"; „Rossica”;
Софія: „Россійско-Болгарское Книгоиздательство”; „Русь”; „Зарницы”;
Харбинь: „Книгоиздательство М. В. Зайцева”;
Бѣлая Церковь: „Православно-Миссионерское Книго-издательство С. Х. С”;
Стокхольмъ: „Сѣверные огни”;
Кршко: „Т. д. Миганъ Ауманъ & К”;
Ревель: „Библиофиль” ;
Мюнхен: „Издательство Милавида”; "Мѣдный Всадник" ;
Нью Йорк: „Издание Перваго Русскаго Издательства въ Америкѣ”;
Таллин: „Русская книга”.

Библиография данного фонда изданий русского зарубежья (на котором мы все еще работаем) содержит предисловие на сербском и русском языках, библиографическое описание монографических и серийных публикаций по международным ISBD(M) и ISBD(S) стандартам, которые нами были применены по рекомендации Национальной библиотеки Сербии. Библиография содержит также реестры, а именно именной, заглавный, реестр издателей и типографий, хронологический и связный реестр публикаций. Одновременно проводится составление электронной базы данных, электронного каталога в программном обеспечении BISIS. Оцифровка находится на этапе подготовки, приобретено все необходимое оснащение, в результате чего заинтересованные читатели и исследователи могут использовать подлинные материалы, располагающиеся в Отделении научной работы и внутренней выдачи книг.

К настоящей работе прилагается обзор библиографического описания одной части данного фонда, считая ее очень важной, так как, это первые издания авторов российского зарубежья. Обзор представлен по старой орфографии так, как публикации были напечатаны. В данном обзоре исключены издания русских классиков, переводы произведений мировой литературы на русский язык, которые тоже были изданы в период между двумя войнами в перечисленных типографиях. Исключены также издания, вышедшие в России. Исключенные в обзоре книги, конечно, описаны в упомянутой *Библиографии*.

Литература:

- Свирчевић Р., 1977, *Ми вас нећемо заборавити*. Панчево.
Палибрк-Сукић Н., 2005, *Руске избеглице у Панчеву: 1919-1941*. Панчево.
Тимофеев А. Ю., 2009, *Русская эмиграция в годы Второй мировой войны*, в: *Русские в Сербии*. Београд.
Палибрк-Сукић Н., 2011, *Библиотеке руске емиграције у Јужном Банату*, в: *Панчевачко читалиште*. Панчево.
Палибрк-Сукић Н., 2013, *Русско-југославски алманах Издание Русско-југославскогo сообщества в г. Панчево*, в: *Русское зарубежье и славянский мир*. Сост. П. Буњак. Београд.

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Адамова, К.* Сказки Лѣсника Трифона. Krško, 19??
Алдановъ, М. А. Бѣгство. Берлинъ, 1932.
Алдановъ, М. А. Заговор. Берлин, 1927.
Алдановъ, М. А. Юность Павла Строганова и другія характеристики . Бѣлградъ, 1934.
Алдановъ, М. А. Святая Елена маленькій островъ . Берлинъ, 1926
Алдановъ, М. А. Современник. Берлин, 1928.
Алексѣевъ, Г. Мертвый бѣгъ . Берлинъ, 1923
Алексѣевъ, Г. Обреченная : девятнадцати писемъ женщины : повести и рассказы Л. Борисов, Леонидъ Грабарь, А. Долгихъ, Вѣра Ибнер, Н. Огневъ, Петръ Павленко, Пантелеймонъ Романовъ, Дмитрій Стоновъ. Рига, 192?
Акаемовъ, Н. Какъ научиться по сербски : сербская грамматика со словаремъ русско-сербскихъ омонимовъ = српска граматика за Русе с ријечником српско-русских омонима. Мостар, 1921
Акинтіевскій, Ю. К. Сокольство. Прага, 1922.
Аксаков, С. Т. Семейная хроника . Вѣна, 1922.
Аксаков, С. Т. Семейная ; Воспоминанія. Берлинъ, 1921.
Арцыбашевъ, М. Дикіе. Берлинъ, 1923.
Арцыбашевъ, М. Записки писателя. Варшава, 1925
Арцыбашевъ, М. Санинъ. Berlin, 1921.
Амфитеатровъ, А. Вчерашніе Предки : романъ въ пяти частяхъ . Новый Садъ, 1928-193.
Амфитеатровъ, А. Заря русской женщины. Бѣлградъ, 1929
Амфитеатровъ, А. Зачарованная степь. Ревель, 1921
Амфитеатровъ, А. Лиляша. Рига, 1928.
Амфитеатровъ, А. Марья Лусьева. Рига, 1928
Амфитеатровъ, А. Мечта. Берлинъ, 1922.
Амфитеатровъ, А. Русскій попъ XVII вѣка. Бѣлградъ. 1930.
Амфитеатровъ, А. Рассказъ присяжнаго повѣреннаго. Шанхай, 1936
Аниморъ, Н. Пѣсни запоздалыя. Берлинъ, 1919.
Андреевскової, С. А. Книга о смерти. Ревель ; Берлинъ, 19??
Апанасенко, Г. П. Нация, 1939 (Белая библиотека)
Арбатовъ, З. Ю. Таня Вѣтрова. Парижъ, 1928.
Арцыбашевъ, М. У послѣдней черты. Рига, 1931.
Афанасьев, Н. Русскія дѣтскія сказки. Берлинъ, 1921.
Ахматова, А. А. Четки. Берлинъ, 19??
Айхенвальд, Юлий. Силуэты русских писателей. Берлинъ, 1923.
Бальмонт, К. Д. Въ Раздвинутой Дали. Бѣлградъ, 1930.
Бальмонт, К. Д. Воздушный путь. Берлинъ, 1923.
Бальмонт, К. Д. Подъ новымъ серпомъ. Берлинъ , 1923.
Бѣлогокскій, Н. Тринадцать щепокъ крушенья . Берлинъ , 1929.
Бѣлый, А. Петербургъ. Берлинъ, 1922.
Бѣлый, А. Серебряный голуб, 1922.
Бѣляев, Ю. Д. Барышни Шнейдеръ. Мюнхень, 19??
Бергъ, В. ф. Последніе Гардемарины : Морской Корпусъ. Парижъ, 1931.
Берзинъ, Ю. 100% любви, разгула и спекуляціи. Рига, 192?
Бестѣда Преп. Серафима Саровскаго съ Мотовиловымъ, о цѣли христіанской жизни. - Бѣлая Церковь, 1929.
Блок, А. Стихотворенія. Берлинъ, 1922.

- Болотовъ, А. В.* Святые и грѣшныя. Парижъ, 1924.
- Бразоль, Б. Л.* Миръ на перепутьѣ. Бѣлградъ, 1922.
- Бостуничъ, Г.* Правда о Сионскихъ протоколахъ. Митровица (Сремская), 1921
- Брейтман, Г. Н.* Кафешантан. Berlin , 1929 .
- Брейтман, Г. Н.* Сверхъестественное происшествіе любовное приключеніе и др. рассказы. Берлинъ, 1921.
- Брешко- Брешковскій, Н. Н.* Албанская сирена . Бѣлградъ , 1927.
- Брешко- Брешковскій, Н. Н.* Голубой мундиръ. Рига, 1930.
- Брешко- Брешковскій, Н. Н.* Демонъ Пустыни. Рига, 1926.
- Брешко- Брешковскій, Н. Н.* Дикая дивизія . Рига, 19??
- Брешко- Брешковскій, Н. Н.* Мстители. Софія, 1926.
- Брешко- Брешковскій, Н. Н.* На золотомъ тронѣ. Бѣлградъ, 1925.
- Брешко- Брешковскій, Н. Н.* Ночи Варшавы. - Рига, 1927.
- Брешко- Брешковскій, Н. Н.* Предатели. Петроградъ, 1916.
- Брешко- Брешковскій, Н. Н.* Принцъ и танцовщица . Рига, 1927.
- Брешко- Брешковскій, Н. Н.* Сбѣжавшій Каторжникъ . Рига, 1927.
- Брешко- Брешковскій, Н. Н.* Царскіе брилліанты. Парижъ, 1921.
- Булгаковъ, М. А.* Дни Турбиных. Paris, 1927.
- Булгаковъ, С. Н.* На пиру боговъ. Софія, 1921.
- Бунинъ, И. А.* Граматика любви. Бѣлградъ, 1929.
- Бунинъ, И. А.* Крикъ. Берлин : Слово, 1921.
- Бунинъ, И. А.* Митина Любовь. Париж, 1925.
- Бунинъ, И. А.* Роза Герихона. Берлинъ, 1924.
- Булгина, З.* Волчій логъ. Рига, 1927.
- Буровъ, А. П.* Земля въ алмазахъ. Берлинъ, 1934.
- Бутковская, Р. Я.* Карьеристика безъ карьеры. Варшава, 1930.
- Бюа, генераль.* Германская армія въ періодъ войны 1914-1918 : расцвѣтъ и упадокъ маневры по внутреннимъ операціоннымъ линиямъ. Париж ; Нанси, 1922.
- Вилліамсъ, В.* Письмо кайзера. «Жизнь и культура», 1923.
- Валантинъ, А. А.* Послѣдніе студенты. Берлинъ, 1922.
- Велимирович, Н.* Война и Библия. Нови Сад, 1940.
- Вербицкая, А. Н.* Ключи счастья. Рига, 19??.
- Вербицкая, А. Н.* Покинутый. Рига, 1926 .
- Вергунскій, Г.И.* Мученія правды. Новый Садъ, 1925.
- Ветлугинъ, А.* Авантюристы гражданской войны. Парижъ, 1921.
- Ветлугинъ, А.* Записки мерзавца. Берлинъ, 1922.
- Ветлугинъ, А.* Послѣдыши. Берлинъ, 1922.
- Вергунскій, Г. И.* Прекрасная Елена. Новый Садъ, 19??.
- Витте, С. Ю.* Воспоминанія. Берлинъ, 1922.
- Возбудители раскола.* Издательство Светлейшего Князя М. Горчакова «Долой зло». Парижъ, 1927.
- Волжанинъ, О. А.* Исторія одной жизни. Парижъ, 1933.
- Волконскій, С.* Мои воспоминанія. Мюнхен, 1923.
- Волконскій, А. М.* Историческая правда и украинофильская пропаганда. Туринъ, 1920.
- Волковскій, Л. Д.* Детскій миръ в числах : для начальныхъ школ : первый год обучения : с рисунками. Рига, 1925.
- Воронович, Н.* "Зеленая книга" : исторія крестьянскаго движенія в Черноморской губерніи : сборникъ матеріалов и документов. Прага, 1921.
- Воротниковъ, А.* Зоэ. Берлинъ, 1922

- Воспоминанія* кронпринца Вильгельма. На основаніи заметокъ, документовъ, дневниковъ, и бесѣдъ составилъ Карль Роснеръ. Берлинъ, 1922.
- Войновъ*, Я. Старыя Горы. Рига, 1929.
- Газаринъ*, Б. Въ Послѣдніе дни--- . Новый Садъ, 1930.
- Газдановъ*, Г. Вечеръ у Клеръ. Парижъ, 1930.
- Галичъ*, Ю. Звѣріада : записки Черкасова. Рига, 1931.
- Галичъ*, Ю. Императорскіе фазаны. Рига, 1926.
- Галичъ*, Ю. Красный Хороводъ. – Рига, 1929.
- Галичъ*, Ю. Легкая кавалерія. Рига, 1928.
- Галичъ*, Ю. Островъ Жасминовъ. Рига, 1928.
- Гаринъ-Михайловскій* Н. Г. Потерянная и возвращенная родина : романъ изъ жизни русской эмиграции . Рига, 1931.
- Геруа*, А. Полчища. Софія, 1923.
- Гейтеръ* А. Въ морѣ корабли... Парижъ, 1932.
- Гиппиусъ*, З. Н. Небесныя слова. Парижъ, 1921.
- Гиппиусъ*, З. Н. Синяя книга : петербургскій дневникъ : 1914-1918. Бѣлградъ, 1929.
- Глуховцова* Е. В темную ночь Бѣлградъ, 1927.
- Гофманъ*, Викторъ. Любовь къ далекой. Берлинъ, 1923.
- Графъ Амори*. Возвращеніе Санина. Рига, 1931.
- Гребенщиковъ*, Г. Въ просторахъ Сибири : 1906-1910 годы. Парижъ, 1922.
- Гребенщиковъ*, Г. Путь человѣческой. Берлинъ, 1922.
- Гребенщиковъ*, Г. Родникъ въ пустынь . Парижъ, 1922.
- Гумилевскій*, Л. Белые земли. Москва ; Ленинград, 1930.
- Гумилевскій*, Л. Несколько исторических данных о поисках «Беловодья». Москва; Ленинград, 1930 .
- Гумилевскій*, Л. Собачій переулокъ. Рига, 1928.
- Гурко*, В. І. Царь и Царица. Paris, 19??
- Даватицъ*, В. Х. и Львовъ Н. Н. Русская армія на чужбинѣ. Бѣлградъ, 1923.
- Даватицъ*, В. Х. Годы : очерки пятилѣтней борьбы : съ приложеніемъ полного списка знаменъ и регалій Русской Арміи, хранящихся въ русской церкви въ Бѣлграде. Бѣлградъ, 1926.
- Даманская*, Августа. Стеклянная стѣна. Берлинъ, 1921.
- Даниленко*, Ф. Ф. К жизни. Харбинъ, 1931.
- Даниленко*, Ф. Ф. Романъ студента Володи. Харбинъ, 1934.
- Дикгоф-Деренталь*, А. А. Разказы. Варшава, 1921.
- Доннеръ*, Н. Дѣтская; рисунки Андрея Доннеръ. Софія, 1939.
- Донец*, Н. Р. Властью фараона. Рига, 1933.
- Донъ-Аминадо*. Дымъ безъ отечества. Парижъ, 1921.
- Донъ Аминадо*. Нескучный садъ . Парижъ, 1935.
- Дрейеръ*, В. фонъ. Крестный путь во имя родины : двухлѣтняя война Краснаго Сѣвера съ Бѣлым Югомъ 1918-1920 года. Берлин-Шарлоттенбург, 1921.
- Дроздовъ*, А. Чертаполохъ . Берлинъ, 1921.
- Дюшенъ*, Б. Республики Прибалтики (Эстонія, Латвія, Литва). Берлинъ, 1921.
- Елачичъ*, Е. Сильные духомъ ; рисунки И. Самойлова. Бѣлградъ , 1930.
- Емельянов*, А. Г. Персидскій фронт : (1915-1918). Берлинъ, 1923.
- Заблудовская* Р. М. Франція : 1914 - 1919 . Paris, 1919.
- Денисовъ* С.В. *Записки* : гражданская война на югѣ Россіи 1918-1920 г.г. : (въ семи книгахъ, съ приложеніемъ 70 картъ-схемъ, исполненныхъ въ цветныхъ краскахъ). Кн. 1, Январь-май 1918 г. : (с приложеніемъ восьми картъ-схемъ). Константинополь, 1921.
- Зайцевъ*, Б. Дальній край. Берлинъ, 1922.

- Зайцевъ*, Б. Москва. Париж, 1939 .
- Зайцевъ*, Б. Тихія зори. Берлинъ ; Петербургъ ; Москва, 1922.
- Зайцевъ*, Б. Сны. Берлинъ ; Петербургъ ; Москва, 1922.
- Зайцевъ*, Б. Усадьба Ланиных и другіе рассказы. Берлинъ ; Петербургъ ; Москва, 1922.
- Зайцевъ*, Б. К. Улица св. Николая. Берлинъ, 1923.
- Заварзинъ*, П. П. Работа тайной полиціи. Парижъ, 1924.
- Задонскій*, А. В. Ступени. Рига, 1928.
- Залъсскай*, П. И. Возмездіе: причины русской катастрофы. Берлинъ, 1925.
- Замятин*, Е. На куличках. Берлин, 1923.
- Замятин*, Е. Островитяне. Берлинъ; Петербургъ; Москва, 1923.
- Зеленская*, Л. Безъ возврата. Riga, 1935.
- Зеленская*, Л. Тѣни ренессанса. Бѣградъ, 1933.
- Зензиновъ*, В. Русское устье. Берлинъ, 1921.
- ЗОДЧІЙ : стихи. - Бѣградъ, 1927.
- Зуровъ*, Л. Кадетъ. Рига, 1928.
- Иванов*, В. Н. 1905-й год: роман молодой души. Харбинъ, 1929.
- Изломова*, Л. Хмель жизни. Бѣградъ, 1928.
- Изразцов*, К. Состояніе Православной Церкви въ Южной Америкѣ: докладъ протопресвитера Константина Изразцова Русскому Заграничн. Синоду, 1929.
- Ирецкій*, В. Холодный уголь. Берлин, 1930.
- Іоаннъ, іеромонахъ*. Церковь и Миръ : (очерки). Бѣлая Церковь, 1929.
- КАЗАЧІЙ бытъ: литературный сборникъ. Парижъ: Общество Взаимопомощи студентовъ Донскихъ Казаковъ во Франціи, 1925.
- Каменскій*, А. Студенческая любовь. Берлин, 1923
- Кацель*, А. Исторія Литвы. Часть 1: съ 4-мя приложеніями 3-мя таблицами и 3-мя историческими картами ". Ковно, 1921.
- Каширскій*, Я. Русское Трудовое Христіанское Движеніе. Бѣградъ; Женева, 1934.
- КАНОНЪ* Св. Андрея Критского: (краткій обзоръ библейскихъ событій, въ немъ упоминаемыхъ). В Бѣградѣ: изданіе Русской во имя Св. Троицы церкви, 19??
- Кельчевскій*, Е. Послѣ урагана. Парижъ, 1927.
- Крестовская*, Л. Опустошенные. Парижъ, 1921.
- Керсновскій*, А. А. Философія войны. - Бѣградъ, 1939.
- Керсновскій*, А. Исторія Русской Арміи. Часть 2: (отъ взятія Парижа до покоренія Средней Азіи). Бѣградъ, 1934.
- Кискевичъ*, Е. Стихи о погодѣ. Бѣградъ, 1940.
- КОНФЕРЕНЦІЯ Русскаго Народно-Монархическаго Союза Конституціонныхъ Монархистовъ. Берлинъ, 1922.
- Кони*, А. Ф. На жизненомъ пути. Т. 4, Публичныя чтенія и речи. Ревель; Берлинъ, 1922.
- Короленко*, В. Исторія моего современника. Москва ; Берлинъ, 1922.
- Красновъ*, П. Открытое письмо казакамъ. Paris, 1923.
- Краинскій*, Н. В. Безъ будущаго: очерки по психологіи и эмиграціи проф. Н.В. Краинского. Бѣградъ, 1931.
- КРИЗИСЪ НЭПА и современное положеніе въ Россіи. Новый Садъ, 1923.
- Кундрюцковъ*, Б. А. Кожаные люди. Бѣград, 1930.
- Зворыкинъ*, Н. Н. Крушеніе Золото-валютной Монетной Системы. Берлинъ, 1922.
- Крымовъ*, В. Радость бытя. Берлинъ, 1923.
- Крымовъ*, В. Дьяволенок под столом. Берлинъ, 1933.
- Кузмин*, М. Тихий страж. Берлинъ, 1924.
- Куликовскій*, В. Адонирамъ. Берлин, 1921.

- Купринъ, А. И.* Колесо времени. Бѣлградъ, 1930.
- Купринъ, А. И.* Новые повѣсти и рассказы. Парижъ, 1927.
- Купринъ, А. И.* Елань. - Бѣлградъ, 1929.
- Карачевскій, Н. П.* Что глаза мои видѣли. Берлинъ, 1921.
- Катаев, В. Сэр* Генри и черт. Берлинъ, 1923.
- Клепининъ, Н. А.* Святой и благовѣрный великій князь Александръ Невскій. Paris, 19??
- Козловскій, Л. С.* Владимир Короленко какъ художникъ и мыслитель. Москва; Берлинъ, 1922.
- Короленко, В. Г.* Исторія моего современника. Москва; Берлинъ, 1922.
- Короленко, В. Г.* Очерки и рассказы. Прага, 1921.
- Котляревскій, Н.* Пушкин как историческая личность. Берлинъ, 1925.
- Крестовская, Л.* Изъ исторіи русскаго движенія во Франціи. Париж, 19??
- Крыжановская-Рочестер, В. И.* Блажены нищіе духомъ. Рига, 1934.
- Крыжановская-Рочестер, В. И.* Законодатели. Рига, 1930.
- Крыжановская-Рочестер, В. И.* Изъ царства тьмы. Рига, 1929.
- Крыжановская-Рочестер, В. И.* Нахэма. Рига, 1932.
- Крымов, В. П.* Богомолы въ коробочкѣ. Берлинъ, 1921.
- Кузмин, М.* Крылья. Берлин, 1923.
- Ландау, Г.* Сумерки Европы. Берлин, 1923.
- Лаппо-Данилевская, Н. А.* Да будетъ свѣтъ. Берлинъ, 1922.
- Лаппо-Данилевская, Н. А.* Пустоцвѣты. Рига, 1928.
- Лидинъ, В. Г.* Отступникъ. Рига, 1928.
- Лукашъ, И. С.* Голое поле: книга о Галлиполи. София, 1922.
- Лукашъ, И. С.* Дворцовые гренадеры. Paris, 1928.
- Львова, М. А.* Никитишка: (воспоминанія детства). Париж, 1924.
- Ляцкій, Е. А.* Тундра: романъ изъ бѣженской жизни. Прага, 1925.
- Ладыженскій, В.* За рубежомъ. Бѣлградъ, 1930.
- Лазаревскій, Б.* Душа Женщины. Берлин, 1921.
- Лазаревскій, Б.* Лиза. Бѣлградъ, 1930.
- Лапко, И.* Стихотворенія. Бѣлградъ, 1932.
- Людендорфъ, Э.* Мои военныя воспоминанія 1914-1918 г. , ?
- Людендорфъ, Э.* Мысли о войнѣ и революціи; по Erich Ludendorff: "Meine Kriegserinnerungen 1914-1918", составилъ Б. Третьяковъ. Софія, 1922.
- Лапо-Данилевская, Н. А.* Развалъ 1916-1917 годов. Берлин, 1921.
- Левинъ, И.* Эмиграція французской революціи. Часть 1. Берлинъ, 1923.
- Леоновъ, Л.* Гибель Егорушки. Рига, 1927.
- Леонтовичъ, В.* Первые бои на Кубани. Мюнхень, 1923.
- Лидин, В.* Повѣсти о многихъ дняхъ. Берлинъ, 1923.
- Лосскій, Н.* Материя и жизнь. Берлин, 1923.
- Ломоносов, Ю. В.* Воспоминанія о мартовской революціи 1917 г. Берлинъ, 1919.
- Лукашъ, И.* Домъ Усопшихъ. Берлин, 1922.
- Лукашъ, И.* Графъ Калиостро. Берлинъ, 1925.
- Лукашъ, И.* Сны Петра. Бѣлградъ, 1931.
- Лукомскій, А. С.* Воспоминанія генерала. Т. 2: періодъ Европейской войны, начало разрухи въ Россіи, борьба съ большевиками. Berlin, 1922.
- Ляцкій, Гончаров* : жизнь, личность, творчество, критико-біографическіе очерки. Стохгольмъ, 1920.
- Максимовъ, С. К.* Чудо Рюмина. Парижъ, 1939.
- Маркеловъ, К.* На берегу Москва-рѣки. Paris, 1926.

- Милюковъ, П. Н.* Три попытки : (къ исторіи русскаго лжеконституціонализма). Париж, 1921.
- Мицловъ, С. Р.* Ведрянная выдалась зима, тихая да морозная. [Б.м. : б.и., 19??].
- Мицловъ, С. Р.* Свистопуть : юмористическіе рассказы. Рига, 1930.
- Мстиславскій, С.* На крови. Berlin : Рига, 1928.
- Мякотин, В. А. А. С.* Пушкин и Декабристы. Берлин : Прага, 1923.
- Маргеритъ, В.* Тѣло твое принадлежитъ тебѣ. Рига, 1927.
- Мариенгоф, А.* Циники. Берлин, 1928.
- Маріюшкинъ, А.* Трагедія русскаго офицерства. Новый Садъ, 1923.
- Матвѣева, К.* И смолкли колокола . Бѣлградъ, 1935.
- Матвѣева, К.* Аннушкина жизнь. Бѣлградъ, 1937.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Братья Гордѣевы. Прага, 1920.
- Май-Скиф.* Без вдохновенія. Бѣлград, 1936.
- Мережковскій, Д.* Антихристъ. Т. 1, Петръ и Алексѣй. Берлин, 1922.
- Мережковскій, Д.* Исусъ Неизвѣстный. Т. 1; Т. 2. Бѣлградъ, 1932-1934.
- Мережковскій, Д.* Наполеонъ. Бѣлградъ, 1929.
- Мережковскій, Д.* Мессія. Paris, 1928.
- Мережковскій, Д.* Рожденіе боговъ : Тутанкамонъ на Критѣ. Прага, 1925.
- Мережковскій, Д. С.* Тайна Трех. Египет и Вавилон. Прага, 1925.
- Мережковскій, Д.* Тайна Запада : Атлантида-Европа. Бѣлградъ, 1930.
- Мицловъ, С. Р.* За мертвыми душами. Берлинъ, 1921.
- Мицловъ, С. Р.* То, чего мы не знаемъ. София, 1926.
- Нагородская, Е. А.* Бѣлая колоннада, 19??
- Нагородская, Е. А.* Записки Романа Васильева. Paris, 19??.
- Наживинъ, И. Ф.* Въ деревнѣ : рассказы для дѣтей. Берлинъ, 1922.
- Наживинъ, И. Ф.* Записки о революціи. Вѣна, 1921.
- Наживинъ, И. Ф.* Каменная баба. Berlin, 1921.
- Наживинъ, И. Ф.* Лиліи Антиноя : историческій романъ. Брюссель, 1933.
- Наживинъ, И. Ф.* Перед катастрофой. Мюнхень, 1922.
- Наживинъ, И. Ф.* Прорва : бѣженскій романъ. Рига, 1928.
- Наживинъ, И. Ф.* Фатум : бѣженскій романъ. Париж, 1926.
- Наживинъ, И.* Во мглѣ грядущаго. Вѣна, 1921.
- Наживинъ, И.* Остров блаженных. Tientsin, 1936.
- Наживинъ, И.* Перунъ. Парижъ, 1927.
- Наживинъ, И.* Что же намъ дѣлать? Б. м., 19??
- Немирович-Данченко, В. И.* Бедная Инес и другие рассказы. Берлинъ, 1923.
- Немирович-Данченко, В. И.* Вольчья сыть: романъ въ трехъ частяхъ. Берлинъ, 1923.
- Немирович-Данченко, В. И.* На кладбищахъ: (воспоинаія). Ревель, 1921.
- Немирович-Данченко, Георгій Владимирович.* Лѣто господне . Мюнхень, 1922.
- Николай II, император,* Дневник императора Николая II. Берлинъ, 1923.
- Никольскій, Ю. А.* Тургеневъ и Достоевскій : исторія одной вражды. София, 1921.
- Новгородцевъ, П.* Объ общественномъ идеале. Берлинъ, 1921.
- Нолькен, И. С.* Строптивый Генераль-Адъютантъ : из прошлаго. Рига, 1929.
- Народныя Русскія Сказки.* Вып. 1 / рисунки С. И. Кучинскаго. Бѣлградъ, 1928.
- Народныя Русскія Сказки.* Вып. 3 / рисунки С. И. Кучинскаго. Бѣлградъ, 1929.
- Народныя Русскія Сказки.* Вып. 4 / рисунки Г. Самойлова. Бѣлградъ, 1929.
- Народныя Русскія Сказки.* Вып. 5 / рисунки Г. Самойлова. Бѣлградъ, 1929.
- Неверов, А. С.* Ташкентъ-городъ хлѣбный. Рига, 1929.
- Невядомскій, Н. Е.* Дѣвичья честь и бракъ. Берлинъ , 1926.
- Несторъ, епископъ.* Маньжурія – Харбинъ. Бѣлградъ, 1933.

- Несторъ*, архієпископъ. Очерки Дальняго Востока. Бѣлградъ, 1934.
- Никонъ*, іеромонахъ. Утѣшеніе въ скорбяхъ. На насл. стр.: Докладъ, прочитанный въ Братствѣ памяти о. Іонна Кронштадскаго и въ общемъ собраніи Русскаго Охраннаго Корпуса. Право име аутора: Рклицки Николај Павлович (1892-1972, САД). Бѣлградъ, 1943.
- Новгородцевъ*, П. Обь общественномъ идеалѣ. Берлин, 1921.
- Нолькенъ*, Б. И. Живые и Мертвые. Рига, 1927.
- Оболенскій*, В. Очерки минувшаго. Белградъ, 1931.
- Оберучевъ*, К. Въ дни революціи : воспоминанія участника великой русской революціи 1917-го года. New York : издание Перваго Русскаго Издательства въ Америкѣ, 1919.
- Ръчь Обера* : произнесенная въ защиту Полунина передъ судомъ присяжныхъ въ Лозаннѣ по дѣлу обь убійствѣ Воровскаго. Бѣлградъ, 1924.
- Ольденбургъ*, С. С. Царствованіе Императора Николая II. Томъ 1. Бѣлградъ, 1939.
- Павловъ*, Н. А. Земля и воля : романъ. Берлин, 1927.
- Первухинъ*, М. К. Изобретатели. Бухарестъ, 1924.
- Пестржецкий*, Д. И. Около земли : изъ курса лекцій сельско-хозяйственной статистики. Берлинъ, 1922.
- Піотровскій*, В. Атлантида подь водой : романъ. Берлинъ, 1928.
- Платонов*, С. П. Смутное время. Прага, 1924.
- Плехановъ*, Г. В. Годъ на Родинѣ: полное собраніе статей и рѣчей 197-1918 г. въ двухъ томахъ. Париж, 1921.
- Половцов*, Л. В. Рыцари Тернового Вѣнца : воспоминанія Члена Госуд. Думы Л.В. Половцова о 1 –омъ Кубанскомъ ледяномъ походѣ ген. М. В. Алексеева, Л.Г. Корнилова и А. И. Деникина. Прага, 1935.
- Поповъ*, К. Г.г. офицеры : очерки. Парижъ, 1929.
- Предчувствія и свершенія* : Утвержденіе евразійцевъ ; статьи Петра Савицкаго, Г. Сувчинскаго, И. С. Трубецкаго и Георгія Флоровскаго. Софія, 1921.
- Павловъ*, Николай А. Алексеевич. Бредъ: Россія въ 19--г. Парижъ, 1928.
- Палеолог*, С. Н. Около власти. Бѣлград, 19??
- Первухинъ*, М. К. Обломки . Берлинъ, 1922.
- Пильнякъ*, Б. Повѣсть Непогашенной Луны : [убійство командарма]. Софія, 1927.
- Помяловскій*, Н. Г. Очерки бурсы. Прага, 1920.
- Потапенко*, Н. Чортъ. Берлин, 1922.
- Пушкаревъ*, С. Г. Роль Православной Церкви въ исторіи культуры и государственности – [Юбилейное изд. къ 950 лѣтію Крещенія Руси. 988-1938 г]. Checjslovaquit, 1938.
- Раковскій*, Г. Конецъ бѣлыхъ: от Днѣпра до Босфора: (вырожденіе, агонія и ликвидація). Прага, 1921.
- Родзянко*, А. П. Воспоминаія о Сѣверо-Западной арміи. Берлинъ, 1921.
- Родичевъ*, Ф. И. Большевики и евреи. Лозана, 19??
- Романовъ*, П. Огоньки. Рига, 1929.
- Романовъ*, П. Русь. Рига, 1928.
- Русскіе писатели* / под редакціей И. А. Бунина. Париж, 1921.
- Рындина*, Л. Д. Фаворитка рока. Берлинъ, 1923.
- Ремизовъ*, В. М. Мара. Берлинъ, 1922.
- Ремизовъ*, В. М. Повѣсть о Иванѣ Семеновичѣ Стратиловѣ. Берлинъ, 1922.
- Ремизов*, А. Зга. Прага, 1925.
- Ремизов*, А. Крашенные рыла. Берлинъ, 1922.
- Ремизов*, А. По карнизамъ. Бѣлградъ, 1929.
- Ремизов*, А. Пятая язва. Берлин ; Петербургъ ; Москва, 1922.

- Рыбинскій, Н.* Галиполійскіе Разказы. Бѣлградъ, 1926.
- Родионов, И. А.* Сыны дьявола. Бѣлградъ, 1932.
- Романовъ, П.* Русь. Рига, 1927.
- Романовъ, П.* Товарищ Кисляков . Berlin, 1931.
- Роцинъ, Н.* Горнее солнце. Paris, 1928.
- Роцинъ, Н.* Журавли. Бѣлградъ, 1930.
- Русская культура* : сборникъ статей. Бѣлградъ, 1925.
- Рыссъ, П.* Русскій опытъ: историко-психологическій очеркъ русской революціи. Париж, 1921.
- Румянцевъ, Конной Артиллеріи Капитанъ.* Исторія военного искусства : лекціи, читанныя Ген.-Шт. Полковникомъ Сергѣевскимъ на старшемъ класѣ въ 1932-33 году. Бѣлградъ, 1933.
- Сборникъ под редакціей В. Е. Бѣлановичъ-Зубова и А. Е. Котомкина : Славяне и Востокъ. Прага, 1921.
- Сейфуллина Л.* Перегной. Рига, 1928.
- Серапионовы братья: заграничный альманахъ. Берлин, 1922.
- Сергеев-Ценский С.* Чудо : изъ серии «Крымскіе разказы». Берлин, 1923.
- Скорбь Земли Русской : сборникъ статей 1920 года. Нью-Йоркъ, 1920.
- Слезкинъ Ю.* Вѣтеръ. Берлинъ, 19--.
- Слезкинъ, Ю.* Романъ балерины; съ приложрніемъ статьи Мих. Булгакова и портретомъ автора. Рига, 1928.
- Соколовъ, Б. Ф.* Палачъ. Брюссель, 1922.
- Соколовскій, П. А.* Авенирь Ивановъ : романъ. Париж, 1935.
- Солоневичъ, Ю.* Повесть о 22-х несчастных. Софія, 1938.
- Струве, П.* Размышленія о русской революціи. Софія, 1921.
- Сухомлинов, В.* Воспоминанія. Берлин, 1924.
- Сытин, А.* Пастух племен. Берлин, 1930.
- Савватій.* Краткая повѣсть о минувшемъ вздорѣ ; Силы жизни. Paris, 1925.
- Савичъ, О.* Синій шелкъ. Рига, 1927
- Савченко, П.* Государыня Императрица Александра теодоровна .Бѣлградъ, 1939.
- Салтыковъ, Н. Н.* Аналитическая геометрія. Новый Садъ, 1923.
- Сахаров, К. В.* Бѣлая Сибирь. Мюнхен, 1923.
- Сахновскій, Г.* Стихи. Парижъ, 1932.
- Сборникъ въ память Святаго Равноапостольнаго Князя Владимира. Бѣлградъ, 1930.
- Семенов Г. М.* Атаман Семенов. О себѣ : воспоминанія, мысли и выводы 1904–1921. Харбин, 1938.
- Сливинскій, А.* Конный бой 10-й кавалерійской дивизіи Генерала Графа Келлера 8/21 августа 1914 года у Д. Ярославлице. Сербія, 1921.
- Скляръ, Иларіонъ* іеромонахъ. Голос совѣсти: къ церковному объединенію Русской заграничной Церкви. Бѣлградъ, 1935.
- Сморodin- Никонов М. З.* Поземельно – хозяйственное устройство крестьянской России . Софія, 1939.
- Соколовъ, К. Н.* Правленіе генерала Деникина: (изъ воспоминаній). Софія, 1921.
- Соловейчикъ, Антонъ.* Борьба за возрожденіе Россіи на Востокѣ : Поволожье, Уралъ и Сибирь въ 1918 году. Ростовъ на Дону, 1919.
- Сологуб, Ф.* Барышня Лиза. Москва; Берлин, 1923.
- Сологуб, Ф.* Мелкій бѣсъ. Берлинъ; Петербургъ; Москва, 1923.
- Что говорит Иван Солоневич. Белград, 1940.
- Сорокинъ, П. А.* Современное состояніе Россіи. Прага, 1922.
- Стельмашенко, М.* протоірей. Возможно- ли "соединеніе" Церквей? Нови Сад, 1925.

- Станкевич, В. и К.* На великом севере. Берлин, 1923.
- Сычевъ, Н.* Сербская Армія въ Европейской войнѣ. Бѣлградъ, 1928.
- Сургучевъ, И.* Эмигрантскіе рассказы. Paris, 1927.
- Сурскій, И. К.* Отецъ Іоаннъ Кронштадскій. Томъ 2 . Бѣлградъ, 1941.
- Телешовъ, Н.* Рассказы. Берлинъ; Петербургъ; Москва, 1922.
- Теляковский, В. А.* Воспомянаія : 1898-1917. Петербург, 1924.
- Терне, А. М.* Новое ученіе о социологіи : опыты методологическаго построения новой теоріи социальныхъ отношеній. Берлинъ, 1922.
- Толстой, А. Н.* Утоли моя печали. Берлинъ, 1922.
- Тальбергъ, Н. Д.* Церковный Расколъ. Парижъ, 1927.
- Ткачевъ, В. М.* Памятка Русскаго Сокола. Бѣлградъ, 1934.
- Труды Учредительной Конференціи Русскаго Народно-Монархическаго Союза (Конституционныхъ Монархистовъ),* Берлинъ, съ 25 марта по 5 апрѣля 1922 года. Мюнхен, 1922.
- Тряпкин, Б. В.* Церковь и Государство. 1939 (Белая библиотека).
- Толстой, А. Н.* Лихіе года. Берлинъ; Петербург; Москва: Издательство З.И. Гржебина, 1923.
- Трубецкой, Е.* Изъ прошлаго. Софія, 1917.
- Тутковский, П.* Арабески. Харбинъ, 1938
- Тутковский, П.* Маріонетки невѣдомаго. Бѣлградъ, 1923.
- Тутковский, П.* Персть Божій. Новый Садъ, 1924.
- Тутковский, П.* Чась голубойю Белград, 1927.
- Тэффи, Н. А.* Вечерній день. Прага, 1924.
- Тэффи, Н. А.* Книга Іюнь. Бѣлградъ, 1931.
- Тэффи, А. Н.* Рысь. Берлинъ, 1923.
- Тэффи, Н. А.* Черный ирисъ. Стокхольмъ, 1921.
- Урванцовъ, Л.* "Со святыми упокой". Берлин, 1921.
- Урванцовъ, Л.* Пьяный міръ : романъ въ двухъ частяхъ. Берлинъ, 1922.
- Федин, К.* Анна Тимофеевна. Берлинъ, 1923.
- Фединъ, .* Мужики. Рига, 1927.
- Фибих, Д.* Угар : роман в двухъ частях. Берлин, 1930.
- Федоровъ, Василий Георгиевич.* Судъ Вареника. Прага, 1930.
- Фелин Осип.* Двое и тень : записки бешеной собаки. Берлин, 1927.
- Феодосьевъ, Несторъ.* Илья Бѣженецъ : поэма эмигрантская. Новый Садъ, 1930.
- Финне, К. Н.* Русскіе воздушные богатыри И. И. Сикорскаго : матеріфлы для исторіи Русской авіаціи съ 88 снимками въ текстѣ. Бѣлградъ, 1930.
- Храповицкій, А.* Сборникъ избранныхъ сочиненій Блаженнѣйшаго Антонія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго: съ портретомъ и жизнеописаніемъ автора. Юбилейное изд. ко дню 50-лѣтія священнослуженія. Бѣлградъ, 1935.
- Храповицкій, А.* Словарь к твореніямъ Достоевскаго : не должно отчаяваться. Софія, 1921.
- Цевловскій, Ф.* Церон. Белград, 1936.
- Цевловскій, Ф.* Люди и золото. Белград, 1940.
- Цуриковъ Н. А.* Господинъ Солоневичъ и его «работа» въ эмиграціи. Б. м., 1939.
- Чапыгинъ, А.* Бѣлый скитъ. Берлинъ; Петербургъ; Москва, 1922.
- Чельцовъ, Г.* Законъ Божій : объясненіе Символа веры, молитвъ и заповѣдей, Ветхій и Новый Завѣтъ и краткое ученіе о Богослуженіи православной церкви. Берлинъ, 19??
- Чириковъ Е. Н.* Зверь из бездны: поэма страшныхъ лет. Прага, 1929.
- Чириковъ, Е.* Между небомъ и землей. Paris, 0927.
- Чириковъ, Е.* Отчій домъ : (семейная хроника). Бѣлградъ, 1931.

- Чириковъ*, Е. Вечерній звонъ. Бѣлградъ, 1932.
- Чириковъ*, Е. Мой романъ. Париж, 1926.
- "Чугуевцы" : исторически-бытовой сборникъ объединенія Чугуевского военного училища : 1921-1936. г. Выпускъ подъ редакціей И. А. Зыбина. Београд, 1936.
- Чурповъ*, А. И. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Берлинъ, 1921.
- Чухнов*, Н. Н. Бѣлое, бѣлое---. Бѣлградъ, 1923.
- Шкловскій*, В. Сентиментальное путешествіе : воспоминанія 1917-1922 : Петербургъ - Галиція - Персія - Саратовъ - Кіевъ - Петербургъ - Днѣпръ - Петербургъ - Берлинъ. Москва; Берлинъ, 1923.
- Шмелевъ И. С.* Неупиваемая чаша. Париж, 1921.
- Шмелевъ И. С.* Это было. Берлинъ, 1923.
- Шмелевъ*, Иван. Богомолье. Бѣлградъ, 1935.
- Шмелевъ*, И. Въѣздъ въ Парижъ. Бѣлградъ, 1929.
- Шмелевъ*, И. На морскомъ берегу. Бѣлградъ, 1930.
- Шмелевъ*, И. Родное. Бѣлградъ, 1931.
- Штейфонъ*, Б. Кризисъ добровольчества. Бѣлградъ, 1928.
- Шульгинъ*, В. В. Дни. Бѣлградъ, 1925.
- Шульгинъ*, В. В. Нѣчто фантастическое. Софія, 1922.
- Щировская*, Е. Передъ войной. Харбин, 1921.
- Щуцкой*, Б. Рок. Таллин, 1934.
- Щуцкой*, Б. Суд. Бордо, 1937.
- Щуцкой Б.* Бой. Бордо, 1937.
- Эренбургъ*, И. Въ проточномъ переулкѣ. Рига, 1927.
- Эренбургъ И.* Ликъ войны: во Франціи. Софія, 1920.
- Эренбургъ И.* Опустошающая любовь. [б. м.], 1922.
- Эренбургъ И.* Рвач. Париж, 1925.
- Эренбургъ И.* Тринадцать трубокъ. Берлин : Москва, 1923.
- Юшкевич*, С. Голубиное царство. Берлин, 1923.
- Яновскій*, В. С. Колесо. Парижъ ; Берлинъ, 1930.
- Янушкевичъ*, И. Казань. Новый Садъ, 1928.

Noty o autorach

Ефимова Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, фольклорист, литературовед, генеральный директор Интеллектуального центра «Залекер». Сфера научных интересов: культурология, филология, фольклористика. Важнейшие публикации по эмигрантологии касаются русской проповеди и преподобного Сергия Радонежского в зарубежье.

Федотов Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Московского института открытого образования, теоретик и историк русской и зарубежной литературы, стиховед, автор монографий о В. Набокове и В. Ходасевиче, а также многочисленных статей в области эмигрантологии, посвященных творчеству И. Шмелева, Вяч. Иванова, Г. Иванова, Г. Голохвастова, И. Бродского и других авторов.

Kowalska-Stus Hanna – dr hab., profesor nadzwyczajny w Instytucie Rosji i Europy Wschodniej Uniwersytetu Jagiellońskiego, kulturoznawca i literaturoznawca. Główne obszary zainteresowań badawczych: folklor rosyjski i chrześcijaństwo, kultura ruska XI – XVII wieku, rosyjska literatura emigracyjna. Autorka licznych publikacji z zakresu kultury rusko-bizantyjskiej, historii Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej, literatury rosyjskiej emigracji.

Ланда Татьяна Юрьевна – доктор филологических наук, профессор Тель-Авивского университета (Израиль). Сфера научных интересов – теория драматургии, творчество современных русских и русскоязычных драматургов. Автор ряда статей о драматургии В. Набокова, И. Бродского, С. Злотникова и других писателей.

Ojcewicz Grzegorz – dr habilitowany, profesor Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie oraz Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, literaturoznawca i tłumacz. Przetłumaczył m. in. zbiór wierszy emigracyjnego poety rosyjskiego Borysa Popławskiego. Autor i współautor monografii oraz licznych artykułów poświęconych życiu i twórczości I. Bunina, S. Jesienina, J. Mogutina, św. Matki Marii (J. Skobcowej) i innych pisarzy rosyjskich.

Палибрк-Сукич Несиба Магомедовна – библиограф, социолог, сотрудник городской библиотеки г. Панчево (Сербия). Автор ряда монографий и научных статей посвященных истории и культуре русской эмиграции в Сербии.

Suchanek Lucjan – filolog, kulturoznawca, rosjoznawca, dr hab., profesor, przewodniczący Komisji Emigrantologii Słowian Międzynarodowego Komitetu Słowistów. Główne obszary zainteresowań badawczych: literatura i publicystyka

rosyjska XIX w., literatura rosyjskiej emigracji trzeciej fali, rosyjska myśl społeczno-polityczna i religijno-filozoficzna. Autor monografii o A. Sołżenicynie, A. Zinowjewie, E. Limonowie, J. Drużnikowie, a także licznych artykułów poświęconych literaturze rosyjskiej emigracji i emigrantologii jako dziedzinie badań rosjoznawczych.

Шелемова Антонина Олеговна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов в Москве, историк русской и белорусской литературы, медиовист. Автор монографии о поэтике «Слова о полку Игореве», а также статей о древнерусской письменности, белорусской поэзии и литературе русской эмиграции первой волны.

Забияко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой религиоведения и истории, руководитель Лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета (г. Благовещенск), ведущий научный сотрудник Амурской лаборатории археологии и этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, главный редактор научно-теоретического журнала «Религиоведение». Сфера научных интересов: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке, Россия и Китай в культурном и религиозном сознании дальневосточной эмиграции, русские и китайцы: проблемы этнического взаимодействия в исторической перспективе.

Забияко Анна Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск). Область научных интересов: история культуры и литературы дальневосточного зарубежья в социокультурном, этнорелигиозном и общественно-политическом контекстах, жанрология литературы русского зарубежья, Россия и Китай в литературе и художественном сознании дальневосточной эмиграции.

Захарова Виктория Трофимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры классической и современной литературы, директор научно-образовательного центра «Аксиология славянской культуры» Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (Нижний Новгород, Россия). Область научных интересов: русская литература XIX-XX вв.; Серебряный век русского искусства; литература русского Зарубежья; взаимосвязь литературы и религии, литературы и философии; онтологическая поэтика, мифопоэтика; аксиология славянских культур.

ZASADY KWALIFIKOWANIA TEKSTÓW DO DRUKU

1. W pierwszej kolejności nadesłane teksty poddawane są przez redakcję weryfikacji pod względem zgodności z tematyką i profilem czasopisma oraz spełnienia wymagań formalnych publikacji naukowej (zob. „Wymagania redakcyjne”). Prace niespełniające wymienionych kryteriów są odsyłane do autorów z prośbą o dostosowanie do wymagań redakcyjnych.

2. Zgłaszając prace do czasopisma, autorzy wyrażają zgodę na ich opublikowanie w wersji elektronicznej. Do tekstów należy dołączyć podpisaną przez autora deklarację (druk w załączniku, zob. także stronę internetową czasopisma), że nadesłany tekst jest całkowicie oryginalny, nie narusza praw osób trzecich i nie jest aktualnie rozpatrywany pod kątem publikacji w innym czasopiśmie lub opracowaniu zbiorowym, a autor wyraża zgodę na dokonanie w ramach opracowania redakcyjnego niezbędnych zmian w tekście.

3. Teksty, które przeszły pierwszy, techniczny etap kwalifikacji kierowane są do dwóch (wyznaczonych przez redakcję) recenzentów afiliowanych w innej jednostce niż jednostka macierzysta autora (autorów) artykułu.

4. Proces recenzji ma charakter poufny i anonimowy zarówno dla recenzentów, jak i dla autorów. W czasopiśmie „Emigrantologia Słowian” stosowana jest zasada tzw. podwójnej ślepej recenzji (double-blind review): redakcja nie ujawnia recenzentom nazwisk autorów, ani nie informuje autorów, kto był recenzentem ich artykułów. Recenzentom nie wolno wykorzystywać wiedzy na temat artykułów przed ich publikacją. Lista recenzentów dostępna będzie na stronie internetowej czasopisma.

5. Na podstawie recenzji redakcja podejmuje decyzję o przyjęciu lub nieprzyjęciu tekstu do publikacji. Po otrzymaniu dwóch pozytywnych opinii recenzentów redakcja przekazuje ich treść (bez ujawniania nazwiska recenzenta) autorowi (autorom) w celu ustosunkowania się do ewentualnych uwag krytycznych. Po naniesieniu poprawek tekst oceniany jest przez redakcję, która wydaje ostateczną decyzję o skierowaniu do druku. W uzasadnionych wypadkach możliwa jest ponowna ocena tekstu przez recenzentów. Sprzeczne opinie w recenzjach (oraz inne uzasadnione sytuacje) mogą stanowić dla redakcji powód do powołania dodatkowego recenzenta. Ostateczna decyzja o akceptacji artykułu do druku lub o jego odrzuceniu należy do redakcji, a autorzy są o niej niezwłocznie informowani.

6. Redakcja czasopisma „Emigrantologia Słowian”, dbając o wysoki poziom merytoryczny czasopisma, i stosując się do zaleceń MNiSW, stosuje procedury przeciwdziałające zjawiskom „ghostwriting” (przypadki braku ujawnienia nazwiska osoby, która wniosła istotny wkład w powstanie publikacji i była jej faktycznym autorem lub współautorem) oraz „guest (honorary) authorship” (przypadki uwzględnienia konkretnej osoby jako autora lub współautora pracy, mimo że jego wkład w publikację był znikomy albo w ogóle nie miał miejsca).

Tego typu działania będą demaskowane i dokumentowane przez redakcję, ponieważ są przejawami nieuczciwości naukowej, podważają oryginalność i rzetelność publikacji naukowych, a także zaprzeczają jakościowym podstawom uprawiania nauki. O wykryciu przypadków „ghostwriting” i „guest authorship” powiadamiane będą odpowiednie podmioty (instytucje naukowe zatrudniające autorów, inne ośrodki naukowe i czasopisma). W celu zapobiegnięcia przypadkom nieuczciwości naukowej redakcja prosi autorów o ujawnianie wkładu poszczególnych osób w powstanie publikacji (z podaniem ich afiliacji

oraz określenia rodzaju wkładu; kto jest autorem koncepcji, założeń, metod, itp. wykorzystywanych przy przygotowaniu tekstu). Należy również podać informacje o źródłach finansowania badań i samej publikacji („financial disclosure”), wkładzie instytucji naukowo-badawczych, stowarzyszeń i innych podmiotów, np. jeśli publikacja powstała w ramach grantu lub projektu naukowego. W związku z koniecznością złożenia wraz z tekstem deklaracji o prawach autorskich i oryginalności tekstu, główną odpowiedzialność za tekst ponosi autor zgłaszający manuskrypt.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ

1. Присланные тексты, в первую очередь, подвергаются оценке редколлегии (критерии совпадения с проблематикой журнала и соблюдения технических требований). Работы, которые не выполнили данных критериев, возвращаются авторам с просьбой внести исправления согласно «Техническим требованиям» журнала.

2. Присылая свои статьи, авторы выражают согласие опубликовать их в электронной форме. Вместе с текстами надо прислать заявление (формуляр в приложении, см. также сайт журнала), что предложенная статья полностью оригинальна, не нарушает прав других людей и не подвергается в данный момент рецензионной процедуре в других журналах и сборниках. В процессе обработки текста редколлегия может внести необходимые изменения в статью.

3. Тексты, одобренные редколлекцией, подлежат оценке двух, назначенных редколлекцией, рецензентов, работающих в других научных центрах, чем автор/авторы статьи.

4. Процедура рецензии является анонимной как для рецензентов, так и для авторов. В журнале „Эмигрантология славян” осуществляется так называемая двойная анонимная система рецензирования (double-blind review): редколлегия не называет фамилии авторов и не сообщает авторам, кто рецензировал их статьи. Рецензенты не могут распространять информацию о статьях и каким-либо образом использовать ее до момента публикации. Список рецензентов доступен на сайте журнала.

5. На основании рецензий редколлегия решает об одобрении текстов. После того, как текст получит две положительные рецензии, их содержание (без данных рецензента) передается автору (авторам), чтобы они могли отнестись к возможным критическим замечаниям. Исправленный текст оценивается редколлекцией, которая принимает решение о допуске статьи к печати. В обоснованных случаях возможна повторная рецензия. Противоречивые рецензии (и другие обоснованные случаи) могут стать для редколлегии причиной передачи текста третьему, дополнительному рецензенту. Окончательно об одобрении текста решает редколлегия, о чём немедленно сообщает авторам.

6. Редколлегия журнала „Эмигрантология славян”, с целью обеспечить высшее научное качество журнала, соблюдая стандарты Министерства науки и высшего образования Республики Польша, внедряет процедуры, противодействующие практикам „ghostwriting” (в случае, когда не указана фамилия внесшего значимый

wkład w создание публикации и фактически являющегося ее автором или соавтором) и „guest (honorary) authorship” (в случае, когда среди авторов указан не писавший данный текст и не проводивший исследования, или проводивший их в очень ограниченной форме). Вышеописанные практики, как примеры нечестной и незаконной деятельности, будут обнаруживаться и документироваться редколлекцией, так как они нарушают подлинность публикаций и честность их авторов, а также противоречат основным стандартам в науке. О случаях „ghostwriting” и „guest authorship” редколлекция будет сообщать соответствующим органам (институты, в которых работают авторы, и другие научные центры и журналы). Во избежание нечестных практик редколлекция обращается к авторам с просьбой указать соавторов данной публикации (назвать их место работы и определить вклад; кто был автором концепции, гипотез, анализа и т.д.). Надо также сообщить об источниках финансирования исследований и публикации („financial disclosure”), вкладе научно-исследовательских институтов, обществ и других организаций, напр., если статья написана в рамках гранта или научного проекта. Присланное вместе с текстом заявление об авторских правах и его подлинности переносит главную ответственность за текст на автора.

WYMAGANIA REDAKCYJNE

Redakcja przyjmuje teksty w językach słowiańskich oraz w języku angielskim. Ze względu na potencjalnych odbiorców sugerowane języki to polski, rosyjski i angielski. Teksty prosimy przygotowywać według poniższych zaleceń. Dla ułatwienia na stronie czasopisma został zamieszczony szablon artykułu:

<http://emigrantologia.uni.opole.pl/wp-content/uploads/2016/06/template-POL.doc>

1. Objętość artykułu

Sugerowana objętość tekstów:

- artykuły (do 30.000 znaków ze spacjami)
- recenzje (do 12.000 znaków ze spacjami)
- notki bibliograficzne (do 2500 znaków ze spacjami)

2. Maszynopis powinien spełniać następujące wymagania formalne:

- program Word 97-2003,
- format A4, marginesy: lewy, prawy, górny i dolny po 2,5cm,
- czcionka Times New Roman, wielkość 12 pkt, odstępy między wierszami 1,5,
- strony maszynopisu należy ponumerować,
- Nazwy plików powinny być czytelne – nazwisko autora i tytuł artykułu (może zawierać tylko pierwsze wyrazy).
- należy unikać wyróżnień w tekście. Dopuszczalne są jedynie następujące typy wyróżnień w tekście:
  - kursywa – dla tytułów publikacji, wyrażeń obcojęzycznych oraz dla wyrazów i wyrażeń stanowiących przykłady,
  - **pogrubienie** – dla tytułów, terminów i partii tekstów wymagających wyróżnienia,

- podkreślenia – dla terminów i wyrażeń wymagających wyróżnienia (w ten sposób oznaczamy tekst, gdy ma być on spacjaowany).

W całym tekście głównym i w przypisach należy wyróżnić wszystkie tytuły dzieł zwartych czy artykułów opublikowanych w dziełach zbiorowych pismem pochyłym bez używania cudzysłowów, np.:

Роман Газданова Вечер у Клэр был опубликован в 1929 г.

Natomiast przy zapisie czasopism należy używać cudzysłowów, np.:

В дискуссии, проведённой журналом «Наука и религия», критик Ирина Васюченко заявила, что «Авдий [...] ассоциируется с Христом» (Пока небо не погасло 1987: 24).

3. Maszynopis powinien być kompletny, tzn. powinien zawierać:

- imię i nazwisko autora (autorów)
- afiliację autora (autorów)
- tytuł artykułu w języku tekstu oraz w języku angielskim
- tekst zasadniczy
- wykaz literatury
- streszczenie w języku tekstu oraz w języku angielskim (ok. 800 znaków)
- słowa kluczowe w języku tekstu oraz w języku angielskim

4. Cytaty i powołania na źródła.

W tekście głównym należy stosować odniesienia do literatury poprzez ujęcie w nawias nazwiska autora pracy, roku wydania i stron, np. (Nowak 1985: 65-70), a jeśli cytowana jest praca zbiorowa, to w nawiasie należy zamieścić początkową część tytułu i rok wydania, np. (Литературные манифесты...1980: 184).

5. Wykaz i opis pozycji literatury:

Należy umieszczać na końcu całej pracy w porządku alfabetycznym.

Opis pozycji literatury:

a) Pracy autorskiej – musi zawierać: nazwisko i inicjał imienia autora, rok wydania, tytuł pracy (kursywą), miejsce wydania.

Przykład: Бердяев Н., 1985, Смысл творчества. Опыт оправдания человека, Paris.

b) Pracy zbiorowej (tzn. co najmniej trzech autorów lub pod redakcją naukową): tytuł pracy (kursywą), rok wydania, nazwisko i inicjał imienia redaktora, miejsce wydania.

Przykład: Kobieta i/jako inny. Mit i figury kobiecości w literaturze i kulturze rosyjskiej XX-XXI wieku (w kontekście europejskim), red. Cymborska-Leboda M., Gozdek A., Lublin.

c) Rozdziału w pracy zbiorowej: nazwisko i inicjał imienia autora rozdziału, rok wydania, tytuł rozdziału (kursywą), przecinek i myślnik, tytuł pracy (kursywą), nazwisko i inicjał imienia redaktora, miejsce wydania, numery stron.

Przykład: Szymonik D., 2008, Od Pięknej Damy do Jawnogrzesznicy. O „srebrnowiecznej” koncepcji kobiety i kobiecości, - Kobieta i/jako inny. Mit i figury kobiecości w literaturze i kulturze rosyjskiej XX-XXI wieku (w kontekście europejskim), red. M. Cymborska-Leboda, Gozdek A., Lublin, ss. 187-194.

d) Artykuły w czasopismach lub seriach naukowych: nazwisko i inicjał imienia autora, rok wydania, tytuł artykułu (kursywą), tytuł czasopisma (w cudzysłowie) lub serii naukowej, numer zeszytu (lub tomu), numery stron. Przykłady:

Зверев А., 1989, «Глубокий колодец свободы...» Над страницами [прозы] Юрия Домбровского, «Литературное обозрение» № 4, с. 14.

e) Publikacje ze źródeł internetowych w zależności od typu publikacji – jak w a), b), c) lub d) wraz z adresem strony i datą dostępu. Naukowej, numer zeszytu (lub tomu), numery stron. Przykłady:

Зверев А., 1989, «Глубокий колодец свободы...» Над страницами [прозы] Юрия Домбровского, «Литературное обозрение» № 4, с. 14.

<https://depot.ceon.pl/handle/123456789/1233> [29.03.2015].

Бердяев Н., 1985, Смысл творчества. Опыт оправдания человека, Paris,

<https://repozytorium.umk.pl/handle/item/2609> [23.03.2015].

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редколлегия принимает статьи на славянских и английском языках, однако рекомендуются польский, русский и английский языки. Правила оформления статей описаны ниже. Рекомендуется использовать шаблон статьи на сайте журнала:

<http://emigrantologia.uni.opole.pl/wp-content/uploads/2016/06/template-RUS.doc>

1. Объём текстов:

Предполагаемый объём:

- статьи (до 30.000 знаков с пробелами)
- рецензии (до 12.000 знаков с пробелами)
- краткие библиографические информации (до 2500 знаков с пробелами)

2. Текст должен соответствовать следующим техническим требованиям:

- файлы .doc (Word 97-2003)
- формат А4, все поля: 2,5см
- шрифт Times New Roman, 12, интервал 1,5
- страницы с нумерацией,
- в названии файла следует указать фамилию автора и заглавие (можно ограничиться первыми словами)
- следует избегать специальных форматов в тексте. Допускаются только следующие форматы выделений:
  - курсив – заглавия публикаций, иноязычные слова, а также выражения и слова, используемые в качестве примеров,
  - **жирный шрифт** – заглавия, термины и фрагменты текста, требующие выделения,
  - подчеркнутый шрифт – термины и выражения, требующие выделения (таким способом выделяем текст с пробелами).

В главном тексте, а также в сносках и комментариях надо выделять курсивом без кавычек все заглавия книг и статей, публикуемых в сборниках, напр.:

Роман Газданова *Вечер у Клэр* был опубликован в 1929 г.

Заглавия журналов надо записывать в кавычках, напр.:

В дискуссии, проведенной журналом «Наука и религия», критик Ирина Васюченко заявила, что «Авдий [...] ассоциируется с Христом» (Пока небо не погасло 1987: 24).

3. Правильно подготовленный текст должен содержать:

- Ф.И.О. автора (авторов)
- место работы автора (авторов)
- заглавие статьи на языке, на котором она написана, и по-английски
- главный текст
- список использованной литературы (**Литература:**)
- резюме (объем ок. 800 знаков) на языке статьи и по-английски
- ключевые слова на языке статьи и по-английски

4. Цитаты и ссылки на источники.

В главном тексте надо употреблять ссылки на литературу, указывая в скобках фамилию автора, год издания и страницы, напр. (Nowak 1985: 65-70), а если цитируется сборник, в скобках надо поместить начало заглавия и год издания, напр. (Литературные манифесты...1980: 184).

5. Список используем/й литературы:

Библиография должна помещаться в конце статьи в алфавитном порядке:

а) Авторская монография – надо вписать: фамилию и инициал имени автора, год издания, заглавие (курсивом), место издания.

Например: Бердяев Н., 1985, Смысл творчества. Опыт оправдания человека, Paris.

б) Соавторская монография (т.е. три или больше авторов, а также сборники под редакцией): заглавие (курсивом), год издания, фамилия и инициал имени редактора, место издания.

Пример: Kobieta i/jako inny. Mit i figury kobiecości w literaturze i kulturze rosyjskiej XX-XXI wieku (w kontekście europejskim), ред. Cymborska-Leboda M., Gozdek A., Lublin.

в) Глава в сборнике: фамилия и инициал имени автора раздела (статьи), год издания, заглавие статьи (курсивом), запятая и тире, заглавие сборника (курсивом), фамилия и инициал имени редактора, место издания, страницы.

Пример: Szymonik D., 2008, Od Pięknej Damy do JawnoGrzesznicy. O „srebrnowiecznej” koncepcji kobiety i kobiecości, – Kobieta i/jako inny. Mit i figury kobiecości w literaturze i kulturze rosyjskiej XX-XXI wieku (w kontekście europejskim), ред. Cymborska-Leboda M., Gozdek A., Lublin, С. 187-194.

г) Статьи в журналах или научных сериях: фамилия и инициал имени автора, год издания, заглавие статьи (курсивом), заглавие журнала (в кавычках) или научной серии, номер тома, страницы. Пример:

Зверев А., 1989, «Глубокий колодец свободы...» Над страницами [прозы] Юрия Домбровского, «Литературное обозрение» № 4, с. 14.

д) Интернет-публикации – кроме информации из пунктов а), б), в), г) надо вписать адрес сайта и дату доступа. Примеры:

Зверев А., 1989, «Глубокий колодец свободы...» Над страницами [прозы] Юрия

Домбровского, «Литературное обозрение» № 4, с. 14.

<https://depot.ceon.pl/handle/123456789/1233> [29.03.2015].

Бердяев Н., 1985, Смысл творчества. Опыт оправдания человека, Paris,

<https://repozytorium.umk.pl/handle/item/2609> [23.03.2015].

<http://emigrantologia.uni.opole.pl/ru/%d0%b3%d0%bb%d0%b0%d0%b2%d0%bd%d0%b0%d1%8f/>

**Komisja Emigrantologii Słowian
Międzynarodowego Komitetu Słowistów
Uniwersytet Opolski**

ISSN 2543-5787